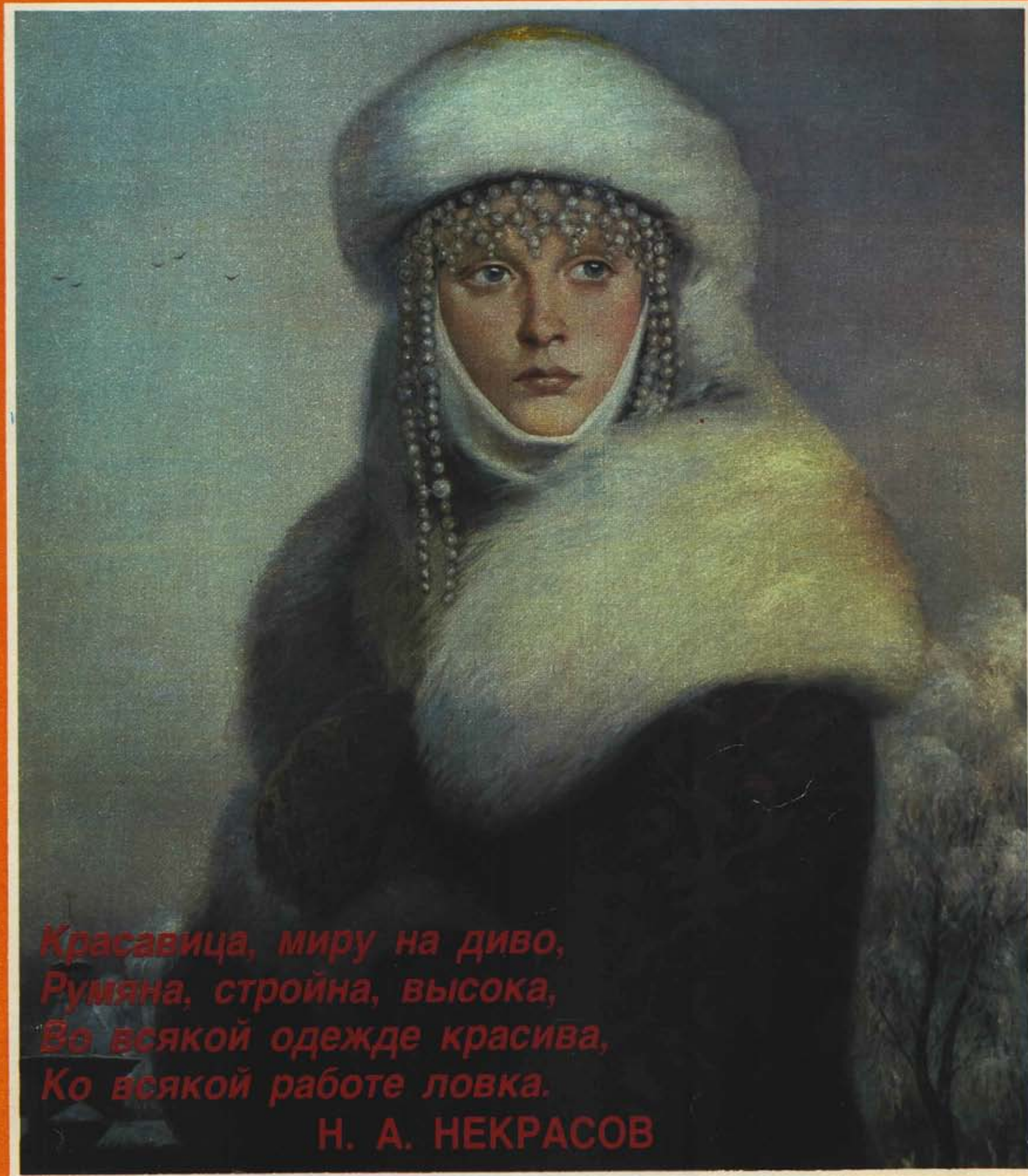

СМЕНА

№ 5 МАРТ 1983

*Красавица, миру на диво,
Румяна, стройна, висока,
Во всякой одежде красива,
Ко всякой работе ловка.*

Н. А. НЕКРАСОВ

ВОСПИТАНИЕ ТРАССОЙ

Владислав ЯНЕЛИС.
Фото Сергея ВЕТРОВА.
Специальные корреспонденты
«Смены»

Несколько месяцев назад корреспонденты «Смены» вместе с бойцами Всесоюзного комсомольского ударного отряда имени XIX съезда ВЛКСМ высадились на трассе газопровода Уренгой — Ужгород. Местом, где добровольцам предстояло начать свою сибирскую биографию, стал поселок Белоярский Тюменской области.

Продолжая летопись отряда, наш журнал возвращается к своим героям, рассказ о которых «Смена» начала в № 14 за прошлый год.

Да, связи с Белоярским мы не теряли все это время. Ловили каждое сообщение, приходившее из поселка. Радовались, узнав о трудовой победе белоярцев, сдавших досрочно шестую очередь Ново-Казымской компрессорной станции. Об отряде все чаще говорили на совещаниях в Москве, руководители отрасли отмечали его рабочую организованность.

Однажды в редакцию заехал Анатолий Гулик, беспокойный командир украинского отряда, с обветренным лицом, отпустивший по трассовой моде бороду. Он рассказал о том, что в Белоярском создано комсомольско-молодежное строительное управление, что украинцы открыли счет комсомольским свадьбам

XIX СЛЕЗЫ ВЛКСМ

Экспедиция
«Снежный»
Западной
Сибирь —
факты,
проблемы,
люди

ТАКИМ ОТКРЫЛИ
ДЛЯ СЕБЯ БЕЛОЯРСКИЙ
БОЙЦЫ
УДАРНОГО КОМСОМОЛЬСКОГО.

и вообще ребят не узнать — «осибирились», закалились, в благоустроенном Белоярском им уже тесно, рвутся на трассу, где вот-вот будет закладываться новый поселок. Гулик, как всегда, спешил, он летел в Ереван добывать для стройки сварочные аппараты. А нам непередаваемо остро захотелось вновь ощутить рабочее биение трассы, поговорить с людьми, принявшими на себя ответственность за нее.

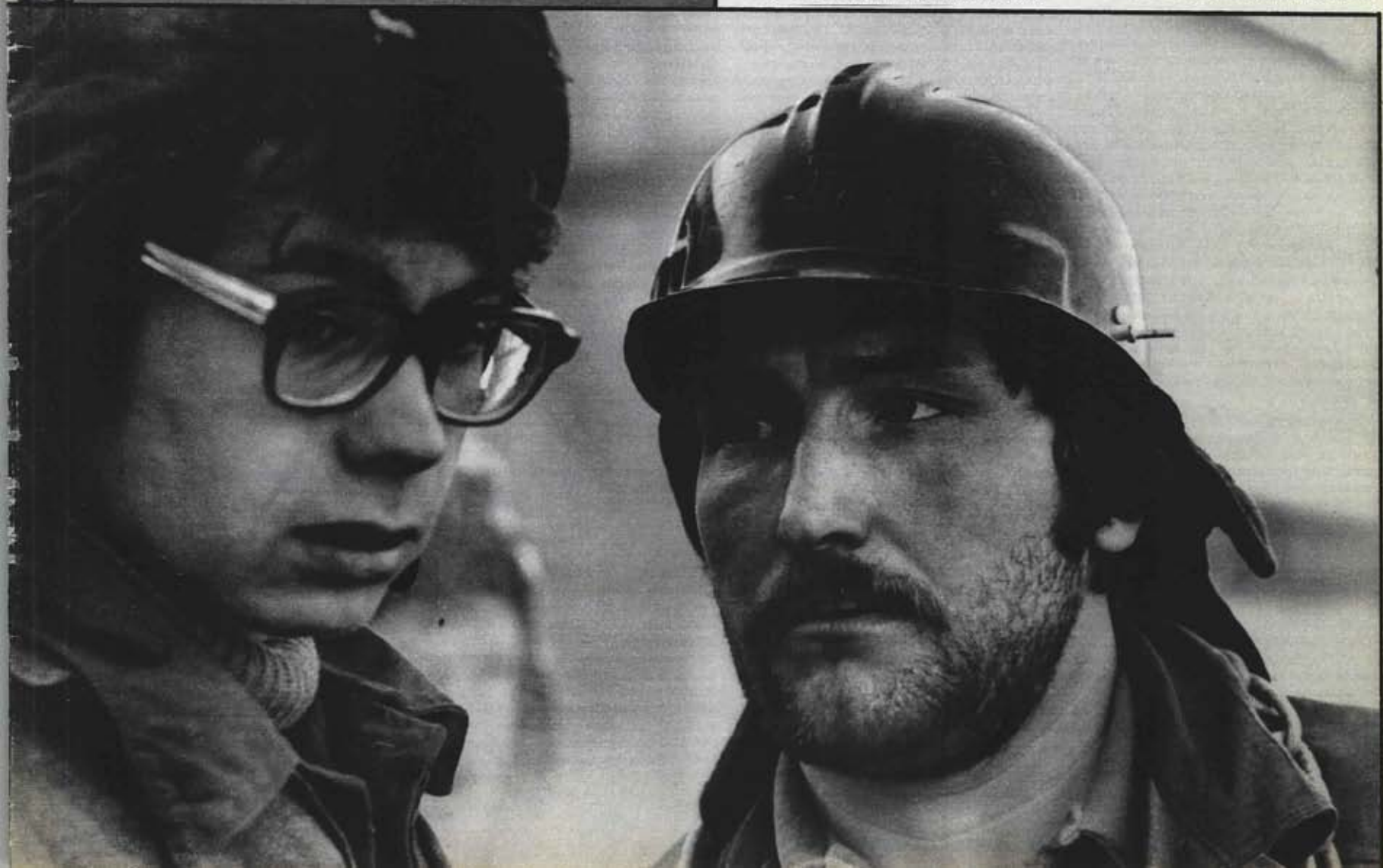
...Неблизкий путь, и вот мы на месте. В туманном белом мареве шли тягачи с металлоконструкциями, автокраны, вахтовые автобусы. И все туда, к строящимся КС, так называют здесь все компрессорные станции газопровода. Напрасны были наши опасения, что никого уже за поздним часом не окажется

**ЗДРАВСТВУЙ,
ВЕРХНИЙ КАЗЫМ!**

в головном белоярском тресте «Казымгазпромстрой». Его коридоры шумели многоголосием. По распахнутым полубкам и обветренным лицам людей чувствовалось, что они с дальних объектов трассы, что не умеют делить день на время рабочее и нерабочее, если требуется решить неотложные вопросы.

В комитете комсомола треста напряжение и проблемы стройки ощущались по-своему. И секретарь комитета Сер-

**СОМУСЕВ НЕ ТОЛЬКО
КОМАНДИР НА ПРОИЗВОДСТВЕ,
НО И НАСТАВНИК, ПЕДАГОГ.**

гей Поталенко был на месте в этот неурочный час.

Тогда, в мае, Сергею не повезло. Он приехал в Москву как представитель треста, чтобы принять 300 бойцов Всесоюзного ударного отряда, направлявшихся в Белоярский, и проводить их к месту работы. Но серьезно повредил ногу. И сидел в гипсе в поезде, не в силах без посторонней помощи даже выйти из вагона. Но мы никогда не видели Поталенко в поезде одного. Он всегда оставался комсомольским вожаком молодежи: рассказывал ребятам о задачах треста, который представлял и в который вливался отряд, знакомился с людьми, уже тогда присматриваясь к ним, намечал актив. Незадолго до новой нашей с ним встречи Сергей Поталенко приказом по тресту «Казымгазпромстрой» был назначен внештатным заместителем управляющего трестом «со всеми вытекающими отсюда правами». Акт признания авторитета комсомолии треста в лице ее вожака.

«Единственная привилегия»

Рассказывает Сергей Поталенко

— Мы, честно говоря, не предполагали, что отряд так быстро адаптируется. Я имею в виду адаптацию и физическую и психологическую. Ну, физическая — ладно. Большинство бойцов отряда не новички в работе, здоровье тоже подходящее, так что это понять можно. Больше боялись другого — начнут требовать для себя особых условий, деликатного подхода, критиковать наши и насаждать свои порядки. Этого не произошло. Ребята поняли, что звание бойцов ударного отряда имени XIX съезда ВЛКСМ обязывает их прежде всего трудиться честно и добросовестно там, куда направят, поняли, что авторитет отряда не вручается ему вместе с отрядным знаменем, что его еще надо заработать. И единственная привилегия отряда — требовать для себя дела. Ребята так и поступили. И зарабатывали авторитет. Построили шестую очередь Ново-Казымской компрессорной, несколько объектов социальности в Белоярском и в других поселках, заложили базу для Верхне-Казымской КС.

На одном отряде настаивал — сформировать свои комсомольские бригады, пусть не сразу, через какое-то время, когда бойцы получат войдут в курс дела, приобретут дополнительный навык. Теперь уже таких бригад несколько, и они вполне оправдывают звание комсомольско-молодежных.

Тут я отвлекусь. У нас был трудный год. И не все шло, как хотелось бы. Для того, чтобы сохранить темпы строительства, приходилось переводить людей с одного места на другое. А так порой не было ничего, абсолютно никаких удобств и толкового жилья тоже. И не всем это нравилось. Что ж — кое-кто не выдержал, уехал. Важно извлечь из этого урок.

Важно и другое: отряд, даже разбросанный по разным объектам, ни на один день не переставал действовать как единая нравственная, общественная, организующая сила. И импульсы этой силы ощущались в жизни поселка, трассы в целом. Действовала внеотрядная отрядная комсомольская организация, слово которой часто было решающим. Белоярский Дом культуры в лице отряда получил могучее подкрепление. Среди бойцов оказалось много не просто людей талантливых сценически, но и способных взять на себя режиссуру того же вечера отдыха, организацию диспута или конкурса.

Спустя несколько месяцев после прибытия отряда его влияние в той или иной мере распространилось практически на все сферы общес-

твенной жизни. Двое бойцов стали депутатами окружного и районного Советов, несколько человек вошли в составы комитетов и бюро ВЛКСМ строительных управлений, возглавили штабы «комсомольских прожекторов». С приездом отряда заметно ожила спортивно-массовая работа среди молодежи треста.

Помню, прилетел как-то на один объект, там трудилась бригада штукатуров-маляров. Дело уже к вечеру. Иду к вагонному городку, а мне навстречу выскакивают на просеку несколько ребят в тренировочных костюмах. Я сначала не понял, что к чему. А увидел фикишную ленту, догадался — соревнования. Оказалось, что вот уже второй вечер проводится организованная бойцами отряда олимпиада. По всем правилам. И ведь без всякого там указания.

И все-таки, возвращаясь к начальной теме нашего разговора, повторяю, во главу угла отряд поставил дело, свой профессиональный рост. Я мог бы назвать многих из тех, кто за это время проявил себя в самом лучшем смысле: больше половины бойцов отряда повысили свой рабочий разряд, овладели смежными специальностями, научились управлять новой сложной строительной техникой. Назову, пожалуй, только двоих, их рабочее лидерство бесспорно. Александр и Людмила Сомусевы. Муж и жена. Они бригадиры первых бригад отряда. Теперь, когда их знаю достаточно хорошо, я думаю, что они обязательно должны были оказаться на строительстве магистрали, здесь, в самой горячей ее точке. Они созданы для северной стройки, понимаете, на таких, как они, держится трасса, да считай, что любое большое дело.

...Мы познакомились с Александром Сомусевым в конференц-зале Миннефтегазстрой за несколько минут до начала встречи отряда с руководителями министерства. Сомусев уже избран командиром московского отряда, но ничего командирского, по крайней мере внешне, в нем не видно. Напротив, в манере держаться проскальзывала какая-то сдержанность, угловатость. Прежде он работал слесарем-монтажником 4-го разряда на строительстве олимпийских объектов, потом возглавлял комсомольскую организацию треста. Помню, в дороге его попросили выступить на одном из митингов (они стихийно возникали или планировались едва ли не на каждой крупной станции). Александр отказался: «Не умею. Вот чего-нибудь сделать — пожалуйста». Тогда подумалось: «Почему Сомусева избрали командиром?» Он, признаться, совсем не был похож на лидера в привычном понимании этого слова. Но чем больше мы за ним наблюдали, тем больше убеждались — стоящий парень.

Пусть Сомусев не оратор — не беда. В нем скрыта какая-то внутренняя сила, человеческая основательность. Он не прочь пошутить, уступчив, но крепко держится своего мнения, когда речь идет о чем-то серьезном. Он отлично знает строительное дело. И еще, это очень важно, Александр умеет работать с людьми, знает к ним подход, хотя никогда ни под кого не подлаживается. Он по-хозяйски расчетлив, скуп на эмоции, но способен на риск, если того требуют обстоятельства. Все эти качества и выдвинули Сомусева в бригадиры. Людмила Сомусева во многом походит на мужа.

Встретились мы с Александром на 7-й сдаточной очереди Ново-Казымской компрессорной станции. До пуска ее оставались считанные дни, работы невпроворот. Мы не стали отрываться от дела. Просто наблюдали за работой бригады. Это была красивая работа, без суесть и спешки, слаженная и точная. Каждый знал свое дело, бригадир не дергал по пустякам, он сам оказывался в нужном месте, когда это необходимо.

В тот день бригада заканчивала монтаж воздухоохлаждающего устройства. Заканчивала намного раньше установленного срока. Разговаривали мы с Сомусевым уже в вахтовом автобусе по пути в Белоярский и потом в общежитии.

«Испытание самостоятельностью»

Рассказывает Александр Сомусев

— Каждый из нас что-то умел в своей прежней жизни. Многие считались совсем даже неплохими специалистами в своем деле. Правда, на КС прежде не работал почти никто. Поэтому, вполне естественно, пришлось учиться. Не вижу в этом ничего зазорного. Одному хватало двух-трех месяцев, чтобы освоить специфику монтажа КС, оборудования, материалов. Другому этого срока оказалось мало, сказывался недостаток знаний, умения.

Считаю, что человеку надо дать возможность самому убедиться в собственных возможностях. Только на самостоятельной работе он может полностью проявить себя. У нас же иные руководители склонны искусственно затягивать профессиональный рост молодых рабочих, перереживать их на подсобных операциях, на подхвате. Понятно, что всем нам, тремстам бойцам Всесоюзного ударного отряда, независимо от квалификации хотелось побыстрее выйти на самостоятельный фронт работ, делом доказать, на что мы способны. И создали бригаду монтажников. Нам казалось, что, соединив свой рабочий опыт, самосознание, организованность, наконец, мы справимся с любым делом. Может быть, мы были в этом немножко максималистами, но уж очень нам хотелось самостоятельности.

Первым нашим заданием стал монтаж укрытия для маслоцистерн — дело в общем несложное, если не считать, что тогда мы впервые работали с алюминиевыми пластинами. Но ничего, обошлось. Потом попросили поручить бригаде монтаж оснований, рам, ростверков под трубы на низкой стороне КС. Начальник нашего управления Геннадий Тимкофеевич Ковалев согласился не сразу — уж очень ответственная работа. Я поклялся Ковалева, но уверенный в наших силах, настаивал. Уговорил. И скоро понял, что самостоятельность — штука хорошая, но и без совета опытных монтажников обойтись трудно. Да и надо ли пренебрегать помощью людей, которые предлагают ее бескорыстно, думая об интересах всей стройки? Советы бригадира Виктора Арабаджи оказались очень кстати. У него огромный практический опыт, прямо-таки инженерное мышление. Виктор взял над нашей бригадой своеобразное шефство. Он не поучал, не решал за нас, но в нужный момент подсказывал, как сэкономить время на такой-то операции, с чего лучше начать, на что обратить особое внимание.

Как бригада справлялась с монтажом дымоходов, проверял первым Ковалев. Дотошно, каждый шов, каждое крепление. И тогда его похвала, скупого на эмоции человека, была для нас высшей наградой. Мы поняли, что работать можем не хуже других, поняли, что выдержали свой первый настоящий коллективный экзамен.

Прошло несколько месяцев. Бригада окрепла, многому научилась. Мы внедрили у себя в коллективе принцип полной взаимозаменяемости, для этого каждый освоил хоть одну смежную специальность. Если раньше я боялся оставить бригаду одну надолго, то теперь смело могу доверить руководство ею Сергею Зеленько. Он свободной читает чертежи, отличный газорезчик и монтажник. Прекрасно справляется со сложной

сваркой Олег Нестеров, подлинный талант монтажника открылся у Александра Хрисанова, который до Белоярского вообще не был связан со стройкой. Но главное, мы поверили в себя, стали рабочим коллективом, слаженным, дружным, боеспособным.

Далеко не у всех складывается жизнь так логично и ясно, как у Сомусева. Кому-то недостает его духовной прочности, избранности в правоте изначально выбранного пути. Но то, что человек в итоге оказывается в состоянии переосмыслить свою жизнь и в корне изменить ее, заслуживает уважения, потому что для этого тоже нужно мужество.

В этой связи я часто вспоминаю Ольгу Святоху.

До прошлой весны она работала старшим инженером в одном из московских учреждений. Жила безбедно, легко, к ней прекрасно относились коллеги и начальство. Ее не перегружали работой. В перспективе предвиделось продвижение по службе. А она вдруг подала заявление с просьбой принять ее в отряд и послать на одну из сибирских строек. Не инженером, нет, штукатуром-маляром 2-го разряда (накануне прошла месячную практику на одной из подмосковных строек). Не буду говорить о том, как встретили ее решение коллеги. Поступок Ольги расценили, мягко говоря, как весьма странный. Каемся, мы не слишком верили в то, что Ольга долго проработает штукатуром. Летели в Белоярский и думали, что не застанем ее в прежней роли. Но ошиблись. Она работала в бригаде.

«Не загасить в себе искры»

Рассказывает Ольга Святоха

— В прежней, московской, жизни меня не покидало ощущение, что многое мне выдано авансом. Чистая работа, высокая зарплата, уважительное обращение коллег: «Ольга Васильевна». Мне все давалось легко, почти без усилий с моей стороны. Возможно, я не думала бы об этом, жила бы себе, довольствовалась тем, что имею. Но вот не получалось. Работа казалась неинтересной, возможно, потому, что ошиблась вузом. И все время меня сверлила мысль, что живу словно на обочине, что самое значительное, самое нужное свершается где-то далеко от меня.

Наверное, я ошибалась, наверное, и в моей работе, если выполнять ее с любовью и старанием, можно было найти удовлетворение и даже романтику. Наверное. Но у меня так не случилось. Хотелось настоящего дела, обязательно трудного, важного, в котором ощущаешь себя не винтиком, а равным с друзьями, соидателем. Я поняла: сейчас или никогда, потому что устроенность затягивает, как тряпина. И искру, которая тебя будоражит, зовет на что-то, можно загасить. Если откладывать все в жизни на потом. Так я стала бойцом отряда.

Может быть, в чем-то мне было труднее, чем другим: я не работала раньше физически. Но вместе с усталостью, с болью в мускулах я узнала и радость от работы. В конце каждого дня я видела «свои» стены, которые стали безукоризненно ровными или приобрели небесно-голубой цвет благодаря моей работе.

Мне, я понимаю, далеко до подлинного мастерства. И все-таки кое-что я уже умею, сама, без подсказки. Например, приготовить раствор, оштукатурить стену, положить плитку. Немало, если учесть, что год назад я понятия о ремесле не имела. И мне интересно учиться профессии отделочника дальше.

Довольно часто мы рассуждаем вслух о своей работе, спорим. И это

уже не дилетантские рассуждения, а разговор специалистов. Я замечаю перемены, которые происходят с моими друзьями. Скажем, с Леной Вилковой. У нее 3-й разряд каменщика и стропальщика. Хотя на стройке она тоже недавно. Что это за перемены? Мы стали увереннее в себе, решительнее. Умение что-то сделать своими руками делает жизнь содержательнее, интереснее. Мы видим вокруг себя больше, чем прежде, и глубже, пожалуй, потому что судим о происходящем не со стороны, а через призму испытанного самими.

...Тогда в Белоярске усилия ударного комсомольского отряда да, пожалуй, всего треста «Казымгазпромстрой» направлялись на завершение 7-й очереди компрессорной станции. Она должна была пропустить через свои агрегаты газ новопсковской нитки газопровода. 7-я очередь, представляющая из себя практически самостоятельную компрессорную, значилась для треста юбилейной, пятидесятой станцией. Вполне естественно, сдать ее хотели досрочно, с высокой оценкой. Работа на КС не прекращалась даже ночью. Но все чаще в разговорах строителей уже тогда упоминалась Верхне-Казымская КС. Там предстояло все начинать с нуля и первую очередь сдать летом.

Нам понадобилось побывать там по двум причинам: посмотреть, как идут подготовительные работы, и встретиться с Маритой Бекишевой. А тут выдалась оказия — вертолетом на Верхне-Казымскую отправлялась бригада отделочников Анны Петровны Дорожук. С ней и полетели.

Внизу все белым-бело, не на чем взгляда остановить, ничего, что напоминало бы присутствие человека. И вдруг узкая лента зимника вдоль реки и несколько машин — еле заметных бурых коробков, пробивающих трассу через тайгу и болота. Авангард строительной армии, неостановимой в своем упорстве. Крохотная колонна двигалась туда же, к Верхне-Казымской.

И вспомнилась Марита. Ее выступление на комсомольском собрании стройуправления. Страстное, бескомпромиссное. Голос у Мариты тонкий, пронзительный, как звонок. Да она еще и волновалась!

— Мы приехали в Белоярский из Верхне-Казымской не для того, чтобы комплименты друг другу говорить. Плохо работает комитет комсомола управления. А особенно плохо его секретарь...

Зал затих. А Марита дальше. И фактами бьет. В общем, на том собрании переизбрали секретаря комитета. И правильно, наверно. Он работал по старинке, по-чиновничьи, дальше бумаг ничего не видел. С того собрания мы Мариту и запомнили. Нам рассказывали, что Бекишева сейчас работает диспетчером, ведает приемом грузов и транспортом. По совместительству — начальник вертолетной площадки. Но это не все, Бекишева стала своего рода полпредом культуры на Верхне-Казымской. Марита нас встретила в коротком полушубке, с покрасневшим от ветра лицом. Мы дождались, когда она распорядится, как принять грузы, доставленные вертолетом, потом проведет сеанс радиосвязи с Белоярским, потом переписет наряды...

«Мы заговоренные»

Рассказывает Марита Бекишева

— Мы ведь тут все сами: и хлеб печем, и жилье обустроиваем, и станцию закладываем. На все руки. Сегодня ты лес валяешь, завтра из этого леса комплект строишь, послезавтра траншею надо вырыть. Нельзя иначе. Начало есть начало. Впрочем, сейчас еще ничего... А я здесь с июля прошлого года. Сама напросилась, очень хотелось на трассу, в самую необходимость. Тогда тут всего-то несколько домиков стояло, ни скла-

дов, ни пристани толком не было. Красотища — тайга, река, ягоды, звон от птичьего щебета с утра до вечера. Одно плохо — комары, гнус, нет от них покоя ни днем, ни ночью. Ничего, привыкли.

Работы хватало. То на кухне повару помогаю, то белье выдаю, то вагончик ремонтирую. Иной раз гляну на свои ладони — батюшки, мозоли на мозоли, а ведь я музыкой раньше занималась. Потом другие ребята из нашего Ударного стали подвезжать. Бригады Саши Горгораки, Ильи Мордаря. Обживалась потихоньку тайга. Технику нам прислали, оборудовали свою вертолетку. Но я хочу о другом сказать. Работа работой, но не ею же одной жив человек. Танцы под транзистор тоже приелись. Устроили мы смотр своих талантов. Оказалось, что многие прекрасно декламируют, играют на музыкальных инструментах. А у нас клуба-то и нет, даже вагончика свободного нет. Пока было тепло — мирились, а похолодало — где соберешься?

Это не капризы. Люди, оторванные от цивилизации, элементарных удобств, ощущают потребность в духовном развитии острее, чем кто бы то ни было. И любой вакуум в этом смысле действует удручающе. Основной дефицит — книги. Где их взять? Магазины далеко, да и что там купишь. А я чувствую, что начинается в нашем коллективе настоящий книжный голод. Все, что взяли с собой, зачитано до дыр.

Выручили школьники Белоярского. Собрали кое-какие книги, журналы, прислали нам. Мы радовались, как дети. Так стала я еще и библиотекарем. Конечно, библиотека у нас скудная. Но хорошо, что эта есть. А ведь обидно порой, почему не поставлено у нас так, чтобы книготорги посылали книги прямо на трассу, туда, где люди знают истинную им цену.

А знаете, что особенно дорого на трассе? Человеческая дружба. Здесь люди открываются в самых прекрасных своих устремлениях. Я никогда не думала, что можно так дружить. Вот заболел один из нас, и все тащат ему лекарство, или травы, или варенье. И потому мы здесь от любой беды заговоренные, что сильны своим душевным единством. И ответственностью друг за друга, моральной, человеческой. Хорошо бы, это осталось навсегда.

Останется! Вспоминаю начало. Тогда, прошлым летом, они были готовы к испытанию Севером по-разному. Для одних представление о затерянной в таежном безбрежье стройке ограничивалось довольно шаблонными, чисто внешними представлениями. Для других, уже прошедших горнило всесоюзныхстроек, понимание трассы, своей роли в большом деле, вершившемся на севере Западной Сибири, было глубже, реальнее, серьезнее. Но большинству все-таки предстояло открывать для себя очень многое. Это и глобальность переустройства Сибири и масштабность привлекаемых для этого средств и сил. А главное, предстояло открыть понятие спящего дисциплиной и общей целью коллектива.

Первые месяцы были трудными. Начало всегда трудное. Притираются характеры, люди врастают в дело, в его перспективы, проблемы. Но отряд выстоял. И не только не растерял, но удвоил свое упорство, сплоченность, человеческую надежность, стал мощным рабочим ядром гигантской стройки. Накапливая профессиональный опыт, отряд с каждым днем все больше обретает жизнеспособность.

Убеждены, что судьба вновь сведет нас с этими людьми. Не в Белоярском, так еще где-нибудь, трасса большая. Убеждены: то многое, что им еще предстоит, они выполнят с честью. Они, бойцы ударного отряда. Комсомольского!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 5 (1339) МАРТ 1983

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
картина художника
Виталия ЛУКЪЯНЦА
«ЯРОСЛАВНА».

- 1 XIX СЪЕЗД ВЛКСМ. ЭКСПЕДИЦИЯ «СМЕНИ»: ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ — ФАКТЫ, ПРОБЛЕМЫ, ЛЮДИ. «ВОСПИТАНИЕ ТРАССОЙ». Фоторепортаж Владислава ЯНЕЛИСА и Сергея ВЕТРОВА.
- 4 Альберт ЛИХАНОВ. «ВЛАСТЬ ВЕЩЕЙ, ИЛИ ПОВЕСТЬ О НЕНАЙДЕННЫХ ИДЕАЛАХ».
- 8 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ». Джанни РОДАРИ. «СИРЕНИДА». Фантастическая сказка.
- 10 РАЙКОМ КОМСОМОЛА И АТЕИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ. Павел ЕМЕЛИН. «ЧТО У ТЕБЯ НА ДУШЕ».
- 12 ОТЕЧЕСТВО. «ТАМАНЬ». Фотоочерк Владимира ЧЕРКАСОВА и Александра ЗАХАРЧЕНКО.
- 14 СПОРТ В НАШЕЙ ЖИЗНИ. Сергей ВАЙЦЕХОВСКИЙ, заслуженный тренер СССР. «ВОДА, КОТОРАЯ НЕ СТРАШИТ».
- 15 ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ «СМЕНИ».
- 16 МИР КАПИТАЛА: НЕОКОЛОНИАЛИЗМ. «НИКТО ПО НИМ НЕ ЗАПЛАЧЕТ...»
- 18 Стихи Людмилы ИШУТИНОВОЙ.
- 19 А ЧТО У ВАС? Информационная страница «Смены».
- 20 Читатели о творчестве Сергея МИХАЛКОВА.
- 21 Петр НОВИКОВ. «ЗВАРТНОЦ» — ВОРОТА В НЕБО».
- 22 ПУТЬ В ЛИТЕРАТУРЕ: ОТ МОЛОДОСТИ — К ЗРЕЛОСТИ. Владислав БАХРЕВСКИЙ.
- 28 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ». Роман Пьера НЕМУРА «НЕНУЖНЫЙ МАЛЬЧИК».
- 32 ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕСОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САОШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН (заместитель главного редактора), Д. Н. ФИЛИППОВ, В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вангросов. Технический редактор А. В. Исаева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1983 г.

**Прелюдия
о мере искренности
и педагогике
окружающего мира**

Вначале — о мере искренности.

О праве на педагогику не только педагога.

О воспитателях неодоушенных, сила воздействия которых убедительней всяких слов — о вещах, о деньгах, о ценностях материальных, которые порождают новое в моральном — в отношениях между людьми.

Так вот, о мере искренности.

Познание души ребенка, отрока, юноши не есть педагогическая цель. Цель всякого воспитания — формирование личности идейно убежденной, а значит, зрелой, гармоничной, честной и работающей. Познание характера и его душевных глубин — лишь фундамент, на котором строится личность ученика умелыми руками и сердцем учителя. А мера искренности — пароль на право входа в эту душу. Понятие, прямо скажем, из деликатнейших и полностью зависит только от учителя — от его осторожности, такта, чувства предела.

Юные люди доверяют только умнейшим, да и то в них сымала существует порог откровенности, черта, за которой ученик или уклоняется от ответа, или говорит полуправду, или произносит то, что от него ждут, на самом деле думая совсем иное.

Глубоко убежден: если учитель ощутил порог откровенности, если понял — мера искренности исчерпана, следует тотчас остановиться в любых наступательных действиях, остановиться, чтобы задуматься, как идти дальше и надо ли идти вообще. Чувство, интуиция, тонкость без всякого преодоления барьеров откровенности дадут настоящему воспитателю ответ на незаданный вопрос, укажут путь для дальнейшего движения.

Эти соображения — для замкнутого коллектива: класс — учитель, сын — родители.

Но воспитание — это дело, способное воздействовать на человека и в разомкнутом пространстве. Человека ведь воспитывает все: истина, услышанная в трамвае, пример, поданный кем-то на улице, статья в газете, спектакль в театре, книга, прочитанная в библиотеке.

Педагогика окружающей человеческой среды, общественных контактов, педагогика жизненных ситуаций сплошь да рядом вступает в соревнование с педагогикой школьной и семейной, смело опрокидывая их устои, перечеркивая достигнутое, отрицая доказанное.

Чаще всего растущий человек в конфликтном положении отмалчивается, и сколько нужно любви, внимания, душевного интереса ближних — отца, матери, учителя, — чтобы увидеть перемены в нем, чтобы услышать их неслышимый голос, чтобы понять, где нужно прибавить сил и энергии и восстановить утраченное равновесие.

Но иногда — и не так редко — человек обращается к разомкнутому пространству.

Со стороны вроде пишет в никуда.

Разве анонимное письмо в редакцию, общественную организацию, к писателю — письмо кому-то? Ответа же не будет, раз письмо без обратного адреса. Да если и с адресом — какой глубины и убежденности придет обратный ответ, коли речь идет не о жалобе, а о деле нравственном, всеобщем, что ли?

И тем не менее письма такие идут.

И чем наивней, неиспорченной человек, тем больше верит он в ответ разомкнутого пространства, в ответ, который, как кажется ему, он непременно получит — не здесь, так там, не так, но иначе.

И здесь следует сказать об ответственности разомкнутого пространства. Но вначале два слова — о его структуре. Разомкнутое пространство, а другими словами, весь окружающий мир, пожалуй, можно поделить на две части — организованную, выражаясь модными словами, ангажированную, и менее организованную, а то и вовсе безответственную, но тем не менее тоже ангажированную, иначе говоря, тоже служащую тем или иным целям. Хотя не вполне осознанно.

Книга, театр, фильм, конечно же, относятся к первой части и, если говорить про нашу жизнь, служат добру.

Но словоизлияния подвыпившего мужичка в трамвае, задиристое поведение ватаги подростков на улице, грубость в очереди, площадная бесцензурность, рвачество, спекуляция, пьянство, превращение жизни в сплошную гонку за престижным барахлом суть педагогика отрицательного свойства, тот самый дурной пример, который заразителен и который во многих конкретных ситуациях способен опровергнуть идеи всяческого добра.

Не надо, однако, думать, что, обращаясь к разомкнутому пространству, растущий человек обращается лишь только к организованной части окружающего его мира, хотя письма адресованы именно туда — не станешь же писать пьяному старикану, который произнес свою тираду в трамвайном вагоне и сгинул в неизвестность. Да, человек адресуется к организованной части разомкнутого пространства, а обращается к нему в целом. И организованный мир должен дать ему ответ, в том числе за мир неорганизованный — за весь мир.

На этом пока остановимся, подчеркнув одно важное обстоятельство: анонимное обращение к окружающему миру чаще всего отличается одной особенностью — предельной искренностью. Искренностью до дна.

Говорить здесь о мере искренности не приходится, потому что собственно инициативное обращение подростка ко всему миру, как правило, носит характер исповеди предельной откровенности.

Иначе говоря, подросток никогда — или почти ни-

когда — не откроется так учителю или родителям, как открывается он в исповеди, не рассчитанной на конкретный ответ. И все же — психологический парадокс — безусловно, рассчитанный на него. Можно сделать вывод: педагогика разомкнутого пространства, педагогика окружающего мира, иначе говоря, педагогика в широком понимании предмета имеет возможность более глубокого, более искреннего — за порогом барьера искренности — познания ребенка, подростка, юноши. И в более широком смысле — познания детства, отрочества, юности, самых скользких их мест, самых сложных их противоречий, которые порой отражают и общественные противоречия того или иного этапа.

Так создается пространство для действия не одной лишь профессиональной педагогики. Возникает право — и обязанность — на воспитание педагогики общественной, народной. Не зря же кино и книга, телевидение и газета смело становятся без чьих-либо санкций непосредственной педагогической силой. И сила их воздействия ничуть не меньше, чем власть и опыт профессионального воспитателя.

Впрочем, это лишь прелюдия к одному юношескому откровению.

Письмо Игоря — без адреса, и, значит, он не ждет ответа.

ВЛАСТЬ ИЛИ ПОВЕСТЬ О НЕЙ

**Смещение цели,
или
неодоушенные педагоги**

1

Люди, родившиеся до войны, хорошо помнят первые послевоенные радости: коммерческие магазины, где подороже можно было купить сладостей ребятишкам и масла, отмену карточек и хлеб досья, вместо ордеров на одежду даже детям — рулоны добротной мануфактуры: чистая шерсть, чистый шелк. Жили в коммуналках, на кухне десяток керогазов, но каждая обнова в каждой комнатенке — событие для кухни, для рассуждений и obsуждений: если лучше становилось одним — это было обещание и другим.

Про свары коммунальных кухонь мы знаем немало смешного и драматичного еще по книгам Зощенко, а вот про их доброту и соучастие, помощь и душевность, людское тепло и отзывчивость, про знание каждым печалей и радостей другого — про это настало задуматься теперь. Оно дорого стоит.

Отдельные квартиры той давней порой почитались блаженством едва ли не высшим, имевший отдельную всегда был лицом значительным, с особыми заслугами, — известный генерал, народный артист, крупный ученый. Им не завидовали — их признавали. Как не может народ жить без красивой мечты, так не может он жить без известных ученых, артистов и генералов.

Все было проще. И каждый знал, как звать по имени-отчеству хозяек шумливых керогазов на общей кухне.

Имела ли коммуналка свою педагогику?

Еще какую!

И двор большого дома, как двор дома маленького, имел свою педагогику, отличную от двора, где жило мало людей.

Глупо было бы утверждать, что скученность и общежитие рождают лишь положительные эмоции, повторяю, об этом уже сказал Зощенко.

Если уж враждовали, то до крайних степеней. И

когда — не откроется так учителю или родителям, как открывается он в исповеди, не рассчитанной на конкретный ответ.

И все же — психологический парадокс — безусловно, рассчитанный на него.

Можно сделать вывод: педагогика разомкнутого пространства, педагогика окружающего мира, иначе говоря, педагогика в широком понимании предмета имеет возможность более глубокого, более искреннего — за порогом барьера искренности — познания ребенка, подростка, юноши. И в более широком смысле — познания детства, отрочества, юности, самых скользких их мест, самых сложных их противоречий, которые порой отражают и общественные противоречия того или иного этапа.

Так создается пространство для действия не одной лишь профессиональной педагогики. Возникает право — и обязанность — на воспитание педагогики общественной, народной. Не зря же кино и книга, телевидение и газета смело становятся без чьих-либо санкций непосредственной педагогической силой. И сила их воздействия ничуть не меньше, чем власть и опыт профессионального воспитателя.

Впрочем, это лишь прелюдия к одному юношескому откровению.

Письмо Игоря — без адреса, и, значит, он не ждет ответа.

Но можно ли промолчать, прочитав его?

**Письмо,
требующее ответа**

«В наше — даже в мое — время возникло новое выражение: эквивалентная дружба. Дёскать, ты мне, а я тебе, потому и дружим. А коли ты мне ничего дать не способен, чего же мне с тобой дружить, с какой стати? Можно найти друзей повыгоднее. Ну и что из этого?»

Проблемой вещей хороших, импортных сейчас никого не удивишь. Кстати, хорошие книги сейчас тоже относятся к разряду вещей. Но вещи вещами, а желание хорошо одеться есть у каждого человека. Для молодежи это просто важная часть жизни. Например: старая проблема с джинсами. Как были ходовым товаром для спекулянтов, так и остались. Но

война между двумя соседями не приносила лавров, зато с лихвой — всеобщего посмешища. Так что когда жилая стало прибывать, никто не держался за остервеневшие коммуналки.

И вот если не все, то большинство рассыпались по отдельным квартирам, как по сотам. И вдруг обнаружилось: кое-что теряется. И кое-что возникает.

Теряется знание друг о друге, желание, а то и возможность помочь: в чужой монастырь со своим уставом не лезь, не так ли? Да еще коли дверь заперта. Теряется простая возможность — поговорить о пустяках, о заботах. Уходит добрососедство — за него держатся разве что старушки, которые по давней привычке выходят со своими стульями на воздух, к подъезду большого дома. Но старушки помирают, а молодым некогда познакомиться, потолковать, зайти друг к другу. Имен и фамилий соседей маловато кто знает.

А что возникает?

Отчужденность. Безразличие становится признаком хорошего тона.

Местом сходимости и рассуждений становится не общая кухня, а работа, институт, школьный класс.

2

Разобщенность и растущее благополучие порождает новое — состязание на иную тему.

Не кто быстрее, выше, дальше пробежал, прыгнул,

возможностей и рождается много смертных грехов, драм и даже катастроф. Но главное, рождаются зависть, злоба, ненависть.

Следует оговориться: речь идет о нормальных, честных людях. Спекулянтов и ворье рано или поздно ждет подходящая статья Уголовного кодекса, и, надо заметить, желание и возможности, честность и беззаконие чаще всего идут в параллель. Соответствует желание возможностям — честность и закон живут в ладу. Не совпадают, рухнуло равновесие — знай, что равновесие между законом и человеческой порядочностью тоже нарушено.

Человек, точно поезд, летит под откос.

3

Все это — из разряда простых истин, доступных пониманию не только любого взрослого, но и ребенка.

Не такое сложное дело пояснить своему чаду, что вовсе не смысл жизни — двадцать лет копить на «Волгу». Можно просто обойтись без нее. А соседу, если он заработал деньги на эту машину честно, можно совершенно спокойно и вежливо кланяться при встрече. Как соседу — ни больше ни меньше. А не как соседу, заработавшему право на уважение. Никакая вещь, даже самая ценная, еще не повод для особого уважения ее хозяина. Людей, слава богу, на Руси всегда уважали не за их имущество, а за их ум и умение.

Если же сосед украл деньги, на которые купил

ж! — достижения в работе — этой самой или, может, другой. Глядишь, станет зарабатывать так, что соберет и на машину. И будет эта его машина не просто благо, не только имущество, но прежде всего эквивалент хорошей, сложной, важной работы, эквивалент ума и физических затрат, которые он отдает обществу, а общество ему за это, пожалуйста, машину.

Но дело в том, что сперва надо чем-то овладеть, чему-то научиться, чего-то достичь. Никто и ничего в этом мире не приносит на тарелочке. Все надо заработать, всего надо добиться. И ни в каком обществе никакие блага не даются просто так.

Это простая истина.

И, между прочим, достижение благосостояния может быть одним из внутренних стимулов человеческой подвижности — роста, развития, учения. Тут нет ничего греховного. Но только именно так — **одним из**, а не единственным — и целью и смыслом.

Жить ради шмоток, ради машины, ради дачи, жить ради, во имя какого-то бы ни было имущества постыдно, ибо у человека есть куда более высокие предназначения: любовь, дети, умение, дело, совесть, верность — разве мыслимо перечислить великое множество составных человеческого счастья?

4

В том-то и дело, что человек обязан следить за собой во имя самого себя и суда человеческой чести.

Следить за собой в моем понимании означает лишь одно — не разменивать себя, свою жизнь на мелочь бытовых достижений. Разве же не преступно перед самим собой, перед высшим даром жизни гоняться за модными шмотками, напрочь забыв старую русскую поговорку: по одежке встречают, да по уму провожают? Некоторым, особенно молодым, неувердившимся — а Игорь относится к ним — кажется, будто поговорка эта устарела и смысла не имеет или смыслом ее возможно пренебречь. Им кажется, коли ты в джинсах да дубленке, так уже что-то, личность, человек!

Для кого человек?

Для зеленых огольцов, как ты? Для девиц, истративших полжизни в погоне за импортной парфюмерией?

А не стоит ли, впадая в копейное отчаяние, хоть раз задуматься: может, я что-то крупно перепутал в этой жизни? За цель принимаю антураж, пену? Ведь джинсы не больше чем штаны. А дубленка не больше чем шубейка, — раньше их носили извозчики, так, может, и впредь будут таскать их шоферы грузовиков в дальние рейсы?

А может, подумать, что новомодная мебель — всего-то лишь стулья да диваны? И легкой автомобиль — только средство передвижения?

И если так подумать, то что же останется?

Тем, кто гонится, гонится, гонится за всем за этим — копил, манипулирует порядочностью и рубльщиками, — тем, кто живет этим, барахло избрал целью существования на белом свете, так вот, если подумать подобным образом, что останется? Пустота?

Кто-то, пожалуй, наивно думает: вот сперва всего добыть, раздобуду все, хоть лопну, а потом уж и жить начну.

Не начнет.

Раздобудет все честно — так там и жизни конец. Нечестно — непременно попадетс.

Выдуманный все это мир, иллюзорный. Вещи, даже самые дорогие, на то и вещи, чтобы человека лишь только окружать, не делаясь смыслом его жизни. Вещи на это и не претендуют. Претендует сделать их сутью своей жизни сам человек.

Неумный и — не забудем подчеркнуть — неверно воспитанный.

В поклонении вещам есть что-то от предрассудков, от сильной ограниченности.

Обожествление вещей — по-моему, низшая ступень какой бы то ни было веры.

Это вера в собственное благополучие.

Мелкая мысль и ничтожная цель.

5

В своей исповеди Игорь — нечаянно, конечно, — сформулировал одну любопытную мысль. «Духовной пищей никого не удивишь, — пишет он, — да и где взять ее. Книги с рук дорогие».

До важного добрались, на мой взгляд, до очень важного. Наивно, вовсе не думая о каком-нибудь обобщении, Игорь означил печальный итог. Вслушай-

ВЕЩЕЙ, АЙДЕННЫХ ИДЕАЛАХ

метнул, а у кого и что есть красивее и лучше. На работе взрослые люди — мужчины и женщины — сильно соревнуются на предмет квартир: у кого и как она обставлена. Из кожи лезут, чтобы достать такое же, как у товарища по службе. Мебель, посуду, ковры.

В эпоху всеобщей бедности соревнование тоже было, конечно, посромней) и ему хватало плацдарма коммунальной кухни. Современный обыватель соревноваться с соседями не хочет не только из-за разобщенности, но еще и из-за того, что в случае выигрыша победа на лестничной площадке не может принести нравственного удовлетворения. Это удовлетворение ищут на работе или в кругу друзей — так сказать, среди своих. Такое первенство ведь и на службе сказаться может — больше уважения, выше авторитет.

В былые времена мы уповали на истины, что-де материальное благополучие автоматически повлечет за собой моральное совершенство личности, дай, мол, только хорошенько одеться да обузаться, обеспечить отдельными квартирами да машинами, ну, еще неплохо бы поголовное высшее образование — и на тебе, воцарится повсюду любовь и дружба на почве благоденствия.

По жизни все выходит сложнее, путаннее.

Разобраться в путаном как будто несложно, укажи только на истинные подлинны ценности, но вот мешает общее мнение.

Общее мнение далеко, конечно, не общее и уж, конечно, не общественное мнение, но сила, власть у него громадные. Общее мнение — это как раз у той, второй, плохо организуемой части разомкнутого пространства, окружающего мира, который вроде бы всюду, а вроде бы и нигде.

Так вот, материальное благополучие ненадолго пребывает в своей массе в стабильно удовлетворенном состоянии. Имеющему квартиру хочется хорошо устроить ее — и это естественно. Затем, быть может, ему хочется устроить ее по последнему писку моды сверхсовременной мебели — что ж, и в этом нет ничего дурного, если это в возможностях человека. Материальных, разумеется.

Но если возможности ограничены, а своего хочется, хоть умри?

На этом-то пределе, на этой грани желаний и

машину, — что ж, мораль нашей жизни не просит, а требует и призывает поставить его на место самым законным путем в прямом и переносном смысле слова.

Не завидуй честно заработанному. Борись с воровством как подлинный гражданин своего Отечества. Две эти истины настолько бесспорны, просты и очевидны, что просто диву даешься, когда встречаешь путаницу: иные без зазрения совести завидуют честно заработанному, а жуликов, вместо того чтобы с ними воевать, просят еще и достать что-нибудь этакое дефицитное, где-то в глубинах души отыскивая для вора лестные эмоции: умеет человек жить, ах, уме-е-ет!

Кстати говоря, жулье, хоть мы и уговорились рассуждать не о нем, часто очень поворотливо, изощренно, страх дает ему высшее образование по части сообразительности, и оно ухитряется так устроиться среди своего окружения, причем не только бесчестного — мелкими услугами, помощью, вниманием, что претензии к нему утрачиваются, стираются, исчезают. Жулье как бы обретает черты вкрадчивого сервиса — запчастей дефицитные, кофточку, вкусную еду достанет, — и, покупая втридорога, ему еще трижды «спасибо» скажут да и поклонятся.

Так что приспособляемость жулика поразительна, и, к сожалению, довольно часто он вызывает среди людей, знающих его, куда меньше зависти — все же рискует! — и беспокойства, чем крупный инженер, ученый, специалист, который купил машину не таясь, открыто и держит ее во дворе большого дома.

Игорь в своем письме ни слова не сказал о соседу, который купил «Волгу». Кто он, что он, похоже, вовсе не интересуется паренька. А ведь зря. Существенная, даже решающая подробность. Ведь если, предположим, купил сосед машину на честные деньги, про Игоря это дурно говорит. Получается, что человеку, начинающему жить, просто завидно. Вычислил: двадцать пять лет ждуть придется. А может, сосед двадцать пять лет и ждал. Или сделал что-то такое в жизни, за что ему такие деньги по закону должны в руки попасть. По праву.

Игорь, судя по всему, начинающий рабочий. И не так-то плохо начинающий, судя по заработку. Все, как говорится, впереди. Профессионализм, учеба и — что

тес, что он сказал: «Духовной пищей никого не удивишь».

А материальной, выходит, можно. Это за текстом, это подразумевается. Не хватает джинсов — и за ними гоняются, не все, но все же. Машина дорогая, поэтому ее очень хочется, и очень грустно, что, оказывается, надо потратить двадцать пять лет на то, чтобы скопить на нее. Это Игорь сумел сосчитать. Только вот от духовного отмахнулся — его не удивишь, никого не удивишь.

Печально.

И печаль эта требует размышлений.

Итак, о лице духовной — удивишь ею или не удивишь.

Весь смысл нашего строя прежде всего в том, чтобы накормить человека пищей духовной.

Неужто можно это забыть, отодвинуть в архивную даль — первые дни Советской власти, первые ленинские декреты, среди которых десятки и десятки — о сохранении библиотек, старинных усадеб, музеев, дворцов, которые отныне принадлежат народу. И еще — о детях. О том, чтобы накормить и напоить их. Ленин был политик, но всю его политику как две красные черты пронизывают главные заботы: сохранить культуру и сохранить детей. Главной его концепцией было — раскрепостить народ. А это значило сделать его поголовно грамотным, создать институты, открыть тысячи библиотек, выпустить миллионы книг. Переписка и разговоры Ленина с Горьким пронизаны беспокойством вождя: скорей издай классику, подарить детям Пушкина, Гоголя, Беллинского.

Сотни театров, музеев, десятки тысяч библиотек, миллиарды книг, элементарная возможность любого школьника — при самом небольшом желании — прикоснуться к самым горным высотам человеческого духа. А кино, а телевидение, а возможность попробовать самого себя в любом из искусств, не сходя со школьной парты!

Меньше всего я хотел бы выглядеть в этом месте голым пропагандистом. Лишь человек, не лгавший лиха и не выдавший света, может пренебречь всем, что я перечислил, далеко, конечно, не полно. Государство создало у нас небывалые возможности для потребления духовной пищи, и пищи этой очень много, возможно, даже чрезмерно много.

И вот его не удивишь.

Игорь — парень молодой, судя по всему, не много отведавший духовной пищи при громадном выборе ее, и я не склонен слишком сильно укорять его за то, что в нем идет от неискренности, от незнания, от неопытности. Да и точка зрения сия заемная, не его. Но эта точка зрения требует отпора. И самого решительного.

Такой взгляд — взгляд воинствующего мещанства. Ведь воинствующего обывателя духовной пищей не удивить не потому, что он ею объелся, а потому, что она его не интересует. Для него духовное — нечто неосознаемое, бесплатное. А боевик от мещанства — материалист. Он пощупать хочет, погладить, и не вообще, не чье-то чужое или, скажем, общее, а свое собственное, личное. И если даже книга — то своя, непременно домашняя. Его печалит, что книга с рук вздорожала. Правда, и книга с рук ныне продается во многом из-за него, из-за его потребности даже книгой покрасоваться перед другими.

Книга стала вещью, это верно, ценной вещью — но, к печали, не потому ценной, что хранит бесценные мысли, а потому, что стала козырем в состязании за высокий престиж человека в своем кругу.

Хочу оговориться: не все, конечно, ценят книгу по такому мрачному преискуртану, да, не все, за нужной книгой гоняется ученый, писатель, аспирант, настоящий книголюб, но немало, да, немало скупает книги и такого народу, которого как раз духовной пищей не удивишь. Книга ему не как пища нужна, а как форма доказательства своей культурной значительности — без культуры нынче никуда.

Юмористы обкатывают сюжет: в знаменитом театре на премьеру сидят одни иностранцы да торгашки. Иностранцы меня в этом контексте не интересуют, а торгашам театр нужен для демонстрации своих торгашеских возможностей.

Выходит, духовной пищей не удивишь, во-первых, того, у кого смещены цели жизни и кто материальное ставит выше духовного — это важный момент. Вредность этой философии прежде всего в том, что, внушенная безумным юнцам, она безобидно позволяет им пропускать подлинную духовную пищу, оставляя лишь всевозможные ее суррогаты — коктейли из низкопробных закупных фильмов, худых телекартин да развлекательной музыки, разобравшись во вредоносном влиянии которой требуются ум и усиленное потребление настоящей духовной пищи.

Воинственность действенного мещанства как раз в этом: заставить молодяк пропустить в жизни самое главное — поиск ее духовной сути. Превратить этот молодяк в себе подобный рвачей дефицитного пока вещного имущества.

Да, это так. Все, кажется, ясно.

Печально одно.

Пустеют наши библиотеки. Налыв народу — в дни студенческих сессий и выпускных экзаменов. Много мудрых мыслей пылятся на полках невестребованными, непрочитанными. Мысль же о книгах на нижних полках отдельных квартир приводит меня в трепет. Эти книги — в массе своей — напоминают узников, замкнутых в окопы стеклянных шкафов, так и не допрошенных с пристрастием. Подумать только — пять миллиардов книг во всех библиотеках страны и тридцать — в шесть раз более — в домах людских. Узнать бы еще, сколько их, так ни разу и не раскрытых.

И вот уж грешная мысль неотвязно следует за мной. «Духовной пищей никого не удивишь», — может, не удивишь потому, что слишком много ее? Слишком доступна, близка, а оттого и цена ей меньше? Слишком легко попасть в музей — не оттого ли люди, живущие с ним по соседству, так ни разу в нем и не бывали? Не потому ли есть москвичи, не знающие, где «Третьяковка»?

Нет ли печальной закономерности в таком постулате: дешево то, что доступно, дорого то, что редко. А если «духовная пища» дешеветь рядом с нехваткой материального, не возникает ли переоценки ценностей?

Переоценки, когда удивишь новомодной кофточкой, но не удивишь стародавними «Опытами» Мишеля Монтеня, «Войной и миром» Толстого, стихами Тютчева, старым мхатовским спектаклем, записанным на видеопленку, или картиной Александра Иванова «Явление Христа народу».

Мне могут возразить, что высокая оценка кофточки отнюдь не противоречит восхищению картиной Александра Иванова или достойной книгой. Согласен, но при одном условии: если кофточка, выстраиваясь в ряд с новомодными салогамми, дубленкой, диваном и ковром, в сознании человека не обретает больше никаких иных свойств, какие могут обрести удобная одежда и нормальная обстановка. Если же одежда начинает обретать черты престижности, «культурности», даже, если хотите, социальности, если погоня за материальным оборачивается целью жизни, смещение ценностей в системе нравственных координат становится совершенно определенной силой. Преувеличивая значение вещей, человек совершенно автоматически преуменьшает значение «пищи духовной».

Особенно легка подобная переакцентировка у молодых, неискушенных.

Так случилось и у Игоря.

6

Публицистика придумала этой затяжной болезни название — вещизм. Самодовлеющая погоня за вещами, поклонение вещам, превращение в вещи даже духовных начал, например, книг, картин.

Учитывая, что многие предметы ширпотреба отечественного производства пока слабо конкурируют с теми же продуктами западного образца, вещизм страдает одной печальной особенностью: в массе своей он космополитичен. И тут, хочешь не хочешь, надо признать: слабая работа тех или иных отраслей нашей легкой промышленности создает безусловную лазейку для товаров западного производства, для спекуляции ими, а значит, обретает черты идейного просчета.

Плоха или хороша покупка западного товара сама по себе? Да она никакая, если подходить к самому факту покупки со спокойной душой. Ни плоха, ни хороша — обыкновенна. Но в условиях дефицита и спекулянтского взвешивания цен, скажем, на те же джинсы, вдруг возникает такой пример: на штаны чехословацкого производства подросток пришивает американскую фирменную марку, и выясняется, что даже на эту марку, на эту блямбу с заморской надписью существует отдельная цена. Не самими джинсами, так хотя бы наклейкой на них мальчишка подтягивает на нужную ему высоту свой престиж в глазах сотоварищей или даже просто прохожих.

Какого привкуса эта подробность? Коммерческого? Торгового? Нет, идейного.

И рождена она умом не одного лишь подростка. И все же что такое вещизм? Чем и как лечить эту болезнь?

Убежден: болезнь эта временная. И рождена она

временными трудностями — тугоподвижностью легкой промышленности, медлительностью, при которой новая мода, придуманная художниками, плетется до прилавка долгие годы. Но было бы неверным утверждать, на мой взгляд, что лишь одним избытием новомодных товаров отечественного производства и расширением международной торговли можно искоренить вещизм до конца. Нет, требуется еще воспитание. При ликвидации дефицита одновременная ликвидация перекоса в сознании. И не когда-то в будущем, а сейчас, немедленно и, главное, всюду, надо без конца объяснять воспитаннику: неужели вещь может оказаться смыслом жизни и ее целью; да, вещи нужны, без них не обойтись, но это хоть и красивые и добротные, — но всего лишь вещи. Вечна русская мудрость: по одежке встречают, по уму провожают.

Анализируя же вещизм юношеский, надо сказать следующее: это есть не что иное, как отсутствие сопротивляемости, если хотите, иммунитета к временному общественному стереотипу, живучему только в условиях дефицита. Вещизм, к сожалению, болезнь взрослых, и детей заражают ею именно взрослые. Задача настоящего педагога в том-то и состоит, чтобы выработать в ребенке сопротивляемость этой инфекции.

Считаю такую задачу одной из сложнейших хотя бы уже потому, что большинство в окружении ребенка может оказать внутреннее сопротивление самой этой идее. Ведь задача педагога — внушить ребенку идейность цели и смысл жизни, выбор большой и важной общественной идеи вопреки искусству более близкому, очень заманчивому и на первый взгляд совершенно безобидному. Да и всякий ли воспитатель способен деликатно углыдеть, как, где и в какой ситуации джинсы и замшевая курточка на подростке — просто удобные и полезные вещи, а где и когда уже сами вещи руководят воспитанием ребенка.

Примеров приводить можно множество, ограничусь лишь одним. Семиклассник одной столичной школы — а таких семиклассников, как утверждает милиция, не так уж мало, — открыл бизнес сначала в классе, потом в школе, затем в микрорайоне. Давал за трошек переписывать мальчишкам — да и девчонкам тоже — самые новомодные западные мелодии. Дома — магнитофон, целая дискотека, через спекулянтов раздобывал привозные диски по полторы сотни штука, с утра до ночи перезаписывал их на пленку, и — пожалуйста — сколотил за год целый капитал.

Родители — по наивности — прохлопали свое чадо ушами, хотя все видели: думали, у мальчика хобби, даже радовались — не бегают по улице, не хулиганит. Школа пропустила по невнимательности. Товарищи по классу лишь одобряли — всех интересовали новые записи, каждый вымалывал дома нужные трошки. А все вместе взрастили такой куст гнили, что хоть руками разводи.

Заработанные деньги надо было куда-то тратить. Юный бизнесмен часть своего капитала пускал на «развитие производства» — скупал новые диски, а часть — на одежду. Обрядился в суперджинсы, завел в седьмом классе отличный гардероб. В классе стал франтом, признанным вождем, человеком, который, по его же выражению, словно сын крупного капиталиста, с детства умеет зарабатывать деньги сам, научился делать бизнес. Отец у парнишки был самым обыкновенным конструктором, получал не бог весть какие деньги, и не один тяжкий «идейный» разговор о ценностях жизни довелось ему выдержать с собственным сыном. А тот уже утвердился в общественном мнении не только класса, но и целого микрорайона своих сверстников, говорил с отцом нагло, упрекал того во многих грехах, среди которых «неумение жить» стояло на первом месте.

Ни отцовский ремень, ни восхваления учительницы, ни проработка на классном собрании — при общем подхихикивании — не помогли, помогло — будем надеяться — горе: отцовский инфаркт.

Парень распродал диски и магнитофоны, сдал деньги матери, притих. Однако у меня нет уверенности, что подросток этот разувержен, что он разочаровался в намеченном пути. Болезнь отца напугала его, заставила быть менее откровенным, более деликатным и, пожалуй, осторожным. Он запрятал, загнал глубоко в себя свою философию.

Думаю, до поры до времени...

Как видим, отсутствие иммунитета, сопротивляемости к вещизму, ажиотаж на дефиците, какого бы свойства он ни был, ведет по ступенькам вниз — сначала переакцентировка смысла, цели жизни, затем конкретнее — стяжательство, бесстыдство и выработанная ими ложная мораль.

В этой истории корыстолюбие сына оплатил по векселям отец — собственным сердцем. Конечно, он

же и пропустил духовную катастрофу ребенка. Пропустил не только он, но и мать, но и школьный учитель, и товарищи.

Нам следовало бы почаще говорить о расплате за такие пропуски. Безобидное вроде бы увлечение обернулось бизнесом, а потом и болью собственного отца. Но в рассуждениях о линии поведения, особенно в школе, учитель редко обращается к такой теме, как покой, здоровье и даже сама жизнь близких ребенку людей. А ведь такой разговор должен вестись, и вестись на высокой ноте подлинного гуманизма, когда в юном человеке надо разбудить такие важные струны духовности, как сострадание, как жалость, как непричинение зла матери и отцу, бабушке и деду, просто прохожему старику и встречному малышу. Путь к настоящему гуманизму лежит через любовь к ближнему, через заботу о нем, через линию поведения, оберегающую близких от неприятностей, которые может доставить ребенок. Его следует приучить думать о своих поступках, контролировать их, всегда и непременно учитывая ту боль и ту радость, которые они могут доставить сперва близким, а затем и вообще людям.

Это ведет к главному — не к анализу уже совершенного поступка, а к анализу замысла. Дурной поступок, неверная линия поведения могут быть предвосхищены таким ясным, таким простым действием, если ребенок заранее критически подумает о возможных последствиях.

Последствия вещица обнаруживаются не сразу, не определенно, они прикрыты флером псевдоуважительности.

Святой долг воспитателя, преодолевая сопротивление «общего мнения», педагоги неорганизованной части разомкнутого пространства и «переоценки ценностей», внушить ребенку иммунитет к вещизму.

7

Теперь, выделив из обширного круга людей, называемых воспитателями, только школьного педагога, коснемся еще одной важной — и деликатной — темы, имеющей безусловное значение, когда мы говорим о вещизме.

Оговорюсь: этот разговор касается прежде всего учителей молодых — педагога опытный даже частности испытал собственной судьбой, и, надо сказать, на его замечание молодой коллега отзывается порой все с той же ученической беспечностью и непониманием, какими в достатке владели он всего несколько лет назад на студенческой скамье или школьной парте.

Однако голые призывы и одни лишь восклицания здесь недостаточны.

Приведем психологический этюд — конечно же, из жизни.

Главное действующее — а затем и страдающее — лицо — молодая учительница, выпускница института иностранных языков.

Место действия — школьный класс, школа, куда юная «француженка» приехала по распределению. Город, где находится школа, — крупный центр с миллионным населением.

Девушке — назовем ее Женей, Евгением Степановой — по-настоящему повезло: после четвертого курса ее, как отличницу, отправили на стажировку во Францию для совершенствования в языке, и она целых четыре месяца прожила в Париже, где кое-что и купила из одежды. Ничего сверхъестественного в гардеробе Жени не было, велики ли деньги у студентки, но джинсы, блузки и кофточки, еще одни джинсы-комбинезон, белое шелковое пальто и кое-какую мелочь она все-таки привезла.

Школа встретила ее приветливо, пожилая директриса, похвалившись на знаменитую артистку Гоголеву, была, как и все, добродушна, искренне восхищалась, что молоденькая учительница жила в Париже, выходит, язык знает не только по институтскому курсу, но еще и по жизни. Обе они — и директриса и Женя — понравились друг другу, впрочем, Женя не могла не нравиться, даже женщинам. Тоненькая, как лозинка, с открытым, доверчивым лицом и серыми глазами, она светилась обаянием.

Заметим, между прочим, что при знакомстве с директрисой Женя была одета, с ее точки зрения, изысканно — в клетчатую юбку и такой же жакет, под которым виднелась часть французской блузочки, какие там носят для деловых свиданий.

Наутро был первый урок. Женя уже давно и с волнением думала о том, как ей одеться. Она знала, ей достался девятый класс — не так уж намного она и старшей этих девушек и мальчишек, приходило к ним в жакете было бы слишком чопорно, надо поскорее найти контакт, преодолеть расстояние, которое — это

Женя знала из учебников — существует между столом учителя и партами. Этот барьер, пожалуй, главное: будет преодолен он, и все покатится как по маслу, знаний французского Жене не занимать. И, подумав, она решила приблизиться к классу. Натянула свои джинсы с широким кожаным поясом, туфельки на высоком каблучке, для праздничности — все-таки праздник! — ярко-алую блузку из ткани, похожей на шелк, но все-таки не из шелка, переливающейся при каждом движении, каждой складочкой, с нарядной вышивкой и кружевом на воротничке и пузырчатыми рукавами. Сверху, подумав, накинула джинсовую жилетку, вышитую цветами. Оглядела себя в зеркало: что ж, скромно, но нарядно, так можно пойти на институтскую лекцию, в музей или на званый вечер.

В учительской Женино появление произвело эффект взорвавшейся бомбы. Кто-то ахнул, кто-то охнул, кто-то проговорил: «Вот так и надо!» Но Женечка не слышала междометий и фраз. Просто уши заложило от волнения. Пожалуй, лишь лицо директрисы остановило ее внимание. Старуха подняла брови домиком, сжала губы в тоненькую полоску — то ли хотела что-то спросить, то ли рассмеяться.

Только потом Женя узнала, что директриса не решилась смутить ее своей репликой по поводу костюма: что бы ни сказала, уже поздно, переодеться девочка не сумеет, а настроение будет исковеркано, перед первым-то уроком!

Старуха промолчала, загремел звонок, они пошли по коридору, открыли дверь в класс, переступили порог, и Женя услышала некий странный звук — полувздок, полувосклицание. Без сомнения, очевидно было одно — это был вздох восторга, восхищения.

— Вот ваша новая учительница французского языка, — проговорила директриса строгим голосом, как бы уже одной интонацией расчищая Жене психологический плацдарм для наступления. — Ее зовут Евгения Степановна, — продолжила старуха и, бросив взгляд на Женю, решила оправдать ее наряд. — Год назад Евгения Степановна была на стажировке в Париже.

Новый вздох восторга пронесся над классом — теперь он был четче, как бы организованной. К этому времени в голове у Жени прояснело, она взяла себя в руки и чутким молодым слухом услышала, как чей-то мальчишеский голос прошептал:

— Эжени!

Это относилось к ней.

Эжени! Женя не знала, горевать ей или радоваться. Толковая институтская методика и отличное знание языка, казалось бы, помогли ей взять класс в руки с самых первых шагов. Анализируя про себя свои уроки, она думала иногда с удивлением о том, что никакого барьера между столом учителя и партами не оказалось вовсе.

Ей все удавалось подозрительно легко для начинающей учительницы. И когда, готовясь к новому уроку, она меняла кофточки, ей и в голову не приходило, что тишина, выученные уроки и послушание означают пока что одно — восторг перед истинной французкой, сошедшей в класс с рекламной картинки иностранного журнала.

А в классе, невидимое Жене, творилось вот что.

Еще до появления юной «француженки» кто-то из бойких мальчишек объявил:

— Ну и бабеч сейчас видел! Супермодерн!

Но даже эта реплика не уменьшила эффекта от Жениного появления. На первой же перемене после французского девчонки устроили первичное рецензирование:

— Это да!

— Фирма!

— Вот как мечтаю одеваться, девочки!

— А джински!

— А рукава!

— А туфли!

— А сама! — Это уж с мальчишеской стороны, причем без всякой иронии.

И мальчишки и девчонки влюбились в новую учительницу, так бывает нередко, когда внешность и «упаковка» нравятся подросткам, а у Жени и содержание не отставало от внешних показателей.

Однако жизнь — суровая штука. Первое впечатление споткнулось о строгость новой «француженки». Ей стало казаться — и по справедливости, — что знания класса неглубоки: произношение отвратительное, правила грамматики забыты. Полетели первые двойки. В класс воцарилось похолодание.

У всякого настроения в любой группе бывает свой закоперщик. Он первым выразил мысль, готовую

сорваться у многих. Закоперщиком была девочка, назовем ее Зиной.

Натура мстительная и острая на язык, после второй двойки, полученной там, где при прежней учительнице обошлось бы тройкой, Зина на перемене заявила:

— Подумаешь, фифа! Мне бы такое барахло, я бы выглядела не хуже.

Зина действительно была недурна собой, и многие в классе, особенно из травмированных двойками, задумчиво поглядев на Зину, молчаливо согласились с ней. А Зина ринулась в бой. К концу уроков, чуточку опоздав и запыхавшись, она шепнула по страшному секрету:

— Говорят, наша фифа — генеральская дочка. Ничего удивительного.

Вообще женский ум и какое-то внутреннее чутье, раньше чем мальчишек, готовят девочке к боям характера позиционного, к схваткам с улыбочкой, к сплетням и слухам на пустом месте. Может, это и не очень педагогическое замечание, согласен, но пока никто из психологов толком не объяснил природу возникновения женской нелюбви, основанной на зависти к тряпкам. Как это получается? Позавидовала — и возненавидела? Бывает, видимо, и так. Но в нашей истории Зина тоже как будто была влюблена поначалу в Женю. Выходит, однако, не была — за влюбленность она приняла удивление, впечатление, желание самой выглядеть, как эта «француженка» с институтской скамьи.

Драмы не было — часто, как и любое другое инфекционное заболевание, вещизм носит стертые формы не проявленной до конца зависти.

Особенно тут; как ни говори, а барьер между учителем и классом все-таки был, и ни Зина, ни ее другие сторонники и сторонницы, послеплывавшие после уроков и на переменках, поводя учительницу в грязи, наобсуждавши досыта ее гардероб, дальше этого, опасаясь барьера, все же не пошли.

Что касается Жени, то она была умной и тонко чувствующей девушкой. Перемену в настроении класса после первых же двоек она ощутила тотчас. Сразу заметила: взгляды, которые бросают на нее ученики и ученицы, из восторженных превращались в настороженные. А у Зины — в скептический.

Вначале Женя огорчилась — это была естественная реакция. Известно, однако, когда человек расстроен, он и одевается соответственно своему настроению. Женя оделась проще и неожиданно, даже с чувством облегчения, почувствовала себя естественнее: клетчатая юбка, тот самый жакет и простенькая блузка.

Потом, как-то само собой, Женя подумалось, что становится рядом со своими учениками — не такое уж бесспорное дело, и, приходя в класс, она приходит даже не на институтскую лекцию, не говоря уж о концерте и званой вечеринке, где хоть не все знакомы друг с другом, так все равны.

И еще Женя заметила одну подробность: Зина, смотревшая раньше на нее с вызовом, теперь казалась слегка растерянной, что ли, чуточку удрученной. Когда Женя, помогая ей, спрашивала Зину на уроке, та не скрывала ироническую улыбку, не думала о чем-то щеко-ушем ее чувства, а яростно дралась за свою тройку.

Впрочем, тройки постепенно превратились в четверки. Женя, Евгения Степановна, была справедливой учительницей.

Однажды, спустя немалое время, старая директриса, когда они остались вдвоем, неожиданно спросила молодую учительницу:

— А где твои чудные кофточки? Ты что-то давно не надевала их.

Женя покраснела — вопрос застал врасплох. Но у них — молоденькой «француженки» и старой директрисы — сложились к той поре доверительные отношения, почти как у матери с дочкой, и Женя, вздохнув, откровенно спросила:

— Может, мне их сдать в комиссионку?

— Еще что! — возмутилась директриса.

— А что лучше, — спросила тогда Женя, — не иметь их или носить только за пределами школы? Ведь и на улице меня увидит Зина. Что она подумает, что скажет? В школе одевается, как все, а на улице — как хочет? Это правильно — быть разной в школе и на улице?

Старая директриса, похожая на добродушную Гоголеву, беззвучно смеялась.

А насмеявшись, промолчала. Не ответила ничего. Эта вставная и в чем-то, не скрою, назидательная история понадобилась мне для того, чтобы подвести всякого молодого учителя к мысли, как ему одеваться. Подвести, не более — ведь у нас нет правил, регламентирующих одежду педагога, нет правил, ограничивающих броскую косметику или одежду, которая в чьих-то — может, испорченных — взорах

означает высокий или низкий жизненный престиж. Каждый руководствуется своими соображениями, своей интуицией, вот только одна примечательная деталь не дает мне покоя: неужели же только по возрасту, с годами учитель одевается все сдержанней, все скромнее?

На этот вопрос, пожалуй, не надо ответа. Ведь не ответила же на вопрос молоденькой Евгении Степановны старая директриса.

8

Может, я отвлекся?

Но вернемся мысленно к письму Игоря, к анонимной откровенности, представим на минуточку Игоря в классе молодой «француженки». Возможный вариант?

Вполне возможный.

А теперь давайте вообразим: Игорь влюблен не в кого-то вообще, в какую-то абстрактную девочку, а в ту самую Зину, которая позавидовала молоденькой учительнице. Позавидовала не только потому, что у нее нелады с французским, а еще и потому, что дома у нее только и разговоров, что о вещах.

И Зина прибегает к родной маме с сообщением о потрясенной «француженке» из Парижа.

Можно бы поговорить о самой Евгении Степановне — гибкая и тонкая, как лоза, чудесная фигура, открытое, чистое лицо и серые глаза, но это все так, пустяк, главное для Зины и ее мамы обречение, рама, и они полны убежденности: что бы в такую оправу ни вставил — все заблестит.

Впрочем, и Зина и ее мама сами вполне ничего по внешним, как говорится, данным. Так что женские достоинства молоденькой учительницы они оставляют без внимания.

Знание французского?

Это вообще выпадает из поля зрения. Речь о другом.

Итак, о чем же речь?

Будь хоть какие-нибудь связи с Парижем, можно было бы устроить так, что эта девчонка, пожившая там — господи, всего-то четыре месяца, — ахнула бы сама. Но увы! Хотя Зинин папа и «шишка», как скажет о нем потом Игорь — сама Зина и ее мама вполне уверены в том, — но до Парижа его рука не дотягивается... Пока что он меняет устаревшие «Жигули» на новую «Ладу», достает большую, во всю комнату ковер и добывает подписку на Александра Дюма в двенадцати томах, который издан исключительно для библиотек, но если сильно постараться...

А тут Игорь.

Нет, конечно, вещи вещами, но жизнь жизнью, и вполне понятно, почему Игорь, мальчик из одного с Зиной класса, ухаживает за ней. С точки зрения самой Зины, она недурна, и только школа мешает ей по-настоящему развернуться. Но уж к десятому классу, к выпускному вечеру, к вступительным экзаменам она прижмет как следует отца, ему придется похлопотать, чтобы, отбросив в сторону эти липовые школьные условия, эти фарфурчики и скромные форменные платья, это оскорбляющее тело тряпье, одеться по последнему визгу сезона. Глупо думать, будто цель из примитивных — чтобы парни на улице приставали. Всяких встречных-поперечных Зина обойдет за три версты, не такая она глупышка, верно говорят, по одежке встречают, а она вступает не куда-нибудь, в жизнь, и надо, чтобы жизнь встретила ее — да, по одежке, по достойной одежке, по прекрасной упаковке, чтоб и встретила достойно!

Зина представляет — и мама гладит ее по голове, это мама ее надоумила, — как, упакованная что надо, идет она сдавать документы в иняз, точно так же, как «француженка», Эжени, — и в то же время ничего похожего. Эта дурочка оказалась в Париже на стажировке, а потом явилась в школу, чтоб пылиться тут до гробовой доски и потом, в глухой старости, вспоминать кофточки, привезенные из Парижа, как самое светлое событие в жизни.

Нет, стройность и открытость взора уйдут, мама не устает повторять это, и нужно, пока молода и перспективна, оторвать от жизни что-то такое, за что сама себя до смерти уважать станешь.

Что же оторвать? Да, закончить институт, выйти замуж удачно за дипломата, говорит мама, отец утверждает, лучше за внешторговца и уехать, ну не в Париж, так в Дакар или Коломбо, да не все ли равно — лишь бы уехать! И жить жизнью избранных, меченных счастливой судьбой! Еда — иностранная, тряпки — иностранные, квартира оформлена как на картинке в глянцево-журнале.

А для этого что надо?

Мама говорит: побережь себя, не шляться с кем попало.

Отец восклицает: знакомства надо выбирать те, что по существу!

А тут Игорь. Без конца повторяет: уйду на завод. Отец пристал к Зине:

— Да отшей ты этого ухажера!
— Как я его отошью? — не возмущается Зина, просто не знает как.

— Хорошо, я тебе помогу. Сам скажу ему кое-что, — смеется отец.

Через неделю знакомит с Сережей. Господи, олух царя небесного! В школе с двойки на тройку переваливается, родители за уши тянут. Какой там дипломат или внешторговец — никаких задатков ни по одному предмету. Но тут его родители из кожи лезут, у Сережиного отца с Зининым какие-то шуры-муры. А там еще родители подарили Сереже на шестнадцатилетие «Москвич». Не новый, жонхеный, но все-таки. И без конца ее, Зину, уговаривают: прокатись да прокатись.

Сели, поехали. Пока разогнались, Игорь навстречу, заметил, остановился. Зина фыркнула: господи, какой осел!..

Эпилог

Перечитаем последние строки из письма Игоря... «С тех пор я злой на людей и могу совершить все, любой поступок. Я не верю, что кто-то стоит на истинно нравственной, бойцовой позиции. Я не верю людям».

Вот так.

Вот к таким серьезным осложнениям может привести власть вещей, внешне как будто совсем безобидное дело.

Всякая пустота, как известно, долго не пустует. Ее быстро заполняет что-то. Отсутствие нормальной педагогики тотчас заполняет антипедагогика.

Именно это произошло с Игорем. Сильно поддавшись антипедагогике разомкнутого пространства, крепко поверив в силу вещей, он слишком торопливо разовернулся в человеческой чести и честности. Да и то! Бесчестность заметней, она нагла и достаточно откровенна, в то время как честность — состояние духа нормальное, и она не рекламирует себя. Честность — это обыкновенность.

Можно было бы сказать об утраченных Игорем идеалах. Но это неверно. Утрата предполагает разочарование и, выходит, начальную веру им.

Игорь не добрался до идеалов в результате неверного воспитания. Он просто не обрел их — не увидел, не добрался до идей, которые всегда были и всегда будут сильнее самых впечатляющих материальных соблазнов.

Ненайденность идеалов в юном, едва ли не отроческом возрасте, что может быть печальнее? И как же виноваты перед Игорем его родители, его учителя, люди, которым он доверял!

Он зол на отца той девочки, на пацана, который «обошел» его в собственном «Москвиче» — хорошо, если бы эта злость обратилась в честность и борьбу против торгашеской коррупции, — но Игорь зол на всех — на честных и бесчестных, без разбору, для него не существует водораздела между правдой и ложью, между злом и добром, он не научился отличать одно от другого, значит, он слеп.

Значит, речь идет о ненайденных идеалах.

Когда человек растет, ему, его психике, его взглядам недостает прочности — это давно известно педагогике. Еще в древние времена воспитатель сравнивал душу воспитанника с воском, который каменеет только с годами, только с воспитанием и жизненным опытом. Но жаль, если воск отливается не в достойные формы. Жаль, если мировоззрение воспитанника складывается под влиянием ложных ценностей, фальшивых идеалов, мнимых истин.

Втрое, вдесятеро понадобится теперь сил, упорства, веры для того, чтобы разубедить Игоря в ложном и убедить в истинном.

Фальшивое обладает своей могучей силой и властью, недооценивать которые — большой грех для воспитателя.

В том-то и дело, что добро должно быть сильным, настойчивым, уверенным в себе, но никак не пассивным.

Добру надлежит биться со злом — противником коварным и опытным.

Добро не есть субстанция бездумная, абстрактная, категория вообще на все случаи жизни.

Добро, коли оно сильное, разумное, настойчивое, ведет человека к подлинным идеалам.

К истинным целям.

Сегодня эта далекая планета называется Сиренида, и вы скоро поймете почему. А поначалу, после высадки на ней землян, ее называли просто «АШ-2-О». Смешное название для планеты. Зато точное. Потому что «АШ-2-О» — это химическая формула воды. И она как нельзя лучше подходит для названия некоего тела, полностью залитого водой. Ни одного материка, ни самого маленького островка, ни единого утеса не было на круглом лице этой планеты! Причуда космоса, да и только!

Но водится ли хотя бы рыба в этой сиреневой воде, что на закате темнеет и становится фиолетовой?

Ответить на этот вопрос пыталась экспедиция, возглавляемая полковником Баранелли. Экспедиция базировалась на космической станции, висевшей над планетой на высоте 300 километров. Утром специальная ракета-амфибия переправляла оттуда на «АШ-2-О» группу исследователей, которые пересаживались затем на легкие резиновые лодки и проводили свои эксперименты. Ученые опускали в воду фотоаппараты, кино- и телекамеры, пытались заснять жизнь подводных глубин, если она существует. Или же принимались просто ловить рыбу сетями в надежде поймать хоть какой-нибудь экземпляр фауны этой планеты, если он таился в этом однообразном океане.

Первые два дня работы не принесли никаких результатов. На третий день чудовищной силы буря перевернула ракету-амфибию и лодки исследователей. Молодой кинооператор Лео, лодку которого отнесло далеко в сторону, не видел этого. Напуганный ураганом, он стал искать товарищей, но никого не нашел. Он принялся звать их, но никто не откликнулся.

К счастью, буря наконец утихла. На темно-фиолетовом небосводе засияли далекие, незнакомые звезды, и, глядя на них, Лео незаметно уснул.

А проснулся он от первых лучей необычного на «АШ-2-О» солнца. Это был маленький розовый диск, низко висевший над бесконечным водным простором. Лео протер глаза, блеснула вода на лице, а затем, чтобы не сидеть без дела, опустил в воду небольшую телекамеру и начал глядеть на портативный монитор. И почти тотчас же увидел на экране трех хороших девушек. Они улыбались и смотрели на него с явным интересом.

«Наверное, какая-нибудь помета, — подумал Лео. — Или я еще не совсем проснулся».

Он покрутил ручки телекамеры и снова взглянул на телеэкран. Девушки по-прежнему с любопытством разглядывали его. Они сидели в какой-то необыкновенной подводной лодке — открытой, словно спортивный автомобиль.

А самое удивительное было то, что девушки сидели в своей машине без кислородных масок и, видимо, кислород не страдал от их отсутствия. Они были в красивых серебристых комбинезонах, украшенных простыми ожерельями из ракушек. Одна из них, должно быть, самая юная, играла солнечными зайчиками, пуская их маленьким зеркальцем. Когда Лео, не поверив телеэкрану, посмотрел с лодки прямо в воду, она направила зайчик ему в лицо и засмеялась, показав белоснежные, совсем как настоящие жемчужины, зубы.

— Вы из новой экспедиции? — крикнул Лео, наклонясь к воде. Но тут же и сам понял, что задает очень глупый вопрос. С каких это пор земляне могут находиться в воде без масок? Голубые волосы девушек и эти странные подводные лодки Лео тоже видел впервые в жизни. Пока он раздумывал над всем этим, до него донеслось:

— Ну что же ты? Иди сюда. Отец очень хочет познакомиться с тобой.

И что самое поразительное — эти слова он воспринял не слухом. Они были переданы ему прямо в мозг.

— Вы разговариваете мысленно? — спросил Лео, не произнося своего вопроса вслух.

— Конечно, а как еще можно разговаривать? Ну, давай, прыгай сюда, мы возьмем тебя на борт.

— Куда вы хотите повезти меня?

— К нам домой. Туда, в город. Ну, смелей, идем, мы покажем тебе наш Моан.

— Но кто вы такие? Как вас зовут?

— Я Меа, это Сима...

— Я Ноа. А ты?

— Мея зовут Лео.

— Забавно! Похоже на наши сиренианские имена.

— Сиренианские?

— Ну да, наша планета называется Сиренида. Ты и этого не знал?

Из вышедшей в Италии книги Д. Родари «Игра в четыре угла».

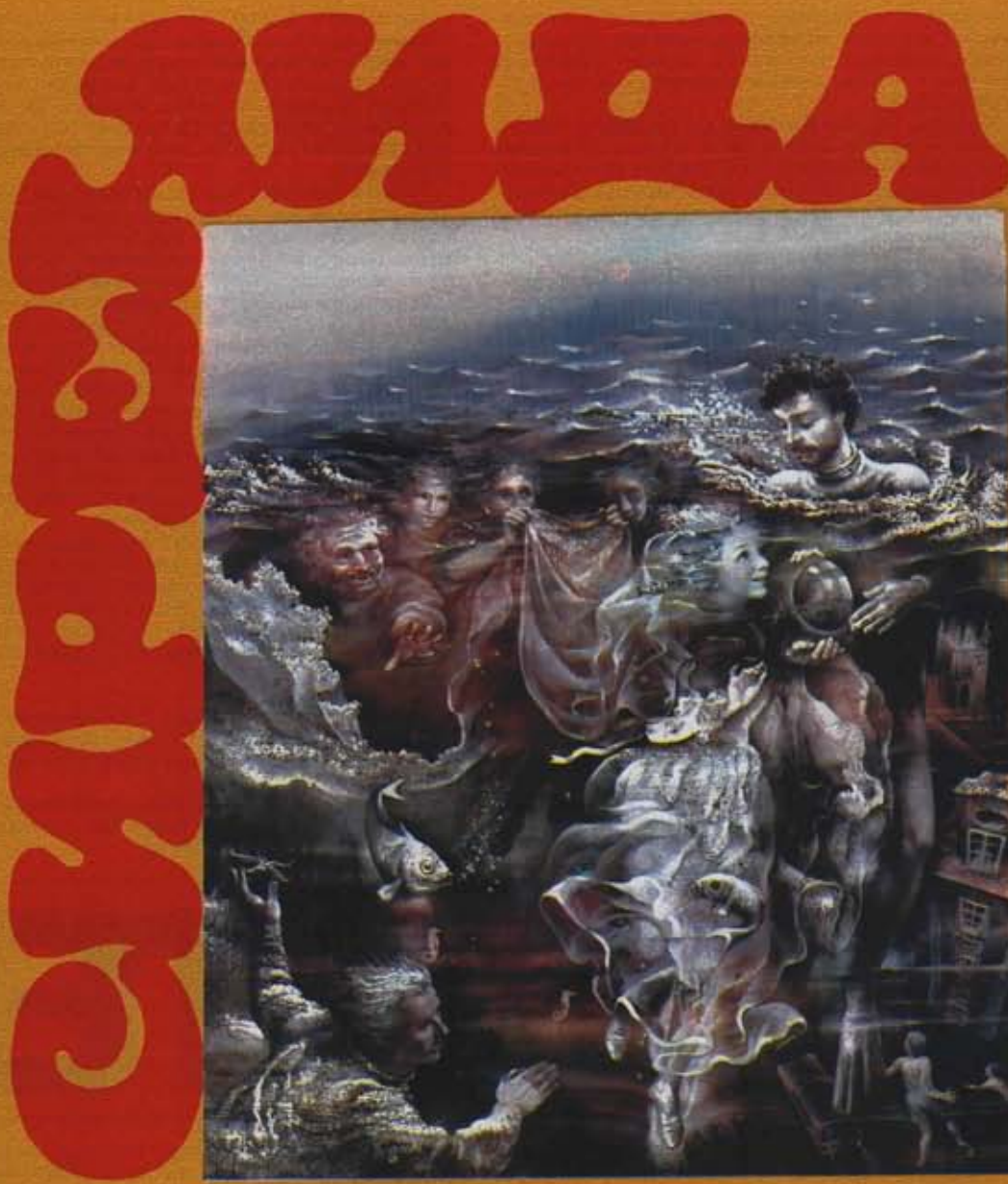

Рисунок Елены ФЛЕРОВОЙ

Лео окинул взглядом небо и океан—никаких следов его экспедиции, не видно и ракеты-амфибии.

«Оставляю в лодке записку, чтобы не подумали, что я утонул»,—решил он. Написав записку, он надел шлем для защиты от глубоководного давления, укрепил на спине баллон с кислородом и прыгнул в воду.

— Для чего все это?—услышал он вопрос Ноа.—Разве ты не можешь дышать под водой?

— Конечно, нет.

— Вот как, а мы, наоборот, не способны дышать над водой.

Меа велела Лео ухватиться за какую-то ручку, тронула какие-то рычаги, и подводная лодка рванулась прямо в пучину. Лео прыгнул, что за какие-то несколько минут они опустились по крайней мере на пять тысяч метров. Внизу показались очертания большого города. Отчетливо были видны ярко освещенные бульвары, площади и даже окна домов.

— Это Моан,—сказала одна из девушек, но он даже не заметил, кто именно, так как был захвачен удивительным зрелищем подводного города. Вскоре рядом появилось еще несколько таких же открытых подводных лодок. Люди, сидевшие в них, одетые в сиреневые комбинезоны, цвета воды на поверхности океана, с этой минуты не спускали с них глаз.

— Это как же понять—меня взяли в плен?—сердито спросил Лео.—Вы заманили меня, а полиция схватит и не пустит наверх?

— Не говори глупостей,—ответила Ноа.—Мы обнаружили тебя, и наш отец, известный ученый, приглашает тебя в гости. А полицейские всего-навсего хотят посмотреть на тебя. Им же интересно. Не каждый день у нас земляне.

— Откуда вы знаете, что я землянин?

— Мы читаем мысли. Ты что, забыл? Мы знаем все—и про экспедицию и про бурю. К сожалению, мы были не в силах спасти твоих друзей. Ты один остался в живых. И, несмотря на все, я тебе нравлюсь—твои мысли говорят об этом. Ну, вот мы и дома. Папа встречает нас.

И в самом деле, у небольшого домика стояла

группа людей. Наверное, ученый—это тот высокий лысый человек у дверей, что поглаживает какую-то крупную рыбку, а та ласково трется о его руку.

— Добро пожаловать, сеньор Лео! Позвольте представиться—профессор Борго, иктиолог. Я изучаю жизнь, нравы и обычаи рыб.

— Очень приятно. Благодарю за приглашение. Когда все выжили из машины, Лео поплыл—не так легко и изящно, как девушки, но все же благодаря тренировкам (он регулярно занимался подводной охотой) выглядел вполне прилично. Он вошел, вернее, вплыл в дом Борго, сел на диван, уткнув в подушечку, которые, должно быть, были набиты водорослями, и с любопытством осмотрелся вокруг.

— Выжу, вы удивлены,—мысленно произнес Борго.

— Еще бы! Я впервые столкнулся с подводной цивилизацией. У нас в воде обитают одни рыбы.

— Э, нет!—рассмеялся профессор.—Вы не впервые встречаетесь с нашей цивилизацией. Припомните—ка сирен из «Одиссеи»...

— Сирен? Русалок—наполовину женщин с рыбьим хвостом? Но это же мифы. Русалки встречаются только в сказках.

— Не сказал бы... Надобно вам заметить, что много тысячелетий назад на нашей планете разразилась ужасная война...

— Подводная, разумеется.

— Естественно. И народ, потерпевший поражение, вынужден был покинуть планету. Люди переправились через космическое пространство в летающий аквариум. Вообразите себе звездолет вроде вашего, но только заполненный водой. И нашли они пристанище в теплых водах Средиземного моря у берегов Греции и Италии.

— Выходит, Одиссей действительно видел сирен?

— Да, древние греки встречались с нашими сиренианками. Они, конечно, не могли рассмотреть в воде хвостов по той простой причине, что у них хвостов не было, но греки вообразили их. Древние, вы же знаете, были скорее поэтами, нежели учеными. Ну, а через несколько веков на

нашей планете настолько возросла цивилизация, что всякие войны прекратились навсегда. И мы вспомнили об изгнанниках, оказавшихся на Земле, и вернули их. Они охотно возвратились на Сирениду, потому что от отца к сыну передавали любовь к своей древней отчизне... И должен вам сказать, моя семья происходит именно от таких изгнанников. Мы прежде жили у берегов Сицилии, в воде, и очень возможно, что одна из сирен, которых встретил Одиссей, была моей прапрапрабабушкой...

— Но сирены могли выходить на берег, дышали воздухом...

— Это не совсем так. Они могли ненадолго нырнуть в воздух, так же как вы ныряете в воду, потом мы изобрели специальный аппарат, с помощью которого можем дышать воздухом.

Вслед за этой беседой с профессором Борго последовало много других. Лео показали Моан и другие подводные города. Он встречался с сиренианскими учеными и присутствовал на празднествах, которые устраивались в его честь. У сиренианцев были большие запасы кислорода—они использовали его для очистки воды. И Лео, когда нужно, мог без труда пополнить свой кислородный баллон.

Между тем его чувства раздваивались. С одной стороны, он хотел вернуться на Землю, к родным и друзьям, рассказать об увиденных чудесах. С другой, он не мог расстаться с Ноа, такой славной и веселой. Вот бы жениться на ней и навсегда остаться в прозрачных и гостеприимных водах Сирениды... Мечтать об этом было мучительно больно.

Профессор Борго нашел выход.

— Женитесь,—сказал он молодым людям,—и отправляйтесь на Землю. Наш Совет мудрецов считает, что таким образом лучше всего можно установить контакты между людьми нашей планеты и землянами. Представляете, только познакомились и уже родственники... Немного поживите на Земле, а потом опять к нам, тоже ненадолго. Возможно, и земляне захотят научиться жить в воде... Как вы думаете?

Лео и Ноа согласились. Даже фейерверк устроили под водой. Но не спрашивайте, каким образом. Рыбы подплывали поближе, чтобы полюбоваться молодыми. Они кружились возле жениха и невесты, сопровождая свадебное шествие. А потом небольшой «летающий аквариум» переправил молодоженов на Землю. Выйдя из аквариума, Лео снял наконец кислородную маску. Но теперь пришлось Ноа надеть свою маску.

Не будем описывать, как удивлялись им люди, не скажем ничего о заголовках газет, интервью по телевидению, о встречах с учеными и членами правительства. Все это нетрудно себе представить.

Лео и Ноа поселились в небольшой вилле на окраине Рима. В саду устроили небольшой бассейн, где Ноа могла проводить несколько часов без маски. И в самом доме, в одной из гостиных, тоже был бассейн, и Ноа, чтобы доставить удовольствие гостям, входила в него, сняв маску. Она показывала, что сирениане могут дышать в воде, как рыбы.

Тем временем между Землей и Сиренидой установились постоянные связи. С планеты на планету перелетали туристы, ученые, гости.

За несколько дней до годовщины свадьбы Ноа затеяла слетать на родину. Всею на несколько дней, повидать сестер. Лео обрадовался. «А я за это время смогу спокойно подготовиться свой сюрприз, и она ничего не заметит»,—подумал он.

Когда Ноа должна была вернуться на Землю, Лео не поспешил ей навстречу в аэропорт, а остался дома. Точнее—в бассейне. И—без маски, без кислородных баллонов! Это и был его сюрприз. Тайком от Ноа он с группой ученых работал над специальным клапаном, который позволял землянам находиться под водой без маски сколько угодно долго. И Лео хотел первым вшить в плечо этот клапан.

Ноа влетела в дом веселая и стремительная, словно порыв ветра. Увидела Лео в бассейне и рассмеялась. И Лео тоже рассмеялся... Потому что Ноа стояла посреди комнаты—на воздухе—без своей маски. Она могла дышать воздухом, как земляне. Для этого она и летала на Сирениду, где ученые тоже придумали клапан, позволяющий сиренидам дышать над водой!

Лео вышел из бассейна и крепко обнял Ноа. Оба были счастливы, что позаботились об одном и том же, что сделали друг другу одинаковый подарок.

— Я теперь как ты, а ты как я...

А вместе они стали чем-то таким, чем прежде никогда не были. Такое всегда случалось и всегда будет случаться.

Перевод с итальянского
Ирины КОНСТАНТИНОВОЙ.

РАЙКОМ КОМСОМОЛА И АТЕИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

Павел ЕМЕЛИН,
специальный корреспондент «Смены»

Домой Саша не торопился. Охотно оставался в классе после уроков, когда Людмила Степановна, сидя за столом, проверяла тетради или что-то писала, а они, семиклассники, с кем учительница занималась дополнительно, делали свои дела. Но больше Саше нравилось провожать Людмилу Степановну до железнодорожного переезда. Сначала они шли по узкой аллее между высоченных островных тополей, а потом — мимо кирпичных домиков, окруженных вишней и виноградом. Тогда ему никто не мешал, и можно было говорить обо всем.

Чаще Саша спрашивал о прочитанном. Учительница замечала, что он не просто читал, а как бы переживал книгу, и в его вопросах были недетская рассудительность и глубина. А вот учился Саша не ахти. Бледный, неухоженный, он приходил в школу словно после изнурительной работы.

В тот день Саша был бледнее обычного, молчаливый. Шел, думая о чем-то своем.

— Что-то случилось, Саша? — осторожно спросила Людмила Степановна.

Мальчик остановился. Опустил голову. Со слезами в голосе сказал:

— Не хочу я с ними жить. Они только говорят о любви к ближнему, а сами...

Людмила Степановна знала, что гнетет Сашу. В последнее время он стал в своей семье словно чужой. Белая ворона. Отец то и дело недовольно ворчал, что сын погряз в грехе. Вместо того, чтобы сидеть за «святым писанием» и трудами «помазанников божьих», сын тайком читал «дьявольские» книжонки. Искал любой повод, чтобы сбежать в кино, «примосотиться» у кого-нибудь из дружков к телевизору.

— Хорошему ты так не научишься, — хмуро твердил отец. — Все твои книжки, фильмы — творения сатанистов.

— Но ведь и среди тех, кто не верит в Иегову, есть хорошие люди, — возражал Саша, мысленно представляя любимых учителей, друзей из класса. Такие речи выводили отца из терпения. Он уже не вразумлял, а кричал:

— Слепец! Сказано: «И яд аспида под устами его». Неужто ты не видишь, что это Сатана принимает облик хорошего человека?

А еще отец застал Сашу за «мерзким» занятием — тот читал книгу Косидовского «Библейские сказания». И вновь гнев и проклятия обрушились на мальчишескую голову. Книга из школьной библиотеки полетела в огонь. «Лучше в детдом меня отдайте», — сказал тогда Саша отцу.

— Не хочу я с ними жить, — повторил еще раз Саша, не глядя на учительницу, но она и так видела, что слезы катились по его щекам.

— Не надо, не надо, Саша, — успокаивала Людмила Степановна. Ей по-матерински было жалко парнишку, но настаивать сына против родителей она, педагог, не могла.

Через несколько дней Саша опять заговорил с учительницей о детдоме. На этот раз он просил, настаивал, чтобы его туда отправили. Людмила Степановна и Саша поехали в Анапу. Как она и ожидала, мальчика без согласия родителей в интернат не приняли. Саша понял: остается одно — ждать.

Прошел год. После восьмилетки он поступил в ПТУ, работал в колхозе, затем ушел в армию. Служил в Саратовской области. Писал своей учительнице, поздравлял ее с праздниками, с днем рождения. В одном из писем сообщил, что вступил в комсомол. А когда срок службы кончился, Саша домой не вернулся.

Эту историю я услышал в большой станице, раскинувшейся на берегах реки Кочеты, что протекает по Краснодарскому краю. В центре станицы — совсем как в городе — пятиэтажные дома, кинотеатр, ресторан, парк с аттракционами, лишь по окраинам громоздятся частные постройки. Дома каждый на свой манер — высокие, горделивые, как кавалеры, низкие, сгорбившиеся, как старички. Здесь, на окраине, поселились и многодетные сектантские семьи: иеговисты, баптисты, пятидесятники.

Я бродил по улочкам, всматривался в холодно поблескивающие маленькими окнами фасады и думал: очевидно, в каком-то из этих ухоженных домиков и живет та семья, куда не захотел возвращаться Саша...

Нет, про Сашиного отца не скажешь, что он просто по натуре деспотичный человек. Да и разве не встречаются такие и среди тех, кто, как говорится, не верит ни в бога, ни в черта? Все так. Просто в истории с Сашей проявились не издержки, а само существование религиозного воспитания.

Идеологи всех конфессий в надежде укрепить позиции религии стремятся превратить семью верующих в «домашнюю церковь». Вот и иеговистам предписывается «дисциплинировать детей в религиозном духе», с ранних лет готовить их к проповеднической деятельности.

Что это значит на практике? А то, что подросток вместе с родителями должен участвовать в молитвенных собраниях, штудировать Библию, литературу, издаваемую и распространяемую по всему миру Бруклинским центром США, которому подчиняются иеговистские организации. Бруклинские авторы поучают родителей, как лучше приобщить детей к усвоению их писаний: «Нужна теплая, дружеская, веселая атмосфера». Что ж, такой совет, может, и сгодится для послушных, которые, как губка, впитывают религиозные наставления из родительских уст. Но как быть, если подростка воротит от религиозной мудрости, проповедующей «вечную» жизнь? Об этом бруклинские наставники умалчивают, зато их наиболее доверчивые последователи из числа родителей смотрят на вопросы педагогики проще: берут ремень и при помощи его вкладывают сыну или дочери «витамины прилежания».

В баптистских семьях, например, как рассказывали мне сами ребята, «ременная педагогика» в ходу. Поневоле вспоминаются слова А. П. Чехова о том, что «в так называемом религиозном воспита-

общественное мнение, реалии нашего социалистического строя расшатывают религиозные установки, ослабляют влияние на верующую среду единоверцев. Многие сектантские пастыри сетуют на потерю «интереса к слову божью», на падение дисциплины в общинах. Вот почему было бы ошибкой зачислять всех членов сект в фанатики и экстремисты.

Те же иеговисты, как показывают исследования ученых, нередко отвергают антиобщественные, идущие вразрез с нашей действительностью рекомендации бруклинских теоретиков. Например, по данным украинского исследователя П. Яроцкого, 52 процента опрошенных «свидетелей Иеговы» (в опросе участвовало более трех тысяч человек) не проявляют активности в религиозном воспитании детей. Считают, что религия — это личное дело взрослых, а дети, мол, когда вырастут, сами разберутся, верить или нет. Многие верующие-иеговисты (по тем же данным — более 47 процентов) одобряют чтение детьми художественной литературы, не запрещают вступать в пионеры, а почти 20 процентов опрошенных, или 620 человек, не препятствуют своим детям вступать в комсомол.

Закономерная для наших дней тенденция к ослаблению религиозности тем не менее отнюдь не «облегчает жизнь» воспитателям и пропагандистам атеизма. Их не может успокаивать даже самая благоприятная статистика. Они ведут борьбу за духовное освобождение каждого человека, а юного в особенности.

Идем с Людмилой Степановной Бодяевой, учительницей литературы, по той самой дороге, по которой она когда-то ходила с Сашей. Те же тополя, те же дома...

— Чем добрее с ребятами, тем они с тобой открытее, тем больше ты им можешь помочь, — рассказывает Бодяева.

ЧТО У ТЕБ

нии не обходится дело без ширмочки, которая недоступна оку постороннего. За ширмочкой истязают, а по сю сторону улыбаются и умиляются».

Педагогика принуждения и рукоприкладства в семьях верующих связана не столько с негативными чертами характера родителей, сколько с самой антигуманной сутью религии. Посудите сами: не вырастить сына или дочь в духе «заветов господ» — это, как издавна внушают клерикалы, великий грех. Но и бить строптивого отрока — тоже грех, ведь, как гласят те же заповеди, «бог есть добро», «бог есть любовь». Что делать верующему родителю? Из двух грехов выбирать меньший. Поэтому родительское наказание получает «высшее» оправдание: наказывают ребенка уже, дескать, не просто за провинность, а во имя спасения своей и его души. Зло порождает зло, наказания ожесточают юного человека, но совесть верующего спокойна: так, мол, богу угодно.

По душе ли такой способ «спасения» самому воспитаннику? Да и верит ли он в это «спасение»?

Конечно, пока ребенок под крылом родителей, религиозные догмы воспринимаются им как нечто само собой разумеющееся, единственно правильное. Но вот он пошел в школу, и мир открывается ему иной, незнакомой доселе стороной. Юный ум тянется к познанию нового, выходящего за рамки религиозных представлений, но наталкивается на жесткие родительские запреты. Вот тогда в религиозных семьях и разыгрываются острейшие, затяжные драмы. Случай с Сашей — одна из них.

Или другая история, происшедшая в той же станице. Девушка из иеговистской семьи полюбила неверующего парня. Что только не делали ее родители, чтобы искоренить эту «сатанинскую» любовь! И действовали родители не столько по своему злостному умыслу (сейчас, к слову сказать, они даже помогают молодой семье), сколько в соответствии с установкой иеговистских наставников, допускающих браки только между единоверцами. Смешанный союз, не без основания полагают сектантские деятели, грозит отходом «брата» или «сестры» от организации и от религии вообще. В данном случае так и вышло: девушка порвала со «свидетелями Иеговы». Земная любовь оказалась сильнее религиозных догматов.

Больших жертв требует от человека религия. Ради мнимого спасения, ради мнимой вечной жизни. Но не все верующие в своей повседневной жизни слепо следуют букве вероучения. Здравый смысл,

Шестнадцать лет преподает Людмила Степановна в этой школе, и все эти годы она — любимая учительница. Я видел, как теплеют глаза ее учеников, теперешних и бывших, когда они говорят о Людмиле Степановне. Их рассказы подтверждают: атеистическую работу в школе успешнее ведут любимые учителя. Нет у них этой предрасположенности в отношениях с учениками, они одинаково добры со всеми. У таких учителей словно бы и нет проблемы общения с верующим учеником, когда нужно завоевать его доверие, без которого успех просто немислим.

— Ребята должны верить тебе, верить в твою порядочность, — продолжает Бодяева. — Иначе все усилия напрасны.

Истинность этих слов опирается на большой педагогический опыт Людмилы Степановны, на ее credo пропагандиста атеизма.

Открою секрет: девушка из иеговистской семьи, полюбившая неверующего парня, училась в классе, где руководителем была Людмила Степановна. Да и «Ромео» когда-то учился у нее. Вся эта непростая, драматичная история известна учительнице почти с самого начала. Сами влюбленные рассказывали обо всем Бодяевой, просили ее совета. А однажды пришли к Людмиле Степановне радостные, просветленные. «Мы решили пожениться, — сказал он. — Заберу ее к себе, дома ей совсем житья не стало». А ведь девушка еще училась в десятом классе и учебный год только-только начался. Наверно, не каждый педагог в той ситуации одобрил бы их решение. Не лучше ли, мол, немного повременить? Но Людмила Степановна согласилась, что брак, хотя и слишком ранний, — единственный выход в создавшемся положении. Просила только, чтобы девушка не бросала учебу совсем...

А вот преподаватель автодела той же школы Иван Леонидович Озеров во время занятий будто сам становится как мальчишка — молодой, эмоциональный, азартный. Особые отношения у него сложились с Антоном, сыном баптистского пресвитера. Усердием в учебе Антон не отличался. Зато автоделом мог заниматься с утра до вечера. Вместе с Озеровым Антон ездил по району, оставался помочь после уроков. И учитель не отказывал Антону, когда тот просил подвезти то уголь, то дрова для их большого семейства.

Специальных атеистических бесед Озеров с Антоном не проводил. Лишь однажды спросил, отчего

умерла его мать. «Отец сказал: на то воля божья», — с едва заметной иронией ответил Антон. Было видно, что он сам не очень-то верит в эту самую «волю божью». «А чем болела?» — поинтересовался Иван Леонидович. Ученик сказал. Озеров, прочитавший не одну книжку по медицине, подробно разъяснил Антону, отчего возникает и как протекает эта болезнь. «Если бы все было так ясно», — только и ответил тогда, то ли соглашаясь, то ли возражая, Антон.

...Он зашел ко мне в гостиницу вечером. По пути в дискотеку. Под модной курткой — черная водолазка, придающая всему облику этого рослого парня с крупными чертами лица строгую стройность.

Мы вышли на улицу. Антон неторопливо вытаскивал из кармана пачку сигарет, сделал глубокую затяжку, выпустил дым и начал говорить уверенно, не спеша:

— Бросаю баловство. Пропуск на завод сегодня получил. Учусь в Краснодаре на газозлектросварщика.

— Но у тебя же шоферские права?

— До восемнадцати лет меня все равно на машину не посадят, а так еще одну специальность приобретаю.

До начала дискотеки оставалось больше часа. Антон рассказал о своих неладах с отцом, о том, как тот постоянно наставляет его на «путь истинный». И действует не только словом. Одно время Антон даже не ночевал дома. И теперь он в станице ненадолго — будет жить в Краснодаре.

Спросил я Антона, считает ли он себя верующим. И сразу озорной огонек в его глазах потух. Говорил он уже другим тоном, не столь уверенным:

— Молиться я перестал. Какой в этом смысл? Непонятно только, откуда все вот это, — Антон взглядом обвел темнеющую улицу, на которой уже зажглись огни, — если бога нет?..

Непростой вопрос мучит Антона. Задумываясь

убедительных доводов, показывающих несостоятельность религии, слышатся насмешки над верой и ее приверженцами.

Насмешка, обидное слово отталкивают религиозных людей, закрепляют их предубежденность против атеистической пропаганды. С малых лет у верующего вырабатывается привычка отмахиваться «богохульные» речи, мысленно обращаясь за помощью ко «всевышнему». Станичные педагоги рассказывали, что некоторые ребята из семей верующих просто-напросто затыкают уши, когда в классе начинается беседа на атеистические темы. Иные, не вступая в полемику, так сказать, провозглашают религиозную точку зрения. Такое «благоглашие» засчитывается верующему в «актив». Например, Евдокия Семеновна Чабар помнит, как на ее уроке биологии шестиклассница, перебивая учительницу, выкрикивала: «Неправда, человека создал бог». Евдокия Семеновна хотела поспорить с ученицей, но та просто закрыла уши и не стала слушать ее доводов.

И все же сдвиги видны. Учителя помнят, что каких-нибудь лет десять назад сектанты запрещали своим детям участвовать в праздничных демонстрациях. Саша, например, о котором уже рассказывалось, в майский праздник пас гусей, а потом, чуть не плача, говорил учительнице: «Думаете, мне этого хотелось?» И Антон вплоть до десятого класса не ходил на праздничные шествия. А в десятом не просто пошел, а сидел за рулем красочно оформленной машины. Такая честь была оказана ему как лучшему ученику по автоделу.

Вот еще отрадный факт: многие ребята, порвав с религией, вступают в комсомол. Однако и здесь есть о чем подумать. Иные воспитатели и комсомольские активисты всю работу с религиозным или колеблющимся молодым человеком к тому и сводят, чтобы «уговорить» вступить в комсомол. То есть начинают с того, что является итогом долгого, нелегкого

то несвязное, а все внимали ему как пророку.

Мать подошла к сыновьям. «А вы что же, люди ждуть». «Не пойду я», — твердо сказал Петя. Володя тоже не шелохнулся, он был на стороне старшего брата.

Тогда подошел одноглазый.

— Почему не встааете? — спросил он сурово.

— Не хочу, — дерзко, откуда только смелость взялась, ответил Петя.

— А божья кара тебя не страшит?

— Нет никакой кары, и бога вашего нет. Молись вы в пустоту, — выпалил Петя с отчаянием.

— Несчастный! Ведаешь ли, что говоришь?

Одноглазый удалился. Больше к мальчишкам никто не подходил. Собравшиеся начали петь псалмы. И потом, в другие дни, когда приходили единоверцы, Петю и Володю уже не звали, наоборот, мать старалась выпроводить их на улицу...

Здесь Петр прервал рассказ.

Поискал спички. Ему хотелось закурить. «Горько что-то во рту», — сказал он. А я почувствовал, что горько ему от другого. От того разлада, который внесла в их семью религия.

В отношениях родителей к нему наступило какое-то охлаждение. Даже на свадьбу сына не пришли и поздравления не прислали. Правда, когда с Петром случилась беда — упал с мотоцикла, стал инвалидом, — родители оживились. Укоряли его: «За грехи тебя бог наказывает». Пробовали вернуть сына в «лоно церкви», но в божьей помощи Петр не нуждался. Более осязательную поддержку оказал ему, тогда семнадцатилетнему пареньку, колхоз — направил на учебу в техникум.

Петр сумел разобраться, где истина, а где ее суррогат. Сейчас он крепко стоит на земле — коммунист, заочно учится на пятом курсе сельскохозяйственного института. А другие ребята, отошедшие от религии? Пришли ли они к научному мировоззрению, к пониманию истинных нравственных ценностей?

Разговаривая об этом в райкоме комсомола, но его первый секретарь Александр Смирнов «не в курсе». Конечно, вопросы сложные. Но, увы, не знает он и другого: какие секты действуют на территории района, в станице, сколько их, как влияют на молодежь?

— Ты лучше спроси, сколько у нас молодых передовиков, сколько гектаров земли вспахано, сколько тонн зерна убрано — я отвечу, а насчет сект... — секретарь разводил руками, — извини, не знаю.

Странно слышать такое от комсомольского работника. Одно дело, не знать каких-то тонкостей верования, культа, но чтобы вот так, как Смирнов, вообще быть в стороне от проблем атеистического воспитания...

С кем бы из комсомольских работников ни пришлось говорить — гуманитариями ли, «технарями», — всех их в той или иной степени интересовал «механизм» воздействия религии на молодых. В Горьковской области, помню, у секретаря комитета комсомола большого завода увидел на столе открытую книгу «Бaptизм и баптисты». Зачем это, спрашиваю, тебе? «Надо», — отвечает. — У нас в пятом цехе один верующий ведет душевспасительные беседы с ребятами. Выяснилось — баптист. Вот и хочу с ним потягаться».

А что может райком? Много, очень многое. Главное, он может стать координирующим центром по работе с молодыми верующими и недавно порвавшими с религией. Именно такую работу не без успеха ведут Рокитский райком комсомола Литвы, комсомольские комитеты города Перми. Называю адреса, где был сам.

Немало ребят из семей верующих остаются в станице. Работают на местных предприятиях, в колхозе, учатся в сельском ПТУ. Не терять их из виду, чтобы вовремя поддержать, помочь, — это у нас немало. Словом, обеспечить преемственность атеистической воспитательной работы от школы до трудового коллектива. Обеспечить преемственность доброты.

Важность такой преемственности в атеистической пропаганде несомненна. Ведь отход от религии не означает, что к ней нет обратного пути. Увы, есть... Горе, утрата близкого человека, неудачи — все это, как известно, может вновь обратить молодого человека к богу. И такой возврат, надо сказать, сопровождается большим усердием в следовании религиозным заповедям. Тогда уж оторвать человека от религии куда сложнее.

Говорю это, разумеется, не для того, чтобы в станице срочно принимали надлежащие меры. Спешка тут ни к чему. Наскоком, кроме вреда, ничего не сделаешь. Нужна, повторяю, культура атеистической работы. Нужно, как говорилось на XIX съезде ВЛКСМ, постоянно совершенствовать атеистическое воспитание, глубоко раскрывать антинаучный смысл религиозной идеологии и морали.

Я НА ДУШЕ

над ним, иные люди, более искушенные в теории религии, приходят к мысли о существовании некоего высшего разумного начала. Там, где атеизм не сказал веского слова, религия незамедлительно предлагает свой универсальный ответ.

Понимание Антоном различных вещей пока недалеко ушло от религиозного, привычного ему с детства. О безверии Антон судит еще с позиции верующего. И все-таки он уже союзник атеистов. Доводы логики доходят до его сознания. Верующий же отвергает их с порога. «Верую, ибо нелепо», — гласит тезис одного из столпов христианства. Но Антону скрыты еще многие стороны атеизма. И потому так необходимы и важны для него внимательное, заинтересованное отношение воспитателей, их убеждающее слово.

Комсорг школы № 3 — в станице четыре средние школы — десятиклассница Света Ефанова, хрупкая, тихая, с косой до пояса, считает, что главное для их комсомольской организации — наладить товарищеские взаимоотношения в каждом классе. Чтобы не было обиженных, обделенных вниманием и заботой.

— Есть у нас шутники, которые запросто могут осмеять человека, — рассказывает Света. — Это отталкивает не только верующего. Говоришь им — не понимают. А беседовать с верующим о его взглядах очень трудно, — признается комсорг. — Однажды я подошла к одной девочке, она меня и слушать не захотела.

— Трудно, когда такие беседы затеваются с бухты-баракты, — поясняет сногласная Люда Голубничая, комсорг девятого «б». — Ведь не каждому же откроешь, что у тебя на душе, а другу можно. В нашем классе учился брат Антона. Мы с ним в школу вместе ходили. Кое-что он мне о вере рассказывал... И ребятам, с кем дружил.

Правы комсомольские активисты: атеистическое воспитание начинается с воспитанности самих атеистов, их культуры, умения, говоря словами Сухомлинского, чувствовать человека.

Многое в школе сближает ребят — учеба, труд на колхозном поле, интересные диспуты, экскурсии... Все это «работает» на атеизм. Но, что скрывать, есть и такие случаи, когда религиозных ребятшек — чаще в младших классах — дразнят обидными кличками. В старших же классах, если иногда стихийно и возникают споры, то вместо серьезных,

воспитания и самовоспитания. Хотя ведь ясно, что сам факт вступления в комсомол не «перековывает», не освобождает человека от религиозных предрассудков. Как показывают исследования, большинство бывших верующих переходят от веры к безверию в течение трех — пяти лет, а то и более.

В жизни каждого верующего подростка обязательно есть момент, когда он начинает «переоценку ценностей». Где истина? В том, что внушают родители, или в том, чему учат в школе? Эти вопросы волнуют, будоражат юную душу и ум. Какой будет ответ на них, часто зависит от того, кто окажется рядом с подростком в этот критический момент.

...До некоторых пор Петр Дубовец принимал порядок, заведенный в их доме, как должное. Молитва перед едой, молитва на ночь. Вставая из-за стола, надо было обязательно сказать: «Спасибо богу и вам».

Но вот однажды к ним в гости приехал дядя Леша, брат отца. Петр хорошо помнит, с каким недоумением посмотрел на него дядя Леша, когда он, пообедав, сказал привычную фразу. «Что это, Иван?» — спросил дядя Леша отца, но тот быстро и неумело перевел разговор на другое.

Пустьчный, казалось бы, эпизод заронил сомнения в мальчишескую душу. «Выходит, не все так живут, как мы?» — думал Петя.

С того дня он стал внимательнее присматриваться к семейной обстановке, в которой живут его школьные друзья. Интересно ведь, как они обходятся без молитв, без наставлений старших «братьев».

Все служило поводом для раздумий. Идут утром в школу с Санькой, тот спрашивает:

— Смотрил вчера кино по телеку?

— У нас же нет телевизора, — с досадой напомнил приятелю Петя.

— А-а, — протянул Санька и тут же с захлебом начал пересказывать содержание фильма.

«Как же так, — думал Петя, — Санька и его родители живут обычной, грешной жизнью, но жить-то им интереснее? Все-то их волнует, обо всем у них свое мнение». А его родители любую новость принимают с равнодушной покорностью: на все воля божья...

Был поздний вечер. Петя и его младший братишка Володя уже лежали в кровати. Слышат, собираются в доме, значит, сейчас опять начнут... Вот и одноглазый пришел. Его Петя побаивался. Во время молитвы тот иногда начинал бормотать что-

Отечество

БЛАГОДАРЯ
ПЕРУ ЛЕРМОНТОВА
СТАЛА ТАМАНЬ
ХРЕСТОМАТИНОЙ.

тамань

ЕЖЕГОДНО
ДЕСЯТКИ ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК
ПОСЕЩАЮТ
ЭТО ПАМЯТНОЕ МЕСТО.

И СЕГОДНЯ,
КАК СОТНИ ЛЕТ НАЗАД,
СВЯЗАНА ВСЯ ЖИЗНЬ
СТАНИЦЫ С МОРЕМ.

В ДОМЕ КАЗАКА
ФЕДОРА МЫСНИКА ВОССОЗДАНА
ОБСТАНОВКА
СЕНТЯБРЬСКИХ ДНЕЙ 1837 ГОДА.

Владимир ЧЕРКАСОВ.
Фото
Александра ЗАХАРЧЕНКО

Поручик Лермонтов прибыл сюда, в Тамань, поздно ночью. Светил полный месяц. Пред-рассветный туман над морем еще не загустел, и офицер рассмотрел «два корабля, которых черные снасти, подобно паутине, неподвижно рисовались на бледной черте небосклона». «Было холодно», он «три ночи не спал, измучился и начинал сердиться» от «долгого странствования по грязным переулкам, где по сторонам... одни только ветхие заборы»...

Сейчас в побелевшем от зноя небе солнце горело. Берег был высок и крут. Светлые хаты, рассыпавшиеся на его гребне, как рубки гигантского корабля, притаились над пучиной. Такой Тамань всегда любили капитаны. Над обрывом в древности они воздвигли храм в угоду языческому божееству — покровителю мореплавателей. Исстари стерлись следы храма, но у бывшего его подножия штормовое море иногда отдает кольца, серьги, мониста, пожертвованные матросскими женами, чтобы мужья живыми возвращались домой.

Станица — на семи ветрах. Они налегают на нее с песком, с мелким камнем. Самый беспощадный — восточный ветер, «бич божий». Но как славно надувал он паруса кораблей! Судов полусказочных киммерийцев, живших тут за тысячу лет до нашей эры; эллинов, основавших потом город Гермонасу. Византийцы поселились на его руинах и назвали цитадель Таматархой; хазары позже переименовали ее в Самкерц, генуэзцы — в Матригу. Турки нарекли свой оплот — Тамань: «топи», «плавни». «Тамань», — мягко произносили слово запорожцы, вставшие некогда по приказу Екатерины II на этом южном кордоне великой Российской державы. Таманская — зовется селение ныне.

Солнечные лучи неподвижны, а море волнуется, неровно по цвету. Неудивительно — на глазах сливаются здесь тихие воды мелкого Азова с волнами моря Черного.

Побеги ковыля уцепились за береговые склоны над моей головой. Я вижу узкую тропинку, где ловко спускался по отвесу берега в тумане к сверкающей воде мальчишка с узлом под мышкой. За ним в наброшенном бешмете, с кинжалом у пояса крался, замирая душой, невысокий поручик по любопытству, свойственному всем пишущим. Вижу скалу, к которой приник офицер. Сердце его сильно билось: лодка отчаянного контрабандиста Янко, «как утка, ныряла и потом, быстро взмахнув веслами, будто крыльями, выскакивала из пропасти среди брызгов пены...».

Я смотрю на берег Крыма, на далекую Керчь, растворяющуюся в дымке жаркого воздуха. Море чутко шумит, как в ту,

лермонтовскую, ночь сто сорок шесть лет назад. Как в тот день — сто шестьдесят три года тому, — когда его волны видели попутчики — генерал Н. Н. Раевский и А. С. Пушкин. Когда у морской глади шестьдесят пять лет назад шел «железный поток» Таманской армии. Море неумолчно плещет, как и 41 год назад — в мае 1942 года.

Тогда на том берегу под сенью полутысячи самолетов «люфтваффе» немцы прорвали нашу оборону и потеснили советские войска к Керченскому проливу. В таявших рядах стрелковой дивизии отходил солдат по фамилии Дубровский. Ему доверили переправить на Тамань знамя полка. На катере под осыпью осколков и водяной пылью Дубровский держал его на груди. Берег вместе с небольшой тонкой книжницей, напечатанной в 1941 году на серой, шершавой бумаге в блокадном Ленинграде под академическим заглавием: «Патриотизм Лермонтова»... А потом бойцы наступали через пролив, будто плечом к плечу с воином-позтом, написавшим когда-то в своем письме: «Изъездили Линию всю вдоль, от Кизляра до Тамани...»

Я поднимаюсь на высь берега к дому-музею М. Ю. Лермонтова — подворью черноморского казака Федора Мысника, где, предупреджали гостя, у хозяина «нечисто». Впечатлительный поручик не сумел сразу уснуть в этой крытой камышом хате — шестнадцать шагов в длину и семь в ширину, разделенной на две комнаты сенями. И морской ветер, врывающийся в разбитое окно, беспокоил постояльца.

Я вошел в только что отремонтированный дом. Пахло сыростью свежей побелки. Ничего из старинных вещей и утвари сюда еще не внесли. Но гулкая тишина подновленной хаты не ощущалась мертвой. С каким удовольствием, думал я, вдыхали этот запах и слушали пустоту мысниковы домочадцы после такого же вот ремонта... В освеженных стенах и жизнь вроде бы должна идти по-новому. Но не ладилась она тихо-струйно. Одним днем, риском живут контрабандисты.

Я вышел во двор к каменной изгороди, откуда любовался наутро задумавшийся офицер статью девушки, «странно» певшей, «защитив глаза ладонью от лучей солнца», на невысокой крыше хаты. Как сейчас, пронзительно кричали чайки над морем. Голос девичий летел:

*«Уж не тронь ты, злое море,
Мою лодочку...
Правит ею в темну ночь
Буйная головушка...»*

Вечером эта девушка с «чудно-нежным взором» обожжет губы поручика «влажным, огненным поцелуем», и в глазах у него потемнеет. А ночью он будет бороться с красавицей на борту лодки в море, спасая свою жизнь.

Так и не выспался здесь поручик, его будоражило приключение. Мои чувства грезят наяву. И мне грустно и радостно идти по шелестящему листвою парку за воротами музея, склонив голову, мимо бронзового памятника высокой и трепетной душе поэта.

Тянет-тянет к морю. Шагаю дальше по набережной улочке Подгорной навстречу ветру. Вон за плетнем вросшая в землю хатка едва ли не в человеческий рост: вот куда еще удобнее взбираться, чтобы распевать. А вот еще двор. Что это там? У крыльца просторной пятистенки с гаражом притулились гранитного камня поясные скульптуры Гермеса и Афродиты... Мгновения векового быта.

Рядом раскоп древнего городища. Жизнь идущая и жизнь минувшая. Археологи обнажили обрыв берега на полтора десятка метров вниз. На глаз видны слои эпох. Век — слой земли толщиной в метр. Трава уже захватила эту отвоеванную у вечности землю.

Ненужные археологам черепки амфор, посуды лежат в куче. Я беру в руки смоляной обломок хазарского сосуда: глина как глина... Но поднимаю глаза от земли. Море ослепительно блещет под

солнцем. Как века назад, парус рыбацкой лодки скользит над волнами. Неразрывна духовная связь людей и времен!

Полновесна незримая память под небом Отечества. Не озадачься названием «Тамань» современного русского человека. Благодаря перу поручика, которому было «дело до радостей и бедствий человеческих», стала станица хрестоматийной. Но поройтесь-ка в воспоминаниях. Наверняка и древнерусское прозвание станицы, тогда города, вы уже слышали. Возможно, запало оно в сердце еще в раннем детстве. Да и как ему не запасть, грозному, колдовскому: «Тмутаракань!» Быть может, в навеяно звучащей сказке оно пророкотало вдруг: Тму-та-ра-кань... — и душа содрогнулась: тьма... тараканы... — исчадие какое! Нередко и попросту к слову прибавят: недалек, мол, путь, не в Тмутаракань же... Знать не знаешь, где эта самая Тмутаракань, а невольню пред-ставляешь себе некие палестины, край за тридевять земель и уж, определенно, местность с чертовщинкой, где нечисто. Образы небезосновательны, в том убедился «странствующий офицер».

Тмутараканью окрестили этот край одиннадцать веков назад повоевавшие его дружинники новгородского князя Бравлина. Век спустя «Тмутараканский удел» славно отстаивал сын князя Владимира Святого Мстислав Удалой, победивший в единоборстве косожского князя Редедю. В честь подвига витязя заложили церковь святой Богородицы, основание которой, как и княжеских покоев, видимо, распорол недавно около улицы Подгорной.

Может седые моря этот край суши с дремлющими вулканами. Родная земля. Из стольного русского града Киева пришел по пыльной дороге в Тмутаракань на подвигищество бывший в зените славы летописец Никон, автор одного из источников «Повести временных лет». «Безмолвник», как называет его летопись, он стал ходоатем за нужды народные перед тмутараканскими князьями. Дивный монастырь построил.

Ветер вивает, но жарко, и хочется пить. Я иду к песчаной низине, раскинувшейся между хат. Безжизненная земля. И лишь на дне балки — рожица серебристого лоха. В тени ее колодец, или «фонтал», как зовут источник издавна. Вымостившие его сейчас плиты, возможно, не все вековые, но вода высшей пробы — родниковая.

На взгорье в зелени садов церковь, в покоях которой алтарь, иконостас старинного письма. Невысокое прямоугольное здание с колоннадой. Подле колокольни цветет розовый тамариск. Запорожцы храм ставили. В занесенной сейчас песком изгороди домовито прорезали бойницы. За ними без суеты встречали казаки сокрушительный десант англо-французской эскадры. Может быть, управлял стройкой спящий вечным сном около церковного бастиона под проржавевшей металлической плитой полковник Никита Кистень, а материалы добыл купец Яков Зубов, что лежит рядом? Современники Лермонтова...

Простые были люди запорожские казаки, позже называемые черноморскими, ныне — кубанскими, но не невежды. Строжайше было указано сносить археологические находки в церковь, как в музей. Они открыли здесь первую на Кубани школу. Качачата с бритыми головами старательно макали гусиные перья в обломки бутылей под присмотром учителя, прохаживавшегося между партами с плетью «тройчаткой». Батки учеников, пластуны, прошли особую школу. Умели в дозоре лаять лисицей, собакой, хрюкать кабаном, кричать и оленем, и козой, и петухом... Они стреляли на «хруст» и редко «обмишуливались».

Скоро сумерки. Я иду к околице у въезда в станицу, где остатки крепости Фанагория, возведенной по указанию Суворова. Крепость — тезка античного города, стоявшего за версту перед началом сегодняшней Таманской. Мало что от форпоста сохранилось: на ковыльном приволье прослеживаются лишь валы и

ров. Эта русская цитадель, защищенная десятками орудий, была контрольно-пропускным пунктом для проезжавших. Славны некоторые имена: Грибоедов, Айвазовский, Горький, Короленко, Успенский. Славны и доблестны: декабристы А. И. Одоевский, А. А. Бестужев-Марлинский, М. М. Нарышкин, С. И. Кривцов, Н. А. Загорецкий, В. Н. Лихарев.

Отсюда раздольно смотреть на бес-пределные массивы виноградников, расходящихся от дороги, на которой покачиваются вершущками пирамидальные тополя с аккуратно побеленными стволами. Ровно шоссе. И не подумаешь, что когда-то не было здесь ни деревьев, ни кветов, и названия балок говорили сами за себя: «Выривхост, Загубичобот...»

Лишь на таманских угодьях у нас вызревает клерет белый, овсянка местному, его родина — Франция. Но уже давно здешнее виноградарство превзошло знаменитую провинцию Шампань и по площадям лоз и по урожайности.

Да, какие бы стихийные и ратные ветры ни дули над Таманью, земля эта, помимо хлебных даров, была и остается прародительницей вина. Слово ликольям наперекор, грандиозные емкости завода виноматериалов раскинулись рядом с бывшей военной крепостью. Осенью цеха завода заблещают чистой корабля, уходящего в плавание. К его бункерам нескончаемо пойдут машины с томлящимся виноградом.

Поистине благословенна здешняя осень. «Осень в Тамани» — так и назвал свою повесть краснодарский писатель Виктор Лихоносов. Неспроста за местным молодым вином вел свой искрометный разговор ее герой, станичный старожил Юхим Коростыль, «летопи-сец», живущий «с историей в ногу». Вино было забористым, и воодушевленный казак то представлялся современником Никона, то Репина, то знакомил гостей со своей теткой, «внучкой той барышне, что, кажуть, Лермонтова топила»... Он шутил, но в веселых словах его драгоценно сверкала величественная Тамань.

Совсем размыты очертания дальнего берега Крыма. Сумерки ступились. Таинственна лермонтовская ночь. «Месяц еще не вставал, и только две звездочки, как два спасительных маяка, сверкали на темно-синем своде». Они заветно зажглись сейчас над двугорбой вершиной Лысой горы.

В чрево такого кургана однажды проникли дети таманского казака пограничной стражи. Брат с сестрой очутились в подземной комнате, «среди которой стоял большой белый сундук, а по сторонам его белые болваны и маленькие куклы»... В каменном склепе другой горы в иные времена люди натолкнулись на деревянный саркофаг. На нем резные грифоны, ярко раскрашенные, терзали коней, ланей, оленей. Арабески, бордюры, акротерии, розетки узорчато вились по бокам. Останки некогда прекрасной женщины покоились под крышкой. Туалетные принадлежности были в ее ногах: ваза, кубки, ведерца, ящички из тончайшего дерева. На ларце в пестрой рамке танцевали фигурки девушек. Покрытое густой пылью позолоченное зеркало изображало Эроса с распушенными крыльями...

Нет у меня в Тамани ни знакомого казака, ни казачки. Я иду проситься на ночлег в ту низенькую хатку, неподалеку от которой каменные Гермес и Афродита, как века назад, бесстрастно глядят на море. Я верю, что хозяйка меня пригрет. И за ужином хозяин, возможно, «заспавает» песню войскового судьи Антона Головатого, высадившегося на отмель когда-то близ его хаты вместе с первыми сынами Запорожской сечи. Ведь не могли же забыть в Тамани лихие песенные слова Головатого, выбитые на граните в центре села на памятнике казаку со знаменем. Как-то они прозвучат вслух?

...В Тамани жить, верно служить,
Границу держати...

Сергей ВАЙЦЕХОВСКИЙ,
заслуженный тренер СССР,
кандидат педагогических наук

Ежегодно наши пловцы завоевывают награды в различных турнирах самого высокого ранга, устанавливают всесоюзные, европейские, мировые рекорды. Совершенствуется техника плавания, растут скорости, спортсмены показывают прямо-таки фантастические результаты, вызывая восторг любителей спорта. И в то же самое время, в тех же городах, где выросли прославленные мастера, жи-

**Спорт
в нашей
жизни**

вут сотни и тысячи людей, которые вообще не умеют плавать...

Порой выглядит анекдотичным, когда на вступительных экзаменах в институте физкультуры выясняется, что абитуриент-перворазрядник, а то и мастер по какому-либо виду спорта не в состоянии преодолеть в бассейне 50 метров. А когда неумение плавать оборачивается трагедией? Каждое лето происходят тысячи несчастных случаев на воде, и чаще всего гибнут дети, причем самые смелые, энергичные, активные, истинные спортсмены по духу, которые тихим играм на берегу предпочитают рискованные соревнования в нырянии и заплывах на глубокое место.

Разумеется, в обязанности тренеров сборной страны не входят занятия с новичками. Но мы не можем стоять в стороне, потому что каждый из нас ощущает, что любые трагические случаи и на нашей совести тоже.

В 1980 году под Москвой, на озере Круглом, вступила в строй спортивная база сборной команды СССР. Мы сразу же наладили там обучение плаванию детей из окрестных сел. Кроме основной ванны, на этой базе есть еще два неглубоких, предназначенных для восстановительных тренировок бассейна. Там-то мы и проводили занятия с новичками три раза в неделю по сорок пять минут. В роли инструкторов по очереди выступали наши тренеры и ведущие спортсмены. Думаю, что регулярные занятия здешней детворы в нашем бассейне — одна из причин того, что за последние два года на Круглом не было ни одного несчастного случая. Когда мы бываем в других местах, например, на горной базе в Цахкадзоре (Армения), то стараемся и там обучать детей.

За два года спортсмены и тренеры сборной научили плавать более 150 детей. Это неплохо, однако, разумеется, слишком мало в масштабе страны. Для того, чтобы действительно решить проблему, следует, как мне кажется, провести ряд серьезных мероприятий, которые должны стать основой комплексной долговременной программы.

Думаю, что ежегодно в мае — июне, когда начинается массовый купальный сезон, Центральному телевидению неплохо бы проводить цикл передач для родителей. В них, я уверен, с удовольствием приняли бы участие многие наши знаменитые мастера, такие, как, например, олимпийские чемпионы Галина Прозуменишкова и Лина Качюшите. Эти передачи должны вестись прямо из бассейна, где детей учат плавать, чтобы каждое объяснение специалиста сопровождалось показом.

Если ваши дети умеют плавать — значит, вы можете спокойно

отдыхать всей семьей на берегу реки или у моря: значит, ваши дети вырастут бодрыми и здоровыми: значит, они в полной мере испытают те радостные эмоции, которые дарит уверенному в себе пловцу водный простор...

В довоенные и первые послевоенные годы на всех наших крупных реках было множество водных станций, помню, только на Москве-реке больше тридцати: простейшие сооружения — понтоны с уложенными на них деревянными цитами, вышка для прыжков и примитивные стартовые тумбочки. И на каждой такой станции работали инструкторы плавания — осводовские и общественники. Думаю, что и сегодня, обратившись к опыту тех лет, мы можем извлечь немало полезного. Следует, видимо,

ВОДА, КОТОРАЯ НЕ С

заботиться о том, чтобы на берегах водоемов, где в субботные и воскресные дни собираются «купальщики» дежурил бы и инструктор плавания — либо работник ОСВОДа, либо студент института физкультуры. И разумеется, необходимо вывесить на видных местах плакаты с разъяснением, с чего нужно начинать обучение.

На каждом пляже можно точно так же, как мороженое, продавать полиуретановые поплавки, которые незаменимы в процессе обучения. Первые образцы таких поплавков я видел, наверно, лет двадцать назад. Они дешевы и просты в изготовлении. Однако в продаже их нет до сих пор.

В молодости, еще в институте физкультуры, я во время отдыха на море всегда собирал вокруг себя компанию шести-семилетних ребятшек и давал им уроки плавания. За семь-восемь занятий вполне можно научить ребенка проплывать метров пятнадцать — двадцать. **Уверен, что нынешние студенты-инфизкультуровцы, все без исключения, а не только пловцы, во время летней практики обязательно должны обучать детей плавать. За это время каждый из них сумел бы помочь не менее чем 50—60 малышам.**

Необходимо организовать и специальные пяти-шестидневные курсы для инструкторов-общественников — эти занятия могли бы вести студенты институтов физической культуры.

В летние месяцы в каждом пионерском лагере, где есть вода, должна действовать начальная школа плавания. Но как это сделать, если пионерские лагеря часто располагаются вдали от воды? К сожалению, администрации лагеря выгодно, чтобы поблизости не было ни реки, ни озера: отпадают лишние хлопоты, не нужно искать инструкторов по плаванию, не надо заботиться об обеспечении безопасности на воде, словом, можно жить тихо, спокойно и ни о чем не беспокоиться. Вот здесь-то и должен сказать свое слово комсомол. Пора, думается, сделать правилом, чтобы при малейшей возможности пионерские лагеря размещались рядом с водоемами. Вдали от воды — использовать сборно-разборные бассейны. Увы, наша промышленность выпускает их слишком мало — всего несколько десятков в год.

Сейчас во многих городах и поселках страны строятся детские сады с

бассейнами. Это прекрасис, дети будут расти выносливыми, сильными, стойкими к заболеваниям. Но чтобы эти детские сады эффективно использовались, чтобы занятия на воде приносили детям наибольшую пользу, их обязан проводить специально подготовленный инструктор физкультуры. Следовательно, организации, в чьем ведении находятся детские сады, должны позаботиться о том, чтобы помочь детсадовским инструкторам физкультуры овладеть методикой обучения плаванию дошколят. Уверен, что и здесь большую помощь мог бы оказать комсомол в содружестве с местными спортивными ведомствами.

Меня часто спрашивают: с каких лет учить детей плавать? Когда лучше начинать занятия в спортивной секции? По моему мнению, как только ребенку исполнится два-три года, ему уже можно давать первые уроки плавания. Кстати, своих детей я начал приучать к воде именно в этом возрасте. А вот заниматься плаванием в спортивной секции следует начинать не раньше восьми-девяти лет.

И как много могли бы сделать для

массового обучения детей плаванию наши детско-юношеские спортивные школы, которых в стране насчитывается свыше 550. Однако ДЮСШ этим не занимаются. У них другая задача — готовить перспективных спортсмен-разрядников. Поэтому, когда в начале учебного года в ДЮСШ приходит множество детей, жаждущих стать пловцами, тренер проводит одно-два просмотрных занятия и изрекает свой приговор: ты, мол, годишься, а ты нет, ступай домой...

И вот признанный неспособным ребенок долго еще приходит в бассейн, сидит на трибуне и со слезами на глазах смотрит, как плавают его сверстники.

Неужели тренеры правы? Может быть, кто-то из них и в самом деле способен в течение 45 минут определить, талантлив ребенок или нет? Мой тридцатилетний тренерский опыт говорит: это невозможно. Во всем мире не существует такого специалиста, который сразу бы смог сказать, что Вася станет великим спортсменом, а Петя — нет. Однако тренеры, особенно молодые, нередко с оскорбительной безапелляционностью решают судьбу мальчика или девочки, ничуть не сомневаясь в собственной правоте.

Мне хочется напомнить этим «специалистам» слова известного нашего педагога В. А. Сухомлиного: «Совершенно недопустимым, просто мерзким явлением есть то, что во многих случаях подросток и даже ребенок чувствует: на него махнули рукой и считают его неспособным. В стенах школы — святого места, где должна царить гуманность и чуткость, такое отношение к человеку надо считать просто чудовищным. В школе человек должен гордиться и радоваться, а не страдать, чувствовать унижения, а потом, бывает, жить с одеревеневшим сердцем».

Я твердо уверен, что ни один спортивный педагог не имеет морального права вот так, после первого (и единственного!) урока отказать ребенку. Он обязан прозаниматься с ним хотя

НАУЧИТЬ ПЛАВАТЬ ВСЕХ И КАЖДОГО

ТРАШКИТ

бы два месяца. За это время малыш научится плавать, а тренер сумеет с достаточной точностью оценить способности новичка.

Задача ДЮСШ не должна сводиться к тому, чтобы готовить только спортсменов экстра-класса. Работники спортшкол должны стремиться к другому — воспитать маленького человека спортсменом, привить ему бескорыстную любовь к плаванию, привести к пониманию того, что все в жизни достигается ценой огромного труда... Я считаю, что ДЮСШ прежде всего должны заниматься массовым обучением детей плаванию и лишь затем из числа ребят, прошедших начальный курс, отбирать наиболее способных. Сейчас же в работе ДЮСШ, на мой взгляд, смещены акценты. Проверили мы как-то в Ташкенте одну из таких школ. И выяснилось, что там семь групп спортивного совершенствования и лишь одна — учебная. По моему мнению, должно быть 20—25 учебных и только одна — высшего спортивного мастерства.

Обычная картина: у тренера, работающего в ДЮСШ, есть небольшая группа — скажем, два перворазрядника, один кандидат в мастера и один мастер спорта. С точки зрения большого спорта, многие спортсмены, составляющие эти группы, бесперспективны. Но тренера, который получает зарплату именно за своих «звезд», это мало волнует. И вот четыре его воспитанника ежедневно в течение четырех часов занимают дорожку в бассейне. А за это время здесь можно было бы дать уроки плавания по крайней мере двум десяткам мальчиков и девочек. К чему я клоню? Я убежден, что спортсмены-разрядники не должны «содержаться» в ДЮСШ до семнадцати лет, как это делается сейчас. Ведь примерно к четырнадцати годам, после того, как юный спортсмен прозанимался плаванием пять-шесть лет, специалисты могут — с известным процентом ошибки, разумеется, — оценить, получится из него мастер высокого класса или нет. Если этот юный пловец подает боль-

шие надежды — он должен идти либо в специализированную ДЮСШ, либо в плавательный центр, где созданы все условия, чтобы вырастить пловца экстра-класса. Если же он «средняк», то должен заниматься на общих основаниях — три раза в неделю по сорок пять минут. Нельзя жертвовать всей работой с детьми ради одного среднего мастера.

Почему же тренер ДЮСШ, несмотря на все эти очевидные соображения, тем не менее рьяно держится за своих «среднячков»? Да потому, что, занимаясь с ними, легко выполнить норму — 150 учебных часов. С этими спортсменами не нужно работать. Написал им тренер задание на листочке, прилепнул его к тумбочке и снова сел на стул, чтобы расказать очередной анекдот коллеге, который точно таким же образом «тренирует» своих воспитанников. А чтобы выработать те же 150 учебных часов, занимаясь с новичками, нужно тренировать группу человек в шестьдесят, причем необходимо внимательно следить за каждым, ставить ему технику, корректировать ошибки, то есть трудиться гораздо больше. Если же мы введем возрастное ограничение на пребывание разрядников в ДЮСШ, это заставит тренеров чаще набирать новичков, активнее искать среди них одаренных, работать со значительно большей самоотдачей. И в итоге преподаватели детских спортивных школ выполнят крайне важную задачу — научат плавать всех, кто пришел к ним.

Мне могут возразить, что эта цель недостижима, что ДЮСШ не могут обучить всех, поскольку не хватит ни воды, ни времени. Об одном резерве «времени и пространства» я сказал. А второй и искать не нужно. Он, как говорится, лежит на поверхности. Большинство наших бассейнов — если не все! — пустуют с 12 до 2 часов дня. Давным-давно было принято решение, чтобы ученики средних школ проводили здесь именно в эти часы свои физкультурные занятия. Но в бассейнах по-прежнему тишина. Потому что

для руководителей средних школ занятия плаванием их учеников — это дополнительные заботы. Нужно обеспечить транспорт, который доставил бы детей в бассейн и привез их обратно в школу, нужно проследить, чтобы все ребята прошли медицинский осмотр и обзавелись плавательными принадлежностями, нужно отвечать за них. Куда проще дать им мяч, и пусть они в школьном спортзале играют в баскетбол.

И эти «лишние» заботы заслоняют от нас ребенка, его судьбу. Мы забываем, что, не умея плавать, он легко может попасть в число тех сотен и тысяч людей, которые становятся жертвами несчастных случаев на воде.

Очень многое здесь может сделать комсомол, в первую очередь в организации массовых соревнований, которые популяризовали бы плавание. Опыт такой работы у комсомола есть — достаточно вспомнить многочисленные проплывы по рекам, которые по инициативе комсомола проводились в послевоенные годы.

В 1982 году учрежден всесоюзный «День пловца». Но этого мало. Вот если бы в течение всего года по стране проходили различные соревнования, которым предшествовали бы регулярные тренировки.

Мне, например, видятся турниры, организованные по такой модели: скажем, соревнуются команды каких-либо двух городов, например, Москвы и Ленинграда. Продолжаются состязания шесть месяцев. В течение этого времени желающие принять участие в состязаниях могут прийти в какой-либо из городских бассейнов и проплыть 200 метров. У каждого должна быть специальная карточка. Одна ее половинка отрывается и сдается в судейскую коллегию, другая — остается у участника. Потом по этим карточкам подсчитывается, сколько человек в том и другом городе приняли участие в турнире.

Через полгода жюри подсчитывает число людей, проплывших двухсотметровку в Москве и в Ленинграде, и сопоставляет с общим населением городов. А затем — результат: в одном городе 200 метров проплыло, скажем, 20 процентов населения, а в другом — лишь 18,5.

Уверен, что возможность выступить за честь своего города стала бы отличным стимулом для многих людей, которые по различным причинам не могут или не хотят стартовать в чисто спортивных соревнованиях. У меня нет сомнения, что вместе с родителями в бассейн обязательно пришли бы и их дети, а это значит, что в течение полугодия число ребятшек, умеющих плавать, резко бы возросло.

Спорткомитет СССР проводит массовые детские соревнования «Веселый дельфин». Бесспорно, эти турниры, в которых выступают около 100 тысяч воспитанников ДЮСШ, способствуют привлечению в плавание молодежи. Однако хотелось бы, чтобы в столь же массовых состязаниях принимали участие и новички — дети, которые только начали отсчет своих даже не километров — первых сотен метров, преодоленных брассом, кролем и «пособачьи»...

За выдающиеся победы спортсменов награждают золотыми, серебряными, бронзовыми медалями. Мне кажется, что и тот, кто научил плавать десятки людей, достоин награды. И, может быть, стоит подумать о том, чтобы комсомол учредил специальные значки для тех, кто преподаёт основы плавания, обучает, «ставит на ноги» юных пловцов. А тем, кто научил тысячу, надо, наверное, вручать значок более весомого достоинства, ибо тысяча обученных плавать людей — это наверняка десяток спасенных жизней.

Записал Андрей БАТАШЕВ.

Второй год на страницах нашего журнала дается «Юридическая консультация». Квалифицированные юристы отвечают на самые разнообразные вопросы читателей, а жизненных ситуаций, в которых нужен совет юриста, как свидетельствуют письма, масса.

На многие вопросы мы уже дали ответ на страницах «Смен». Но перечень их можно продолжить. Это, скажем, вопросы, то и дело возникающие в семейно-брачных отношениях, или распределения жилья. А многие ли знают, где заверить ту или иную справку, как правильно оформить те или иные документы? Словом, пишите и спрашивайте обо всем. Наша «Юридическая консультация» готова ответить на любой ваш вопрос или на страницах журнала, или отдельным письмом.

Ждем писем, дорогие читатели!

В нашей редакционной почте часто встречаются письма, в которых читатели просят разъяснить вопросы, связанные со служебными командировками. Отвечаем на часть из них.

Я работаю и одновременно учусь на вечернем отделении института. Администрация часто направляет меня в командировки, что, естественно, мешает нормальной учебе. Имею ли я право отказаться от такой командировки?

И. ШМУЛЕВИЧ, Ижевск

Поскольку рабочим и служащим, обучающимся без отрыва от производства, администрация должна создавать необходимые условия для совмещения работы с обучением (ст. 187 КЗоТ РСФСР), посещение вечерних занятий является уважительной причиной для освобождения вас от частых командировок.

Не может администрация направлять в командировки беременных женщин, молодых матерей, имеющих детей в возрасте до одного года (а те, у кого дети не достигли 8 лет, могут посылаться в командировку только с их согласия).

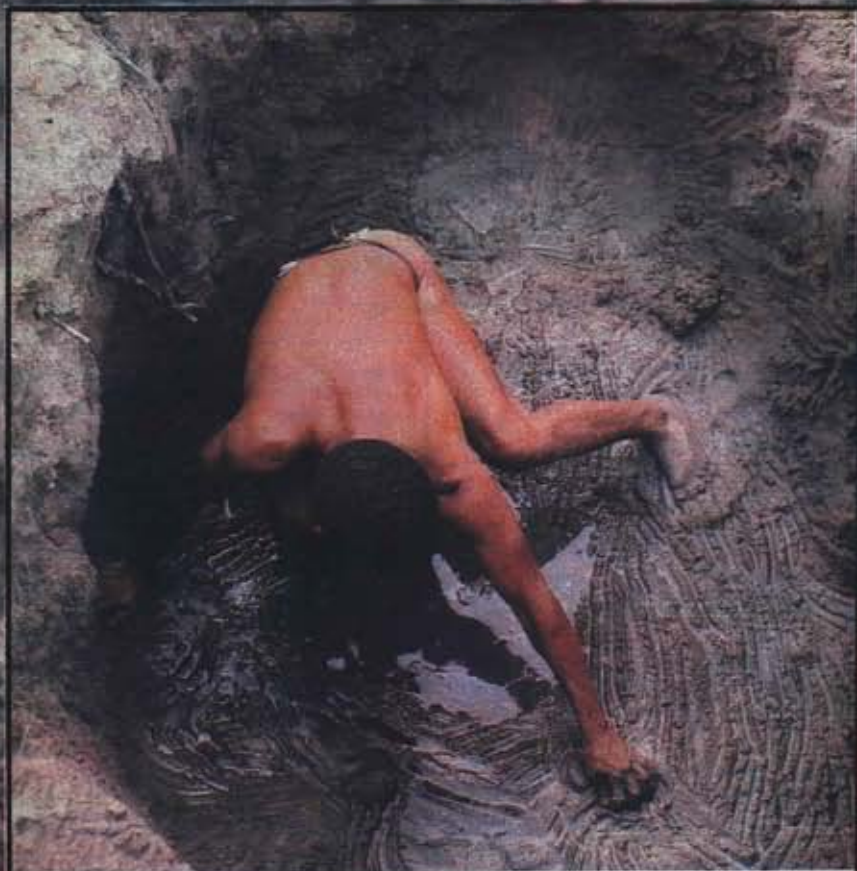
Так получилось, что по указанию администрации я выехал в командировку в субботу, а вернулся спустя неделю в воскресенье. Должны ли мне предоставить отгул за то, что я потерял в дороге два выходных дня?

Ю. ГОРБАТЕНКО, Запорожье

При выезде в командировку по распоряжению администрации в выходной день работнику по возвращении должен быть предоставлен в установленном порядке другой день отдыха, так же, как и в тех случаях, когда в течение командировки в выходные дни он переезжает из одного населенного пункта в другой. Однако это правило не применяется, если командированный возвращается домой в свой выходной день.

Время работы и отдыха в месте командировки определяется режимом того предприятия, куда направлен данный работник. За дни отдыха, не использованные во время командировки, другие дни отдыха не предоставляются.

ИЗО ДНЯ В ДЕНЬ — ЖЕСТОКАЯ БОРЬБА ЗА СУЩЕСТВОВАНИЕ. В СУХОЕ ВРЕМЯ ГОДА ДРАГОЦЕННА КАЖДАЯ КАПЛЯ ВОДЫ.

НИКТО П НЕ ЗАПЛА

ОХОТА В БУШЕ...
«ЛИШЬ В ГОРАХ ПОДИ-
ЛО БУШМЕНЫ ВЕДУТ
ПРИВЫЧНЫЙ ДЛЯ НИХ
ОБРАЗ ЖИЗНИ», — ПИ-
ШЕТ «ГЕО».

**РАСИСТЫ ЮАР ПЫ-
ТАЮТСЯ ИСПОЛЬЗО-
ВАТЬ ПЛЕМЕНА, СТО-
ЯЩИЕ НА СТАДИИ
ПЕРВОБЫТНОГО РАЗ-
ВИТИЯ, ПРОТИВ БОЙ-
ЦОВ НАЦИОНАЛЬНО-
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО
ДВИЖЕНИЯ. МАЙОР
ЮЖНОАФРИКАНСКОЙ
АРМИИ И ЕГО СЫН НА-
БЛЮДАЮТ, КАК БУШ-
МЕНА ОБУЧАЮТ ОБРА-
ЩЕНИЮ С МИНАМИ.**

О горькой и страшной судьбе африканских племен, оставшихся в результате политики колонизаторов в стороне от нормального экономического и социального развития, обреченных на дикость и вырождение, рассказывается в этом очерке, опубликованном в западногерманском журнале. Свидетельства очевидцев, авторов очерка, настолько красноречивы, что вряд ли нуждаются в дополнительных комментариях. Обратим внимание лишь на такую деталь: попытки разжечь межплеменную рознь, используя племена, находящиеся на первобытной стадии развития, направленные против национально-освободительного движения, охватившего юг Африки, — это дьявольская модификация в современных условиях традиционной политики колонизаторов, выраженной в зловещей формуле «Разделяй и властвуй». «Пусть черные убивают черных по команде белых» — так выглядит сегодня практика расистского режима ЮАР.

Итак, свидетельствует журнал «ГЕО»...

Свидетельствует пресса:
«ГЕО», ФРГ

Вилли ЛЮТЦЕНКИРХЕН.
Фото Энтони БАННИСТЕРА

ВЦау, на северо-западе Ботсваны, время близится к вечеру. Солнце низко стоит над бескрайней серо-желтой полупустыней. Где-то потрескивает костер. Редкие облака тянутся вдоль горизонта. Солнце медленно погружается в дымовую завесу, окрашиваясь при этом в грязно-желтый шар. Дневная жара мгновенно сменяется наползающей из засушливой саванны Калахари прохладой. Небо, совсем недавно яркосинее, становится мрачно-серым. В деревне вспыхивают огоньки, все и вся скрывается в хижинки. Цау кажется заброшенным, опустевшим.

Теперь наконец бушмены могут подойти к колодцу. Каждый вечер они стягиваются сюда, чтобы обеспечить себе необходимую порцию воды на следующий день. Им приходится долго ждать. Только когда банту, хозяева здешних мест, наберут воды, напоят ослов и рогатый скот, дозволяется подойти к воде и бушменам.

Несколько банту с откровенной неприязнью наблюдают за бушменами, наполняющими канистры и ведра солоноватой болотной водой. Вода отравительная, но людям она жизненно необходима.

Когда мы угощаем бушменов сигаретами, банту бросают на нас враждебные взгляды. Робко, со смущенными улыбками бушмены закуривают сигареты, торопливо, жадно затягиваясь. В воздухе явственно ощущается напряжение. Банту подступают к нам. Один из них — молодой паренек — вырывает у бушмена горящую сигарету. Бушмены беспомощно отступают, потупившись.

Какой упадок! Еще четыреста лет назад эти же самые бушмены были единственными хозяевами всей Южной Африки. Но колонизаторы вытеснили их.

Лагерь бушменов расположен в сухой саванне, далеко за пределами деревни. Мы сопровождаем их туда, с трудом тащась по мучнистому песку. С нами идет черный переводчик, нанятый в миссии в Сеитве. Стоянка бушменов прямо в низком кустарнике. Здесь нет ни хижин, ни даже временных шалашей. Мужчины и женщины просто сидят на корточках на песке. Тут же, на кустах, висит жалкая утварь: горшки, пустые консервные банки, одежда, одеяла. Несколько коз, куры и собаки бродят по песку. У костра возится женщина в лохмотьях. В тени сидит старик. Негнуци-мися пальцами он залахивает рваную куртку.

Мы раздаем кое-какие подарки. Понемногу, со скрипом, завязывается разговор. Племя, узнаем мы, давно отказалось от кочевой жизни. В этих местах почти не найдешь больше диких животных, жалуется один старик. Он показывает давно не бывшие в употреблении лук и стрелы. Слишком многие охотились здесь с огнестрельным оружием. А у него лишь маленькие отравленные стрелы. С грустью он снова прячет их. В открытой саванне остается все меньше колодцев. Повсюду пасутся стада, так что бушменам не найти больше ни мелких зверушек, ни плодов.

— В саванне нас ожидают голод и жажда. Здесь есть вода, вот мы и живем здесь.

Конечно, бушмены работают, иначе им не дадут ни воды, ни пищи. В Цау они исполняют обязанности пастухов, подручных, носильщиков, батраков, слуг. Бушмены уже смирились со своим положением и не ропщут.

Такова участь всего коренного населения Южной Африки.

До того, как здесь появились белые пришельцы, бушмены вели кочевой образ жизни, занимались

ЯИЧНИЦА ИЗ ЯЙЦА СТРАУСА, ИСПЕЧЕННАЯ В РАСКАЛЕННОМ ПЕСКЕ.— ОБЕД БУШМЕНА.

О НИМ
ЯЧЕТ...

охотой и сбором плодов. От мыса Доброй Надежды до озер Малави и Танганьики вся территория принадлежала им. Ныне их жизненное пространство ограничено пустыней Калахари и несколькими прилегающими районами. По официальной статистике, в Ботсване остается около 20 тысяч бушменов. В Намибии их насчитывается еще 26 тысяч.

Беспощадное истребление древнейшего коренного населения Южной и Восточной Африки началось давно. Сразу после своей высадки на мысе Доброй Надежды в 1652 году голландцы приняли решение уничтожить бушменов. Враждебность колонизаторов усиливалась еще и потому, что бушмены не признавали частной собственности на животных. Они привыкли считать всякое зверье объектом охоты. Окупанты же не намеревались терпеть «посторонних» на захваченной территории. Какими методами колонизаторы устанавливали здесь «порядок», можно себе представить по некоторым данным. Так, Лоренс ван дер Пост описывает, что в Южной Африке повсюду наталкивался на человеческие кости. Нередко измученные, затравленные бушмены становились добычей даже диких собак.

Материалы Ост-Индской компании свидетельствуют о том, что с 1786 по 1795 год в провинции Кап были убиты 2480 бушменов и 654 захвачены в плен. Командант здешних мест Нель в 1800 году в единственной экспедиции истребил 200 бушменов. Их дети были порабощены и отправлены для работы на фермы. Для некоторых фермеров убийство бушменов превратилось в своеобразную забаву: охота на зверей чередовалась с охотой на людей...

Несчастные были обращены в рабство. Их можно было продать, убить, можно было всячески издеваться над ними. Во всем этом никто не видел ничего особенного. Британский миссионер Джон Маккензи застал бушменов в XIX веке уже только в качестве «вассалов, рабов и слуг». За любую провинность бушменам могли запросто перерезать горло.

Для английских, как и прочих колонизаторов, бушмены были «низшей расой». В Лондоне в 1847 году была выставлена на обозрение публичной семье бушменов, причем зрителям объясняли, что это — «утраченное промежуточное звено между животными и человеком».

Когда в мире белых пробудилась наконец совесть и Лига наций в 1923 году заинтересовалась судьбой бушменов, было уже слишком поздно. В Бечуаналенде — нынешней Ботсване — сохранились лишь остатки коренного населения Южной Африки.

На северо-западной окраине Калахари расположен округ Ганзи с одноименным центром. Здесь на территории, равной почти половине ФРГ, живут 10 тысяч бушменов. Добраться сюда можно лишь с помощью вездехода.

Вокруг Ганзи расположены 150 ферм с огромными стадами крупного рогатого скота, так как в глубине песков здесь есть хорошая вода. Первый белый человек обосновался здесь в 1874 году. Это был бур Гендрик ван Цил. Прислуживала ему сотня бушменов. Сейчас Ганзи — пыльное захолустье: пара лавок, три автозаправочные станции, пивная, полицейский участок, бараки управления округом, склад, мастерская, гостиница. В остальном со времен ван Цила здесь мало что изменилось.

На фермах занята всего десятая часть взрослого населения. Остальные 90 процентов — безработные, и бедствуют они отчаянно. Смертность здесь просто чудовищная. Люди умирают от туберкулеза, от гриппа, от пневмонии, от тифа. Детская смертность составляет от 50 до 80 процентов.

В трех часах езды к югу от Ганзи расположено Такатцване. Здесь тоже живут бушмены, работающие пастухами у племени цвана. А кроме того, они продают украшения и безделушки собственного производства, прирабатывая таким путем немного денег.

Эти бушмены живут значительно лучше, чем их сородичи в Ганзи. Здесь имеется растительность, есть плоды, есть звери, на которых можно охотиться. Однако и здесь существует та же проблема заболеваемости и смертности. Старики почти все слепнут. Один старый охотник жалует:

— Зверья становится все меньше. У нас для охоты только наши маленькие стрелы. Огнестрельное оружие мы иметь не вправе. У меня большие глаза. Скоро я совсем не смогу охотиться. Почему нам никто не помогает?

Представитель ООН констатирует:

— Достигнуть чего-либо в пользу бушменов труднее, чем добиться средств на создание нового зоопарка.

Я решаю отправиться в путешествие на северо-запад. На преодоление трехсот километров у нас уходит три дня. Наша машина увязает в песке, прыгает по кочкам, рывинам, камням. Достигнув северной оконечности болота Окаванго, мы поворачиваем на запад. Теперь нам приходится продираться сквозь кустарник. Шипы на высоких ветках царапают кузов машины не хуже колючей проволоки.

Наконец на горизонте появляются горы Цодило, как

черные колоссы, вздымающиеся над саванной. У подножия гор мы натываемся на несколько хижин — маленькую деревушку племени гереро, бежавших сюда от немецких колониальных войск после восстания в 1904 году.

Мы находим здесь вождя и переводчика, старого гереро, в белых резиновых сапогах. Затем мы отправляемся к бушменам.

...Нерешительно приближаются к нашей машине бушмены — низкорослые, не больше полутора метров высотой, почти голые. Женщины носят украшения из панциря черепахи, скорлупы орехов и страусовых яиц.

Возвращаются охотники со здоровенными частями туши жирафа. Животный мир в этом районе богат и разнообразен, так как воды здесь вдоволь. Помимо жирафов, здесь водятся антилопы, горные козлы, зебры, страусы. Есть, правда, также львы, леопарды и гепарды. Слышится дикий рев павианов.

Как в доисторические времена, охота и сейчас ведется с помощью копий и отравленных стрел. Яд добывают из растолченных личинок жуков. Охота требует подчас много времени. Иногда мужчины возвращаются с добычей уже через четыре — шесть часов, но нередко отсутствуют и по двое суток. Бушмены преследуют зверя порой по 30 и даже по 50 километров. Большую часть мясной пищи составляет, однако, не такая добыча, а тушки мелких зверьков: полевых крыс, черепах, чешуйчатых животных. Идут в пищу и насекомые, которых, как и растения — корни, орехи, дыни, — собирают дети и женщины. Познания бушменов в ботанике паразитичны. Они свободно различают свыше 180 растительных видов, из которых около 60 съедобны.

Клан является одной большой семьей, состоящей примерно из 25 душ. Внутри клана все общее: растения, дрова. Личная собственность ограничена оружием, одеждой, домашней утварью и украшениями. Никакой субординации не существует, нет в клане и старшего по рангу. Однако старых и опытных охотников встречают с уважением.

Образ жизни охотников и собирателей требует необычайной остроты органов чувств. Невооруженным глазом многие бушмены различают на небе четыре больших спутника Юпитера. Звук маленького самолета они слышат с расстояния от 70 до 100 километров.

Мужчины здесь редко доживают до 40—45 лет. Очень рано увядают женщины.

...Поздний вечер. Мерцают огоньки мелких костров. В кустарнике воют гиены и шакалы. Я сижу перед палаткой и пью чай. Ужин мой состоит из кексов и мясных консервов. Когда я собираюсь уже забраться в спальный мешок, в лагере возникает какое-то оживление. Подходит переводчик:

— Они хотят сегодня потанцевать.

Женщины сидят вокруг костра. Они поют, хлопают в ладоши, издают пронзительные крики. Мужчины образуют круг за спинами женщин и танцуют. Движения их скованны, резки, негибки, почти как у марионеток. Пение — тягучее, монотонное, перебивается визгливыми вскриками.

В неверных отсветах костра кружатся обнаженные тела, выпрямляются, застывают и переходят на новый ритм. Крики, возгласы, всхлипывания. Так продолжается часами. Некоторые танцоры судорожно дрожат, воздевают кверху руки, падают в транс.

Мужчины катаются по песку, затем словно окаменевают, обливаясь потом. Переводчик поясняет мне, что это был «танец жирафов», который должен принести удачу в охоте. У бушменов существует множество разнообразных танцев: против болезней, споров, измен. Белые фермеры в периоды засухи требуют от бушменов вызвать танцами дождь, и это якобы действительно удается. Им бы еще придумать танец против захватчиков, думаю я с горечью...

Затем я попадаю на 150 километров севернее гор Цодило, на территорию Намибии. Мне необходимо оказаться здесь, в лагере Омега, если я хочу увидеть, что сотворили с бушменами.

В лагерь Омега на нашей машине не попасть, сюда можно добраться лишь самолетом и только по приглашению южноафриканской армии, запутавшейся здесь в «малой», но кровавой войне против борцов за независимость. В лагере Омега южноафриканская армия образует из бушменов отряды против партизан.

Со всей округи шли и идут сюда бушмены. Влекут их не только материальные блага, но и возможность заполучить огнестрельное оружие, иметь которое им нигде больше не разрешается. Я* вижу, с каким восторгом вертят они в руках американские мины, гранаты и прочее.

— На свете нет лучших следопытов, — хвастает майор дю Пизани, начальник лагеря, — и никто не способен так упорно преследовать партизан.

О том, чем все это кончится для бушменов, когда Намибия добьется независимости, никто из белых, похоже, не задумывается. Португальцы уже использовали в свое время бушменов для борьбы с черными в Анголе. И никто не подсчитывал, сколько бушменов расплатилось за это жизнью.

Никто по ним не заплакал.

Людмила ИШУТИНОВА

*Я корнями в друзей прорастаю,
Словно дерево в землю.
И так больно бывает,
Когда я от них ухожу
Или их провожаю.
Как дикарка-калина,
Попривыкшая к роскоши сада,
К новым лицам,
глазам и сердцам
Нелегко привыкаю.*

*Средь дождя мой дом,
Как остров.
Остро
Пахнет сосняком.
На кленовых листьях звезды
Золотым горят огнем.
Средь дождя мой дом,
Как остров,
В печке щелкают дрова.
И как с веток —
Листья-звезды,
Так и с губ твоих слова.*

Кувшин

*Веселое искусство гончара
Непосвященным кажется — игра:
Вращенье круга и покорность глины.
Играючи — рождение кувшина,
Играючи —*

*рожденье вазы хрупкой...
Гончар смеется, приглашая к кругу.
Сажусь. И у меня в воображеньи
Уже кувшина легкое рожденье.
Я приготовлю*

*всем друзьям подарки:
Кувшины, вазы — ничего не жалко,
Ведь мне покорна ласковая глина!
Стираю пот и разгибаю спину.
Гончар в усы улыбку тщетно прячет.
Я, кажется, сейчас расплачусь
Над грустным,*

*кособоком, неуклюжим
Моим кувшином...
Круг гончарный кружит...*

Июнь, 22-е

Моим родителям.

*Чужие сны в мои приходят сны,
Как кадры нескончаемого фильма.
Я на войне, не знавшая войны,
Я задыхаюсь от огня и дыма.
И хочется проснуться и невмочь,
Сковало страхом, как броней, тело.
Сейчас проснусь.
Сейчас проснусь.
Сейчас отброшу прочь.
Чужие сны, какое ваше дело?
Но снится вновь —
Уже в который раз,
Меня еще не ведая, не зная,
Молоденький отец от смерти спас,
И выходила мама молодая.*

*Согреюсь у случайного костра,
Ни свой, ни ваш покой не нарушая,
Простите, если чем-то помешала...
Я вам желаю счастья и добра.*

*Спасибо вам за пригоршни тепла,
Что мне дарили не скупясь.
И знаю:
Я в вашем доме вовсе не чужая,
Хотя случайной гостьей забрела.*

«В МУЗЕЕ В. И. ЛЕНИНА».
ХУДОЖНИК И. ИЛЬИНСКИЙ.

Поводом для этой необычной коллективной рецензии послужило 70-летие Сергея Владимировича Михалкова — замечательного труженика поэтического, драматургического и сатирического цехов нашей литературы, видного общественного деятеля, большого друга уже не одного поколения советской детворы.

Павлик Дронов, 5 лет

Он — неугомонный шалун, «гроза» детского сада и дворовой песочницы, где собираются поиграть малыши. Едва ли не единственное активное средство воспитания Павлика — книги. Стоит ему увидеть книжку — и он другой: спокойный, серьезный, внимательный. Пока еще, правда, не читатель, а слушатель, но много знает наизусть.

В этот день Павлик был очень расстроен, квартира периодически оглашалась плачем — за очередную шалость его лишили прогулки. Интервью о творчестве Михалкова оказалось под угрозой, и мы решили начать не с вопроса — со стихов Сергея Владимировича.

Кто на лавочке сидел,
Кто на улицу глядел,
Толя пел,
Борис молчал,
Николай ногой качал.

Павлик тут же подхватил:
— Дело было вечером
Делать было нечего.

«ХРУСТАЛЬНАЯ ВАЗА».
ХУДОЖНИК Ф. ЛЕМКУЛЬ.

И долго еще длилась наша стихотворная переписка, пока Павлик не подвел итог:

— Больше всего люблю у Михалкова про прививку и про мимозу.

— А представь, что приходит к тебе ночью Оле-Лукоке и спрашивает, какую сказку Михалкова ты хотел бы увидеть?

— Ну, если уж придет, — скептически ответил Павлик, — то про облака.

— ?

— Ну, про облака:

Облака, облака —
кучeryвые бока,
облака кудрявые,
целье,
дырявые...

Как же вы не знаете? Это про то, как Михалков на облаках путешествовал, — добавляет укоризненно Павлик.

— А если бы ты встретился с Михалковым?..

— Дима, Михалков пишет не только стихи для маленьких, но и для взрослых...

— Так я скоро ведь подрасту! Пусть пишет!

Татьяна Юдина, лаборантка

В детстве я так хотела быть похожей на дядю Степу, что и на коньках стала кататься, потому что он был конькобежцем. Из-за него долгое время однозначно решался и вопрос о моей будущей профессии: я хотела быть только милиционером.

Ира Артамонова, десятиклассница

Когда мне было 6 лет, то я впервые задумалась, какая у нас огромная страна, какие прекрасные в ней живут люди. Это было после того, как я услышала

«ДЯДЯ СТЕПА — МИЛИЦИОНЕР».
ХУДОЖНИК Ю. КОРОВИН.

но, не затихали разговоры. И вот, значит, продолжает свою жизнь эта замечательная пьеса, другие ребята теперь живут жизнью ее героев, познают истинны добра и дружбы с их помощью. А еще подумалось о том, сколько же таких неотъемлемых от детства произведений принадлежит Михалкову: ведь спроси любого малыша о дяде Степе — такое впечатление, что он родился, уже подружившись с этим замечательным героем.

Сам же я с интересом слежу за сатирическим творчеством Михалкова, считаю такие его спектакли, как «Пощечина» и «Пена», остро социальными, гражданственными. Прекрасно и то, что он талантливо работает в старейшем жанре сатиры — басне, развивая его, наполняя современным звучанием.

Александр Акопов, юрист

Вряд ли кто станет спорить с тем, что ящичек с тлеющим фитилем теперь так же привычен и узнаваем нами, как и зубастый крокодил на обложке популярного журнала. А ведь я помню еще первые выпуски «Фитиля», помню, каким знаменательным событием было создание этого сатирического киножурнала. Наверно, не сразу нашел «Фитиль» свое лицо, не сразу завоевал теперешний огромный авторитет — что ж, новое дело трудом ладится. Но сейчас, когда позади юбилейные выпуски, когда в Москве давно и успешно работает специализированный кинотеатр «Фитиль», можно смело сказать: десять минут экранного времени, занимаемого журналом, стали поистине десятью государственным минутами. Ибо проблемы, поднимаемые в «Фитиле», всегда первостепенны, неотложны. А сатира его не только бичующая, но и созидательная. Спасибо главному редактору этого киножурнала — Сергею Михалкову.

«ПОРТРЕТ».
ХУДОЖНИК Е. РАЧЕВ.

— Дома и во дворе не хочу встречаться. Только в сказке — с ним там будет весело. — Подумал немного и горестно добавил: — Сегодня нельзя, я наказан...

Дима Шидловский, 5 лет.

Он очень любит, когда ему читают стихи Сергея Михалкова. «Почему именно эти стихи?» — спрашиваем Диму.

— Они веселые и добрые.

— А как ты думаешь: какой он, Михалков?

— Большой — как два моих пальца.

— ?

— Ведь он про дядю Степу написал.

— А если бы он позвонил тебе по телефону, что бы ты сказал ему?

— Позвал в гости, и мы поиграли бы: он — дядя Степа, а я — непослушный мальчик.

— Непослушных наказывают, ты же знаешь.

— Дядя Михалков добрый, он простит. И напишет мне стих про машинки.

стихотворение Михалкова «Хижина дяди Тома». Я их до сих пор помню — слова: «И воцарилась тишина, согретая молчаньем зала, и вся советская страна за этой девочкой стояла». Я сначала не поняла, как это — вся страна, все ведь происходило в детском театре. Спросила отца, он рассказал мне о городах, о больших стройках, о народах, живущих в дружбе и равноправии. После этого моим любимым занятием стало рассматривать географические карты — «путешествовать» по нашей стране.

Сергей Смольков, инженер

В прошлом году, доставая сыну билеты в детский театр, вдруг увидел удивительную цифру на афише — 1200 и спектакль! Именно она привлекла мое внимание сначала, а уж потом прочитал название спектакля — «Сомбреро» Михалкова. Сразу вспомнилось, как ходили на него всем классом, как обсуждали, спорили — потом неделю, навер-

«ЗВАРТНОЦ» — ВОРОТА В НЕБО

Петр НОВИКОВ,

Специальный корреспондент
«Связи».

Фото автора

ЗВАРТНОЦ-СТАРШИИ. ЕМУ БОЛЕЕ
ТЫСЯЧИ ЛЕТ

КАДЖИК САГРАДЖАН: В ПОР-
ТЪ — ПОРЯДОК!

Вероятно, не все молодые читатели знают, что наш давний и добрый знакомый Аэрофлот полвека назад так и назывался — Добролет. Именно тогда открылось регулярное пассажирское сообщение по воздуху — первая воздушная линия связала нашу столицу с Горьким. Сейчас фотографии небесных лайнеров тех лет, обвешанных паутиной антенн корбочек аэродромных сооружений, кажутся далекой историей. Сегодня воздушный полет стал обыденностью, а перечень всех аэрофлотских рейсов составляет толстую книгу. Аэропорты — ворота в небо — работают практически в каждом из городов нашей страны. Лучшие из них по внешнему виду напоминают настоящие дворцы, с тем лишь, пожалуй, отличием, что обслуживающий их «дворцовый персонал» главной задачей считает максимальное сокращение времени пребывания людей в своих владениях. И такое «негостеприимство» по душе пассажирам.

Однако сравнение аэропортов с дворцами — сравнение чисто внешнее. По внутреннему своему содержанию они не уступают современным научно-исследовательским институтам. Это естественно, потому что именно на земле, в аэропортах решаются основные вопросы безопасности нашего полета. Без помощи наземных служб самый опытный современный пилот будет слеп. Чтобы этого не случилось, «начинают» стеклянные дворцы сложнейшей электронной техникой. АСУВД — автоматизированная система управления воздушным движением — уже несколько лет успешно действует в крупнейших воздушных гаванях нашей страны. Если раньше воздушный диспетчер только на получение информации о высотах поле-

тов тратил 17 процентов своего времени да еще 4 процента на опознание самолета, то сейчас все эти и многие другие заботы взяла на себя автоматика. Машина предлагает диспетчеру варианты, выражаясь языком авиаторов, бесконфликтных режимов движения, анализирует текущую обстановку, предупреждает о вероятных опасностях. Впрочем, рассказывать о возможностях ЭВМ в современной жизни — задача весьма трудоемкая: думается, что читателю-специалисту достаточно заверения в том, что ученые и инженеры Аэрофлота уже готовятся внедрить еще более совершенные электронные системы, заботящиеся о нашем комфорте в воздухе.

Вообще «комфорт» — слово обязательное во всех аэрофлотских рекламках. В специальных учебниках для работников воздушного транспорта пишется еще и так: «психологический комфорт». А это значит, что специальные люди специально пекутся о нашем с вами настроении. А настроение, как известно, определяется всем: и длиной очереди в кассу, и быстротой выдачи багажа, и возможностью отдохнуть в ожидании рейса... Реально ли при современном наплыве авиапассажиров решить все эти вопросы в комплексе, избежать ставшей, к сожалению, традиционной в последние годы аэропортовской толчеи и суматохи? Неужели все эти издержки самого быстрого способа путешествия мы возьмем с собой в будущее? И вообще: как все это будет выглядеть в XXI веке? Не удивляйтесь, но на этот вопрос вполне четко уже могут ответить жители Еревана.

...Разноцветные автобусы с броской надписью «Звартноц» вдоль обочин бортов знакомы, пожалуй, всему городу. Каждые полчаса увозят они авиапассажиров и просто желающих взглянуть на

«чудо архитектуры» за пятнадцать километров от Еревана. Из города сюда ведет отличное шоссе, которое переходит затем в бетонную эстакаду, пролегающую внутри гигантского кольца, спускается по спирали вниз.

«Какое еще кольцо?» — спросит читатель, не успевший побывать в Ереване после постройки там нового аэропорта «Звартноц». Самое настоящее кольцо. Диаметр сто шестьдесят метров. Так расположили пятисотметровый операционный зал аэровокзала армянские архитекторы. Чем это вызвано? Прежде всего заботой об удобствах пассажиров, желанием решить наиболее болезненные проблемы. Залы-кольца устроены так, что потоки прилетевших и улетающих нигде не пересекаются. Достаточно сказать, что протяженность пути от автобуса до места в авиалайнере — всего двадцать четыре метра.

Из самолета, приземлившегося в «Звартноце», вам не надо добираться до здания аэропорта автопоездом. Лайнер подруливает прямо к выходу в специальный коридор, пройдя по которому вы попадете на эскалатор, автоматически включающийся при появлении пассажиров. Эскалатор доставит вас вниз, в зал встреч. А оттуда рукой подать до стоянки уже знакомых нам автобусов с фирменной надписью.

Ну, а если рейс все же задерживается (и в будущем веке погода еще будет преподносить свои сюрпризы), вам предложат пройти в шумный пояс аэровокзала, где к вашим услугам длинный перечень бытовых услуг, телевизоры, удобные кресла. Все семь микровокзалов «Звартноца» имеют выход сюда, в места, изолированные от суеты.

Фактически современный «Звартноц» — действительно новостройка будущего века. И не только в силу необыч-

ных архитектурных решений и оснащения современной техникой, но еще и потому, что сделан он, так сказать, с запасом. Только на рубеже столетия, по расчетам специалистов, сюда придут те самые две тысячи сто пассажиров в час, на которые он рассчитан уже сегодня. Неудивительно потому и то, что обслуживающий персонал — и рядовой, и средний руководящий, и даже высший (начальнику комплекса Вячеславу Ярапову — двадцать девять лет) — тоже «рассчитан» на второе тысячелетие.

Дежурный начальник смены, недавно принятый кандидатом в члены партии Каджик Саградян, первоклассный диспетчер по рулению комсомолка Назик Мирзоян, старший регистратор службы организации перевозок, депутат Шаумянского райсовета Света Дагляян, начальник производственно-диспетчерской службы аэропорта Григорий Галоян, друзья-комсомольцы электромеханик Жирайр Алепян и слесарь-ремонтник Грачья Арутюнян, другие их молодые коллеги работают в «Звартноце» не просто хорошо, но гордо. Да и то — шутка ли: нести дежурство на рабочем месте XXI века! Но — такова уж неразрывная связь времен — не только век будущий можно увидеть сегодня в «Звартноце», но и далекое прошлое.

...В центральной башне на высоте шестидесяти метров — главная диспетчерская аэропорта. Оттуда, если взглянуть на запад, как на ладони — руины старинной постройки. Это храм VI—VII веков, давший свое имя и аэропорту. Примерный перевод слова «звартноц» на русский означает: «храм небесных бдящих сил». Подходящее название для дворца, стоящего на границе земли и неба. Только «бдят» здесь не мифические силы, а уже представленные читателю наши молодые современники.

азалось бы, просто: побеседовать с писателем, поставить перед ним точные — и неожиданные — вопросы. И ударит ключ вдохновения, успевай лишь записывать. И предстанет перед читателем человек таким, каким ты сам его знаешь вот уже шестнадцать лет, знаешь и любишь.

Ан нет... Столько уже перебеседовано, даже и «при ясной луне», а все живет для тебя загадка в человеке, и который раз удивляешься: какой еще неожиданной гранью обернется причудливый этот характер, при всем своем своеобразии, однако же, на редкость стойкий в главном, сокровенном, что касается мироощущения, мировосприятия и права художника творить по-своему...

Больше всего, наверное, Владислав Бахревский любит фантазировать, свободно парить мыслью во времени и пространстве. Однажды, когда мы глубокой ночью в старом орехово-зுவеском «гнезде» Бахревских, перебирая все раскрытые наукой и далеко еще не раскрытые, лишь предполагаемые или угадываемые возможности человека, перекидывали мостки от космоса к йоге (а шли к этой теме, помнится, через прозрения Рериха-старшего, Николая Константиновича), Владислав не удержался, воскликнул:

— Вот так бы это все записать! Вольный разговор, еще не скованный всяческой формой, условностями. Возьмешься за перо — все станет, может, и грамотнее, да мертвее. Свободы такой не будет, полета.

Много раз возвращался я к этой мысли. И внутренне спорил: ишь, как легко жилось бы писателям, ходи себе с магнитофоном да записывай. Хотя... Для того, чтоб вольно растекаться мыслью по земному и космическому «древу», сколько же надо знать, прочитать и перечитать, увидеть и услышать, а главное — пережить! К подобной импровизации, может, всю жизнь идти надо. А с другой стороны, покорила убежденность Владислава: надо не бояться верить своей интуиции. И верить в чудеса не только в детстве. Есть они, чудеса! Есть, не зря же столько сложено о них легенд и сказаний. Если это и всего лишь отражение живущих в народе мечтаний, то и они не на пустом же месте родились. Попробуйте проникнуть в глубь сказки — в ней же концентрация духовности высшей пробы. Духовности не в смысле веры в нечто потустороннее, а как сгустка лучших нравственных порывов... И какое же у хорошей сказки

Валентин
СВИНИННИКОВ

ПУСТЬ ЧЕРПАЮТ

легкое дыхание, какая свобода обращения с временем и пространством! И какой притом изумительный реализм в деталях, узнаваемость в житейски достоверных подробностях, какое знание природы...

Бахревскому повезло с фамилией. Ему не пришлось придумывать звучный псевдоним. А если бы пришлось, разве придумалось бы что-либо лучшее? Бахарь — старое русское слово, как раз и означающее сказитель. А может, родовой фамилией и стало прозвище, данное соплеменниками какому-то далекому предку Владислава, такому же мечтателю и говоруну?

Словами Владислав Бахревский может играть, словно цветными камешками, легко, непринужденно, незаметно, но глядишь — и сложился узор неповторимой мозаики, да какой крепкий! Образы рождаются будто сами собой и кажутся единственно возможными в той или иной обстановке, о которой рассказывает. Вот пример из самых ранних, еще для «Пионера» двадцать лет назад написанных рассказов. Двое мальчишек, узнав, что браконьер собирается в отсутствие их отца-лесника вырубить карельскую березу, ночью на моторке спешат предотвратить преступление. «Миня сидел на скамейке у самого борта и, склонив голову набок, смотрел, как из-под лодки бегут тонкие морщинистые струи. С воды соскальзывал туман, напряженными полонами тянулись вверх, и казалось, что это мчатся всадники, и кони у них поднялись на дыбы, и невеста куда делают они свой безумный скачок». Несколько слов, а как передано чувство тревоги, надвигающейся опасности. А вот ощущение придавленности, безвыходности положения ликинских рабочих накануне их исторического похода в 1917 году за братской помощью в Орехово-Зуево («Голодный поход»): «Зябка было. На лужах, черных от холода, дрожала мелкая рябь. Тучи, как напуганная стая серых гусей, косомчалась из-за леса будто бы ввысь, а выси не было. Небо, зацепившись, крутилось вокруг фабричной трубы».

Пожалуй, ослепительнее всего вспыхивают, искрятся у него образы в «разбойной» повести о Кудяре — «Клад атамана». Судите сами: «Крещенский мороз, хрупкий, как груздь, крепенький, в середине ночи выкатил из-под луны на белых саночках, на лошадках белых и мохнатых. Прокатил с поскрипом через деревню Можары. Разбежался на черном льду Пары-речки, разъехался, вожжонки не удержал и с разгону влетел в лес. Оглоблей в сосну, да так, что лес крякнул, а возок с лошадьми и седоком рассыпался серебряной пылью». А как озорно и весело

написаны в повести... лешие. Вот Ванюшка, сын главного лешака Федора Атамановича: «Маленький, лохматенький, а лицом пригожий. Глаза чернее ночи, губки толстенные, нос прямой. Как жердочка. По лицу пушок золотистый». Да, «лицо у Ванюшки только еще обрастало пушком, не то что у взрослых лешаков: тем не страшен ни ветер, ни стыд. Заросли». Вот Анюта, невестка Кудяра, видит: «В красном углу Радуга сидит. Расширяет шелками платье. В кокошнике росинки непрорыхляющие. Глаза большие, неспокойные. Будто бы в них реки ласково льются». И ведь не сказка все это, вполне реалистическая историческая проза. Даже появление в повести лешаков объясняется в конце концов сугубо реалистически: пока верят в них люди, живут лешаки, да еще как справно. Но только пахнет звериным — прахом пойдут их избы. И надо им с места сниматься, искать новых дурней, которые в них искренне поверят...

Есть в этой игре, в ее водоворотах и завихрениях одна ведущая, самая приметная и сильная струя — большинство его героев, во всяком случае, положительных, воспринимают природу как одно огромное живое существо, где все слито, взаимосвязано какой-то еще не разгаданной общей тайной. Маленький герой первой же повести Бахревского, «Мальчик с Веселого», допытывается у лягушонка: «Скажи мне, нас никто не слышит, откуда берется вода в ключе?» Через много лет, в повести «Голубые луга», писатель еще раз обернется к заповедным краям своего детства, где Федя, в котором легко угадывается сам автор, все искал таинственный знак, открывший бы ему тропинку в Ту Страну, чудесную, сказочную, которая есть рядом с нами, а может, и внутри нас... Вот Федя приник к земле и, глядя в небо, задумался: «Не может же быть так, чтоб небо — только воздух, а земля — только песок, глина, камни.

Нет, так быть не могло. Федя любил живое небо, живую землю, живые цветы и живые деревья. Дрожащими руками он учуял вдруг ответное подрагивание.

— Тук-тук! Тук-тук!

Земля дышала. Земля жила».

Это сама русская природа, с ее Бездонным ключом

на Веселом кордоне, со смешливой речкой Унгар и молчаливой, задумчивой Дубенкой, где подсмотрел он «уснувший ветер» — застывшую в глубине старого, высохшего русла осоку, это сама земля средней полосы России возрастила писателя таким, каким предстает он со страниц своих светлых книг. А второй могучий исток духовности и святого отношения ко всему живому — родная литература, очень рано вошедшая в его жизнь.

Родился Владислав Бахревский в августе 1936 года в Воронеже, где его отец учился в ту пору на лесном факультете сельскохозяйственного института. С первых шагов окружали будущего писателя стихи, музыка (отец прекрасно играл на гитаре) и то озорное, бесшабашное веселье, что присуще только студенческой вольнице. Ребенок среди студентов не частое в те годы явление, вот и возлились с малышом все, кому не лень.

Родом его отец из Горьковской области, а мать воронежская. С детства чуткое ухо Владислава схватывало богатейшие краски русского языка в двух его интересных и довольно разных говорах. Студентом его отец вообще был необычным: до института успел после техникума поработать в 30-х годах топографом в Казахстане, Средней Азии, где схоронил не одного товарища, павшего под пулями и шашками басмачей, где и сам не раз смотрел смерти в лицо. А потом Анатолий Евгеньевич почти всю свою жизнь провел в лесничествах. Сперва — в селе Каменка Горьковской области, в глухих лесах неподалеку от Васильсурска, только на левом берегу Волги. Потом — на Рязанщине, в Можарском районе, на Веселом кордоне (вот они, места действия будущих героев Бахревского!). Здесь и застала семью война. Служил отец недолго: поврежденный глаз закрыл ему дорогу на передовую. Какое-то время он восстанавливал брянские леса после их освобождения, а потом вернулся на Рязанщину, в Старожилково (этот период их жизни лег в основу повести «Голубые луга»). Прямой, бескомпромиссно честный и к тому же вспыльчивый человек, отец умел наживать врагов, и поэтому семье немало довелось кочевать с места на место. В 1947 году перебрались в Подмосковье. Небольшое время отец проработал в Министерстве лесного хозяйства, но служба не пришлась по душе. И, наконец, семья осела прочно в Орехово-Зуево, где отец насаживал леса в качестве инженера лесных культур, а затем и директора лесхоза.

Судьба отца, его пылкая, порывистая, сложная, своеобразная натура отразились во многих произве-

**РЕКОМЕНДУЕМ МОЛОДОМУ ЧИТАТЕЛЮ
КНИГИ ВЛАДИСЛАВА БАХРЕВСКОГО:**

- «Хранительница меридиана». Повесть и рассказы. Молодая гвардия. 1965.
- «Хожение встреч солнцу». Историческая повесть Молодая гвардия. 1967.
- «Дюжина». Повести и рассказы. Молодая гвардия. 1969.
- «Мальчик с Веселого». Повести и рассказы. Детская литература. 1971.
- «Сполошный колокол». Исторический роман. Детская литература. 1972.
- «Дорогое солнце». Рассказы. Советская Россия. 1972.
- «Клад атамана». Историческая повесть. Молодая гвардия. 1973.
- «Свадьбы». Исторический роман. Молодая гвардия. 1977.
- «Шахир». Историческая повесть. Детская литература. 1980.
- «Кипрей-Полыхань». Рассказы, повести, миниатюры. Молодая гвардия. 1980.
- «Голубые луга». Повесть. Издательство «Таврия». 1981.
- «Сказка о Пичвучине и мальчике Онно». Сказка. Детская литература. 1981.

Фото Сергея ВЕТРОВА

прославленных артистов и режиссеров, Владислав блестяще выдержал экзамен...

Но к тому времени верх взяла другая страсть — литература. Городским литературным объединением руководил А. Кайев. Писателем-профессионалом не был. Преподавал древнерусскую литературу, создал учебник и немало ученых трудов, исследовал творчество местных рабочих поэтов-революционеров. И растил, растил литературную смену. И доставалось же Владиславу при обсуждении на литобъединении! Слишком уж был оригинальным, непривычным.

Впрочем, к Кайеву Владислав попал «по наследству» от Георгия Матвеевича Звонилкина, тоже большого подвижника и светлого человека. Звонилкин, тогда еще студент МГУ, руководил детским литкружком при том же ДК текстильщиков. И организовал в 1949 году... Пушкинский конкурс. Это надо было себе представить — такой конкурс среди сорвиголов из знаменитых «морозовских казарм». И нашлись-таки и художники, и артисты, и поэты. Первое место в первом Пушкинском конкурсе занял Володя Лизунов — потом кадровый военный, который через многие годы, выйдя на пенсию, вновь вернулся в родное литобъединение. А Владислав Бахревский был отмечен всего лишь поощрительной премией. Но как окрылила она тринадцатилетнего поэта, какую веру в свои творческие силы вселила!

Тяга к литературным объединениям у него осталась на всю жизнь. Став признанным писателем, он руководил почти десять лет родным орехово-зуювским объединением до своего переезда в Евпаторию, а там возглавил вначале литобъединение города, теперь же — крымское областное. Но все это было потом. А после окончания института, учительствуя в Сакмаре, он сам за полсотни километров мотался в Оренбург, на заседания литобъединения при газете «Комсомольское племя». Там, в газете, увидели свет его первые стихи в 1958 году.

Вновь в Орехово-Зуево его привела... попытка поступить во ВГИК, на сценарное отделение. Старый театрал, к тому же балующийся литературой — почему бы не попробовать. Экзамены выдержал, но... по конкурсу не прошел. Не разглядели в нем зрелый талант. А поскольку с Оренбуржья сорвался, то начал искать работу поближе к родному дому. Руководил агитбригадой в родном ДК текстильщиков. Будучи как-то в Москве, заглянул со своими стихами в журнал «Пионер». Там его направили в отдел очерка. И вскоре он держал в руках свежий номер со своим очерком «Красная Шапочка ведет дневник» — о юных артистах Орехово-Зуева. Послал в командировку одну, другую. И вот уже другой очерк — об оренбург-

«Проступок»-то, глядишь, и невелик: даже не сам солгал, а просто видит, как лжет другой, — и уже уши запылькали, мучается чуткая душа. Эта острота переживаний без всякого дидактического нажима заставляет читателя задумываться: а сам-то он так ли живет, не зарос ли, словно лешак, шерстью, которую стыд не пробьет?

Так переживает Светка, рано осиротевшая девчонка, ставшая отчаянным сорванцом: она до смерти хочет подружиться с единственной, кроме нее, девчонкой, появившейся наконец на кордоне, но все ее шаги к сближению неуклюжи и лишь пугают новенькую, Гелю, и особенно ее маму, дамочку, мечтающую о загородном окружении для своей музыкальной дочери. Так переживает и Вовка-Поросенок из той же повести («Светка»): поди разберись в сложностях жизни — свои ребята дразнят и в игре о нем позависти могут, а подружился с приехавшим на лето москвичом — тот оказался подловатым парнишкой, хоть и с претензиями на благородство манер. Понимает Вовка, что чуть не преступником становится по отношению к своим, предателем (открыл приезжим ребячью тайну — строят они каравеллу, а те предложили... дно прорубить у нее, чтобы улечь, пока чинят, раньше запустить свою ракету). Понимает, да не может сразу разорвать липкую паутину невольной лжи...

Исподволь, без нажима подводит обычно Бахревский своих читателей к очень важной мысли: жить по правде всегда легче, если даже и нелегко она далась.

Тонко, почти исповедально раскрывает писатель перед юными героями, да и не только юными, простую истину о сложности и противоречивости жизни.

Она нелегко дается девчонке («Хозяйка перевала»), которая очень любит отца, такого большого, доброго, столько ей уже открывшего в мире и обещавшего еще множество открытий, но... покинувшего их с мамой. Она заставляет себя ненавидеть его, когда он появляется вновь. Заставляет себя чуть ли не презирать маму, которая простила его, потому что любит. Но сердечко девчоночье рвется, дрожит, крохотное, потому что и она не может, как ни старается, истребить дочернюю любовь...

О любви Бахревский вообще пишет много и очень... несовременно, что ли. Юные герои его то и дело «влюбляются» в своих сверстниц и совершают поступки воистину рыцарские — от цветов, таинственных надписей на дне глубоких морских бухт («Море, а сколько времени?») до... покупки маркизета на платьишко любимой, для чего сразу трем влюбленным пришлось собрать все свои мыслимые и немыслимые «сбережения» («Голубые луга»). Детская эта влюбленность может и затухать при очередном переезде и

ИЗ РАДОСТИ ТВОЕЙ

днях сына. А своему повествованию о буднях большой современной стройки — Нурекской ГЭС, на которой писатель был вполне своим человеком, — проходчиком в туннеле, Владислав Бахревский предпослал романтическую повесть, записав ее со слов Анатолия Евгеньевича, которую и назвал-то взволнованно-приподнято — «Кипрегель моего отца».

Впрочем, до Нурека еще далеко. Туда Бахревский придет сложившимся писателем, автором нескольких книг. А что и привело его на писательскую стезю?

Жизнь в лесах, на дальних кордонах, в небольших селениях развивала у не по годам начитанного мальчишки и мечтательность, и острую наблюдательность, и чуткость к явлениям, казалось бы, самым обыденным. Он много пишет, преимущественно стихи, как и большинство начинающих. Но некому их еще всерьез показывать, нет ориентиров, критериев.

И вдруг Орехово-Зуево, рабочий город с богатой духовной жизнью, с давними традициями, не только революционными, но и культурными, в частности театральными. Еще на заре нашего века здесь появился театр для рабочих — расцедрился Савва Морозов, а шефство над самодеятельными артистами тогда же взяли мхатовцы. С их работами знакомился сам К. С. Станиславский. А когда в 1916 году рабочие поставили здесь спектакль «На дне», то Барона рядом с ними играл В. И. Качалов. В 1919 году в Орехово-Зуево открылся театр-студия, и руководил этой «пятой студией МХАТа» Б. Е. Захава. Много и плодотворно поработали в самодеятельных драматических коллективах города профессиональные артисты Варвара Фокеевна и Николай Степанович Прохоровы.

С головой окунулся Владислав, школьник, а потом и студент Орехово-Зуевского пединститута, в театральную и литературную жизнь. Был, можно сказать, одним из ведущих актеров в драмкружке Дворца культуры текстильщиков. А когда в основном на базе этого коллектива создавался народный театр-спутник МХАТа и приехала строгая комиссия из

ских школьниках, участниках строительства молодого города («Гай, улица Пионерская»), и еще один, и еще... Его пригласили в штат редакции. Начались увлекательные поездки по адресам интересных пионерских дел. В результате сложилась книга «Гай, улица Пионерская». Но она была уже не первой...

Еще раньше зашел он однажды в издательство «Детская литература», в редакцию по работе с начинающими, показал повесть «Мальчик с Веселого». Она увидела свет в коллективном сборнике «Первое знакомство», а потом вышла отдельной книгой. Владислав с большой теплотой вспоминает об этом сборнике, о том, как тогдашний директор Детгиза принимал их, начинающих, у себя, подробно расспрашивал о планах, постарался, чтобы издательство стало для них родным...

«Еще бы! Так удачно складывалась литературная судьба! Вот бы мне...» — вздохнет с завистью кто-нибудь из нынешних начинающих. Но гладко — лишь в таком вот скором пересказе. А мук и сомнений на долю Бахревского выпало столько, сколько и положено. Я уже говорил, что на литобъединениях ему доставалось по первое число. И надо же было поверить в себя, сохранить и развить заявленную уже в «Мальчике с Веселого» творческую манеру — искренне и откровенно воплощать в строки свои чувства и переживания, которые для других, может, и мало что значат, зато для самого-то юного героя важнее которых нет...

Потом, когда раздумья писателя о тайнах мастерства вообще выплеснутся в рассказе «Мороз по жести», «Врубель», «Холодный чай», «Настасья, красная тубелька» и повести «Культяные олени», выскажет Владислав глубоко выношенное: «В искусстве чудо совершает память. А коли посмел удивить не только людей, но и самого себя, разбуди свое детство — будешь счастлив, и многие почерпнут из твоей радости». А сначала надо было решиться взять да и написать обыкновенные в общем-то случаи из жизни обыкновенного мальчишки на лесном кордоне...

Глубокий лиризм, искренность, распахнутость навстречу читателю, как самому лучшему другу, в определенной мере бесстрашие — ведь рассказывается порой о мучениях тайных, о которых вроде бы не принято говорить вслух, — все это станет отныне отличительной чертой прозы Бахревского. Его герои часто испытывают неловкость, а то и жгучий стыд,

быть перенесенной на новую незнакомку. Но настоящую, стойкую любовь испытывают герои Бахревского к отцу и матери, к братишке или сестренке.

В этом еще одна особенность Бахревского. Для него любовь не просто «дитя свободы», а огромное доверие друг к другу и ответственность за любимого. Так, в чудесной повести-сказке «Кипрей-Полыхань» Настя Никитична даже... взлетела, когда потребовалось, как ей показалось, спасти милого. «Она не знала, как ее можно спасти и что ей нужно сделать, чтобы не остаться здесь, у земли, в одиночестве. Она тоже сложила крылья, потянулась вся. И поняла — летит. Тихий воздух стал ветром, давил на лицо. Она летела сначала, зажмурилась глаза, а когда решила открыть их, увидела скопище звезд, неподвижных, сияющих каждая по себе. Настасья Никитична не видела Финиста, и это было такое одиночество, какого она и представить себе не могла. И вот тогда сердце ее обливалось теплой кровью, ей захотелось, чтобы Финист был рядом, чтоб она, похолодевшая от полета, ужаса и одиночества, могла бы прижаться к нему, сильному, теплому и доброму, чтобы только не одной, чтобы он заслонил хотя бы половину этой бесконечности».

Мне кажется, редко кому удалось так сказать о сущности любви — именно стремлении уберечь себя и любимого от безграничной бездны времени, от смерти, поделиться родным теплом и продолжиться в детях, внуках, чтобы вечно торжествовала жизнь...

Столько сейчас появляется книг, где любовь низводится до чувственности, до рядового адюльтера, где воспевается в лучшем случае запретная сладость ее — и чем живописнее, чем больше пряного запашку, тем вроде бы интереснее для читателя. В этом смысле Бахревский плывет против течения (один из его рассказов в недавно выпущенной издательством «Молодая гвардия» книге «Кипрей-Полыхань» так и назван — «Ты плыви ко мне против течения»). Нет, и он пишет не о возвышенных, бесплотных, абстрактных чувствах к Прекрасной Даме. Он пишет о Любви самой что ни на есть земной. О любви к своей Лене — невесте, а потом жене и матери его детей. О любви к своим мальчишкам. Пишет о любви, порой

непонятной и даже преданной, поруганной. И нет большего наказания, чем постигнуть наконец, каким богатством обладал, мог обладать и лишился по собственной вине...

Читателям «Смены», должно быть, помнится рассказ Бахревского «Сандогорский Пан», вошедший позднее в книгу «Кипрей-Польханы», пронзанный светом вот такой несбытшей любви. Всего-то и капитала у его героя, Саша Ласточкина, сына пастуха, что умение играть на рожке да верное в любви, отзывчивое сердце. Но, видно, немало это, если не может забыть Сашу гордая городская девочка, капитанская дочка Вероника. Через шесть лет после отъезда вернулась она в Сандогору, куда уже и письма писать перестала. Приехала после вступительных экзаменов в институт. И, наверное, с этой «высоты» поглядела на своего верного Сашу. Кто он? Всего лишь тракторист, да и ростиком не вышел. В общем, напрасно все эти годы Саша ждал ее. Уехала Вероника, умерла вроде бы любовь. Тем же летом и Саша взял за себя вдову, старше его и с двумя детьми. Да только что-то загноило-таки Веронику в эти места двенадцать лет спустя. Увидела мальчишку — сердце замерло: Саша, да и только. И верно, Саша. Ласточкин. И сестренку у него звать Вероникой. Просила отца позвать, но тот не идет...

Ждет Вероника обратного рейса на аэродроме. «И когда в небе загудел самолет, вдруг по лесу разнеслась и горестная и сладкая, как весенний березовый сок, песнь рожка. Ах, встрепенулась дама! Ах, заметалась! И как же она плакала, когда грохот авиационного мотора убил песню...

Она так и не улетела. Самолет ушел без нее. Она стояла на берегу, высокая, стройная, и ждала... Никто к ней не пришел, и рожок не залел больше...

Герои Бахревского могут годами ждать своей сказочной, высокой любви, как ожидала ее Перелетая (из одноименного рассказа), которую мать наградила этим странным именем назло «беспутному» отцу, а тот — мудреным наследством: сундуком с елочными игрушками да еще разве что такой же непригодностью к жизни. И вот наряжает Перелетая дикинину «елку» — сосну, потому что иначе не удержать тяжести игрушек, и шьет себе платья с неслыханными названиями: то «Семь звезд небесного коша», то «Северная корона». И ждет чуда. Дождь. В одну из новогодних ночей появился-таки особенный гость — моряк дальнего плавания. Засветилась вроде бы звезда необыкновенной любви. Да не понял моряк, какое ему счастье даровано, с какой неординарной натурой свела его судьба. И уходит от него.

Любовь властна и над сердцами земных владык. Вот ведь не мог царь Михаил Романов («Свадьбы») забыть, как разлучили его с Марьей Ивановной Хлоповой, которую увидел в 19 лет. А «в девятнадцать лет глаза увидят — сердце поверит»... Женили его тогда по воле матушки, инокини Марфы, на другой Марье. Долгорукой, да не получилось брачного пира. Стоило пожаловаться царю Шереметеву на свою судьбу, как в одночасье заболела царица, да так и не поправилась. А через десять лет царь уже сам выбирал себе невесту, наперекор матери, совсем не знатного рода, зато по любви.

Любовь прорастает даже там, где должны, казалось бы, умереть все былые чувства: на чужбине, в полоне. Как случилось это с другой героиней романа «Свадьбы» — рязанской девушкой Надеждой, попавшей через Крым в Турцию.

Впрочем, здесь пора сказать еще об одной грани

творчества Бахревского — его исторических повестях и романах.

Тогда, в конце 50-х годов, из «Пионера» он ушел в «Литературную газету», в отдел науки. Всего год работал он там, но называет это время университетом. Он встречался с крупными учеными и воистину из первых рук получал информацию об удивительных открытиях. А главное, наверное, что его вечное, с детских лет ожидание чудес как-то теснее совместились с реальностью... Не тогда ли задумал он свои первые исторические произведения? Не тогда ли сформировался подход к ним: прежде чем дать волю фантазии, тщательнейшим образом изучить научные, достоверные источники, подышать ароматом столетий?

Из «Литгазеты» он ушел так же внезапно, как и пришел туда. Ушел, потому что крепнувшее ощущение власти над словом торопило его, рождало все новые и новые замыслы, а работать на газету вполсилы было бы нечестно. Первые книжки, первые договоры с издательствами... Через несколько лет, в 1967 году, он был принят в Союз писателей СССР.

К истории его, вероятно, подтолкнуло и, как ни странно, соприкосновение с наисовременнейшей струйкой. Не случайно он начал книгу «Пулисангинское ущелье» с упоминавшейся повести «Кипрегель моего отца». А на стройку он попал так. Четверо друзей из Орехово-Зуева — Леонид Кайев, Геннадий Вуколов, Владимир Долганов и Владислав Бахревский — решили, что в жизни каждого должен быть свой, построенный своими руками город. И махнули в Нурек. Пришлось скрыть, что у всех дипломы, у двоих даже инженерные. Их приняли рядовыми проходчиками. Зато и книжка у Владислава рождалась «изнутри», а не командировочным налетом. А со Средней Азии он с тех пор сдружился навсегда: и перевел немало книжек местных писателей и сам написал историческую повесть «Шахир» о знаменитом туркменском поэте Махтумкули...

Так вот, история стала глубочайшим увлечением Владислава, его основной, пожалуй, специализацией в литературе. Еще задолго до упомянутых «Клада атамана» и «Свадеб» увидел свет «Хождение встреч солнцу» — о первопроходце Семене Дежневе, повесть, отмеченная премией Госкомиздата РСФСР в конкурсе на лучшую книгу для детей, «Голодный поход» — о событиях в Ликине и Орехово-Зуеве в период между февралем и октябрём 1917 года. Последнюю повесть он переделал в пьесу, и его любимый народный драмтеатр Орехово-Зуева поставил грандиозный, волнующий спектакль о земляках. В 1976 году в Детгизе вышла еще одна его историческая повесть о земляках — «Морозовская стачка». Так и стоит перед глазами его Петр Анисимович Моисеенко — небольшого роста крепыш, с копной рыжеватых волос, озорник и выдумщик с золотыми руками, которого не хотели брать на работу из-за смутьянского нрава, да как не взять такого ткача... Как нужны ребятам вот такие книжки о героях-революционерах, где предстают они не плакатно — живыми людьми со своими неповторимыми, только им присущими черточками характеров, своими житейскими трудностями и заботами, своей любовью

к женам и детям и при всем том — с доминирующей над всем и вся любовью к свободе, к борьбе за счастье народное!

Пока самое большое историческое полотно Бахревского — роман «Свадьбы». О XVII веке, когда Русское государство после долгой смуты, борьбы боярских родов за власть снова крепло, набирало авторитет в мире, возвращало понемногу исконные земли. Красочные картины романа рисуют и двор русского царя, и Крымское ханство от дворцов Гиреев до жилищ рядовых сейменов, и Турцию с ее заижданими-тюрьмами, подпольными кофейнями, поскольку султан-пьяница Мурад IV запретил пить кофе, с ее мастерскими, где трудились изумительные мастера, и гаремами, где томилась полонянки, в том числе русские и украинские, и далекую Индию, когда еще строился знаменитый Тадж-Махал, и Персию, и Молдавию. Видим мы и великое мужество пятидесяти тысяч отряда казаков, которые под командой Осипа Петрова в захваченном ими Азове выдерживают осаду 300-тысячной турецкой армии... Но недаром называется роман «Свадьбы». Сквозь все грозы и беды светит в нем, не сгорая, великая земная любовь и страсть к жизни. И сквозь огонь войн пробивается гуманистическая мысль о единстве трудового люда, которому делить-то нечего, поскольку в любой стране, чтобы жить и кормиться, надо работать...

Это пока. Потому что готовятся к выходу в свет части большого романа о Богдане Хмельницком, написан и большой кусок давно задуманного полотна о протопопе Аввакуме и Никоне, о «новых людях», сменявших в XVII веке старинные боярские роды у государственного кормила России. Писатель основательно углубился в этот бурный век российской — да и не только российской — истории. Он и по белу свету с этой целью поездил немало — побывал в Турции, в Индии.

Живет он сейчас в Крыму, в Евпатории. И, как прежде, помогает расти молодым, как помогал когда-то ему и как он в Орехово-Зуеве способствовал становлению известных ныне прозаиков и поэтов Николая Рыжиха и Николая Дмитриева, Виктора Жигунова и Федора Камалова. Гордится, что в крымском издательстве «Таврия» выходит сборник, где «под одной крышей» публикуются его питомцы Олег Шушеначев, Владимир Сычев и Евгений Никифоров, надеясь, что их имена еще станут известны и всесоюзному читателю. Придумал и вот уже второй год проводит своеобразный конкурс читателей — детворы, отдыхающей или лечащейся в санаториях Евпатории, — конкурс, где призы детским писателям присуждают именно они, дети. И называется этот конкурс «Морской конек». Выступает в печати со статьями и очерками. В частности, размышляя о курортных делах, добивается, чтобы для детей придуман был бы какой-то удивительный праздник, а отдумать чтобы начинался еще с перрона московского вокзала. Радует, что один из поездов на юг теперь уже называется «Солнышком».

Словом, живет, творит, выдумывает, пробует. А главное — пишет все новые и новые книжки. Добрые, чистые, честные, искрящиеся точным, метким, образным словом и неисчерпаемой верой в чудеса...

Владислав БАХРЕВСКИЙ

❄️
Мороз грозит броней насте,
И солнце за вихры дерет,
Клубами иней — все напрасно,
Напрасно лопаются лед.
Напрасно коченеют птицы.
Вот дерево разорвало!
Я вижу, как оно струится,
По веточкам берез тепло —
Намек сиреневым, и только,
Но ледяная капля тонко
Вдрызг разбивается о льды,
И пробуждаются цветы
Под снегом, даже под землей,
Но только нет цветам покою,
Растут, хоть мир еще в снегу.
А сам-то я цветов умнее?
Тут переждать бы...
Не умею.
И научиться не могу.

❄️
За соболей казною,
За зубом морским
Государевой волей
Шли и шли казаки.
Шли налево, направо,
Шли на кочах лихих,
И вселенская слава
Не тревожила их.
Ах, вы версты-погосты,
Остуженная пруть!
Шли, однако, как в гости,
Душу шли веселить.
Но не трогайте душу!
Нет души — нет и сил.
Обнял саблю-подружку
И навеки застыл.
А товарищ помедлил,
Порох снял — и вперед
По-волчьему следу:
Хоть куда, но ведет.
Гей, камчатские сопки,
За туманом туман.
Атаман не из робких,
И у ног океан!
Сердце как защемило,
Стариною маня!
Будто этак носило
Не кого, а меня.

❄️
Мой отец совсем уже старик.
Я-то с ним все спорю, как бывало!..
Нынче провожал его с вокзала,
Он к окну вагонному приник
И, сложивши на груди ладони,
Кланялся, прощаясь.
Ах, как стонет
Сердце,
Взбужденное вдруг:
Это медленное прижиманье рук,
Эти непонятные поклоны,
Эти убежавшие вагоны,
Этот мой нечаянный испуг.

❄️
Брызнув спицами, жужжала
Прялка.
Сохли валенки.
Тишина в снегах лежала
У завалинки.
Петухи на полотенцах
Больно пыжились,
Отживал подранок в сенцах —
Лиска рыжая.
В проруби вода дымилась,
Даль туманило.
И все снилось,
Что-то снилось,
Заманивало.

Рисунок Владимира ДЕЛБЫ

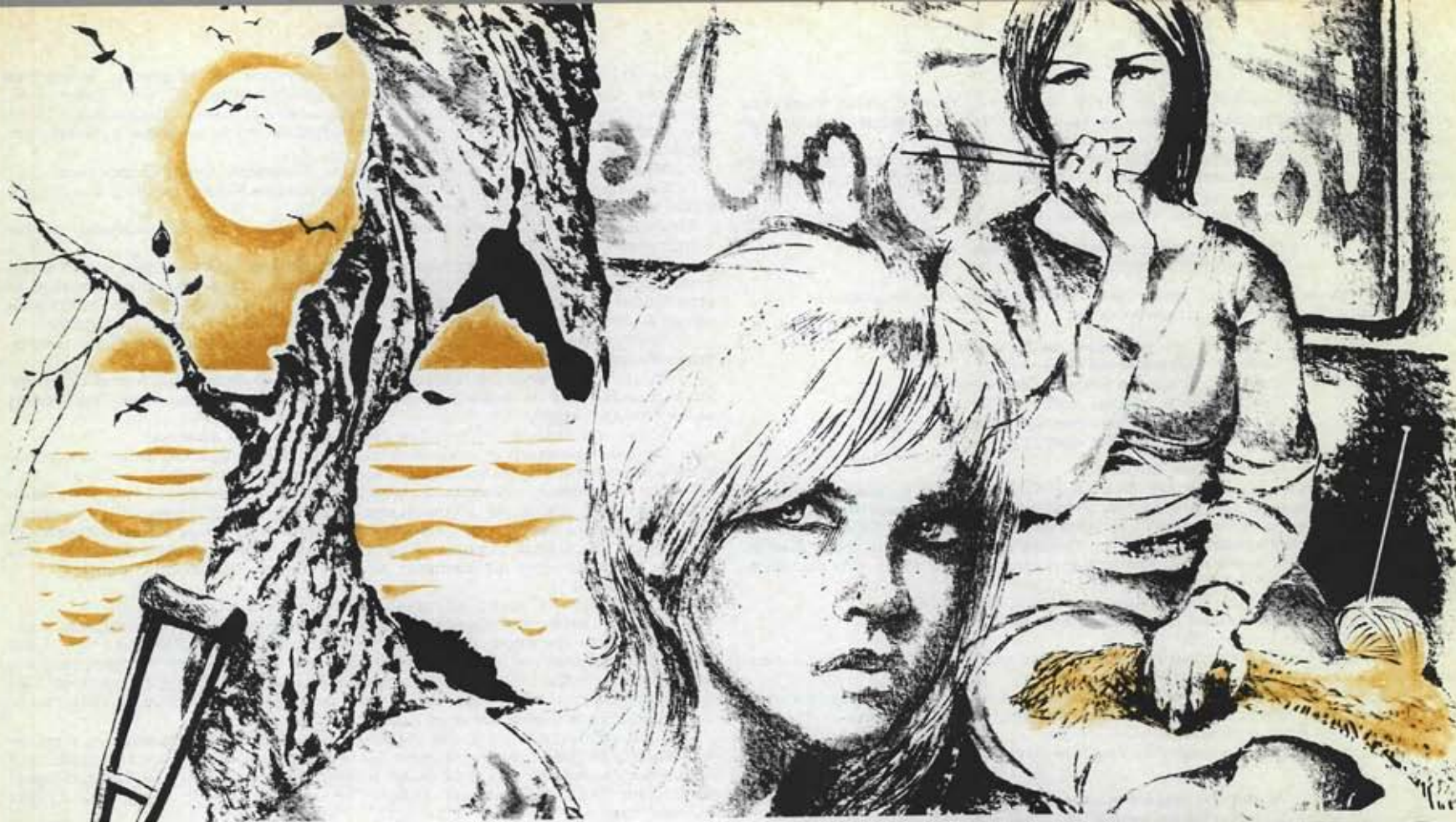

Рисунок Олега ВУКОЛОВА

Владислав БАХРЕВСКИЙ

РАССКАЗ

ЖЕНЩИНА С ВЯЗАЛЬНЫМИ СПИЦАМИ

1

Ксюша — сорокалетняя уставшая женщина — впервые за всю свою жизнь была красивой.

«Ошалели они, что ли?» — застигнутая очередным поглядом, розовела Ксюша, подбирая под себя ноги, если ехала в автобусе, вбирая голову в плечи, если шла по улице.

Она привыкла почитать себя за двуязычного мужика, привыкла везти, тянуть, волочить, и нежданная красота сломала в ней ее соломинку. Ксюша была из племени вечно тонущих, которые, утопая, утопать, однако, не могут. Но без соломинки своей, теряя в себе тяглого мужика, Ксюша стала совершенно беззащитной.

Она и по улице-то теперь не знала, как пройти. Женщина под взглядами все равно, что нагая. Не умела Ксюша себя дарить и собою награждать. Ничего не умела из того, что красавицы знают и умеют уже в те поры, когда начинают морщить кофту первородные дождевочки.

— Поздно, — говорила она про себя, но для гляделцев. И уговаривала их: — Пройдет это скоро...

Руки у нее мелко дрожали, но кто же будет смотреть женщине на руки, когда лицо ее — озарение и щемящая боль. По кому боль, отчего — неизвестно, по самой, видно, жизни. Но чужая горькая тайна — тоже манок. Еще какой! Петушки на такой манок, как рябчики, бегут.

А тут еще улыбка Ксюшина. Сама судьба назначила ей улыбаться людям. Улыбка ее была похожа на приоткрытую дверь ярко освещенного, но неведомого помещения. Ксюша словно бы ждала вопроса к себе и даже приказания, чтобы тотчас кинуться исполнять, а если все-таки исполнять ничего не надо, если за вопросами стояло одно только сочувствие, Ксюшино лицо вспыхивало такой радостью, что чуткий человек впадал в беспокойство: чужая баба, а лицо родное.

Ксюша работала в НИИ, на должности научного сотрудника. Младшего, разумеется. Однако работа ее не имела точного наименования, хотя человеком она была полезным. Что-то все доставала. И готова была прийти на помощь каждому, кто к ней обращался, а то и просить ее не надо было, она все знала о всех и являлась в нужную минуту, как азиатский джинн.

У Ксюши был муж, а от мужа дочь Мерлена четырнадцати лет.

О детях говорят — плод любви. Мерлена была плодом студенческой вечеринки. Девочки пригласили мальчиков. Мальчики остались ночевать... Парень, доставшийся Ксюше, оказался человеком порядочным. Узнал, что по его вине страдают, принес паспорт. Был он худосочный, нездоровый. А что было делать? Да и пора было Ксюше в ее двадцать пять не столько уже о дипломе, сколько о замужестве думать. Вот и расписались. Мерлена, хоть и родилась красавицей, да пошла не в двуязычную мать, а в отца, с пеленок болела: сепсис, хвори, положенные детям и неположенные. Муж главою семьи и двух лет не был. Получил диплом и вместе с дипломом — первую группу. Так и потянулись годы. Ксюша, научившись быть добытчицей для других, освоилась и себя уже не забывала. Устроила мужа в больницу, к профессорам нашла ход. Сделали операцию. Муж выжил, отправили его на полгода в санаторий. И то гора с плеч.

Теперь Ксюша доставала путевку для Мерлены. Лучше много маленьких болезней, чем одна серьезная. Болезнь сокрушала у девочки костную ткань. Однажды, споткнувшись дома о ковер, она упала и получила сложный перелом тазовой кости.

Путевку Мерлене, видимо, дали бы и без особых хлопот, но, во-первых, неизвестно, куда и в какого ранга санаторий, а, во-вторых, пришлось бы ждать этой путевки неопределенно долго. Ксюша подняла весь город на ноги.

Нет, она не ломилась в общественные организации, не потрясала медицинскими заключениями, не посылая писем по самым высоким адресам. Она шла к цели своей окольной, но верной, по ее разумению, тропкой.

Схема ее действий была, как в телевизоре, смотря какого изображения хочешь достигнуть — черно-белого или цветного. Она, не утеряв к самой себе иронии, самой же себе иной раз и признавалась: «Живу на полупроводниках». Сцепляя один датчик с другим, Ксюша добивалась и невозможных результатов. Но бывало и так: выходил из строя один какой-то малозначимый элемент, а не срабатывала вся кропотливо сплетенная цепь.

В такой вот несчастный день она пришла домой и повалилась на тахту, скинув туфли, но в плаще.

Ей мерещилась пустыня, хотя она понятия не имела, что это такое, и некий коричневый корешок.

Корешок усыхал под палящими лучами солнца, а на небе хоть бы облачко.

Щелкнул замок. Грохоча костылями, пришла дочь. Она брала уроки языка. Двумя этажами ниже.

— Ты что это? — спросила Мерлена, заглянув в комнату. — В плаще? На новую тахту?

— Устала, — призналась Ксюша. — Хотела тебе путевку на август достать. Не вышло.

— Не мучайся. Я привыкла в городе летом.

Это было несправедливо. Всего-то раз или два Ксюша не смогла вывезти дочь за город, но возражать сил не хватило.

— Нет уж! Нет уж! — вдруг стукнула Мерлена костылем об пол. — Ты мне добудь путевочку. Надоело на подпорках прыгать. Представь себе — надоело!

Ксюша закрыла было глаза, но теперь смотрела на Мерлену так, словно речь отнялась, охорашивала взглядом девочку свою, прощала ей злые слова, уговаривала быть милосердной.

— Что ты смотришь на меня по-коровьи? — вскипела Мерлена. — Себя жалко? А ты меня пожалей сначала.

Ксюша поднялась с дивана. Сняла плащ. Такое она от дочери слышала впервые.

Зеркало у них стояло в прихожей. Ксюша, проходя к вешалке, невольно встретила с собой, зазеркальной.

Молодое, точеное лицо, ласковая, воистину женская фигура... И Ксюша вдруг постигла причину дочернего гнева: Мерлена ревновала мать к материнской красоте.

«Маленькая еще, — подумала о дочери Ксюша. — Глупая. Господи, пусть глупая, лишь бы не завистливая».

Мерлена читала неизвестного ей поэта. Взяла, не глядя, с полки книжечку «Избранная зарубежная лирика», раскрыла наугад и бежала глазами по строкам, прочитывая их и ничего не понимая.

Мать металась из кухни к столу, принося то и это и успевая охорашивать комнату. Переставляла цветы, убирала лишние статуэтки, салфеточки, кружавчики.

Мерлена не только помочь, глядеть не хотела на эти муки творчества.

*Холодный темный камень,—почему же
Становится на сердце так светло?*

Мерлена даже удивилась: стихи проломили панцирь ее возмущения. Она вернулась к началу стихотворения:

*В густой тени раскидистых деревьев
Ганеша—деревенский бог—стоит:
Бог небольшой, из камня сделан грубо,
Потрескались ладони, хобот, губы,
А у подножья, в закопченной нише,
Светильник глиняный едва горит.*

«Про Индию»,—сказала себе Мерлена.

— Как ты думаешь,—спросила Ксюша.—Какую лучше музыку поставить: польскую «Аве Мария» или что-нибудь из вашего — «Аббу» или «Чингисхана»?

— Поставь «Болеро». Это как раз посередине, классика на барабанах.

— Умница! — улыбнулась Ксюша, не принимая Мерленового тона. Быстро нашла пластинку. Просительню, с робостью посмотрела на дочь. — Ты оденешься?

— Она что, твоя Алина Вадимовна, кавалер с будущим?

— Ну хоть джинсы надень свои ненаглядные.

— Понимает она в джинсах!

— Понимает,—сказала строго Ксюша.—Очень даже понимает. Ее брат — дипломат.

— Мама, не мешай мне! — оборвала Мерлена. — Я третий раз берусь прочитать стихотворение и ничего не понимаю. Все вопросы у нее, вопросы!

— Хорошо, — улыбнулась Ксюша. — Читай.

Мерлена проследила за матерью глазами — надо же! Не обиделась. Что за человек?

*Холодный темный камень,—почему же
Становится на сердце так светло?—*

читала Мерлена, быстро глянув на обложку книги: имя автора схватить не успела, а фамилию прочла — Баччан.

*И почему я шел сюда угрюмым,
Предавшись вялым, невеселым думам,
А здесь внезапно, как в далеком детстве,
Такое счастье в душу снизошло.*

Стихи тронули Мерлену. Она представила себе Индию. Огромное небо, огромный океан, камень на берегу. Небо вечернее, на его фоне сидуты каменных изваяний... И поправила себя. О деревне речь. При чем тут океан? Темный полог леса, темные хижинки, камень, из которого сделан Ганеша, сливается с этой общей тьмою, один светильник трепещет язычком огня. Чадит несносно, масло скверное...

*Молчи, сухой, презрительный рассудок,
Ты верить в бога перестал почти,
Но это чувство—доброе, святое,
Что так давно утрачено тобою,
Задумчивым молчанием приветствуй
И тихой благодарностью почти.*

— Прекрасные стихи! — сказала Мерлена, и тотчас рассыпал свою нежную трель их особый, как у всех лучших людей, звонок.

— Бегу! Бегу! — пропела Ксюша так сладко, что Мерлена крикнула ей:

— Сироп пролила! — Она даже «увидала» возле двери густую лужу сиропа и тотчас придумала: это чтоб каждый входящий попадал в эту лужу ногами и потом так и ходил по городу, оставляя следы.

— А вот и вы, Алина Вадимовна! — Голос Ксюши ликовал, Мерлена искала и не могла найти в нем ни единой фальшивой ноты. — На вас посмотреть, и на улицу выходить не надо. Без этого догадаться: весна. Давайте пальто. Сапожки? Нет, что вы, не снимайте! У нас это не принято. Ножки устали? Тогда я вам ненадежные принесу. Мне из Югославии привезли. Прелесть, а не тапочки, надевать жалко. Вот я и не ношу.

Было слышно, мать полезла в шкаф: разворачивает бумагу.

— Не жмет?

— Очень удобно, спасибо! — сказала Алина Вадимовна.

— А теперь простите, что я так запросто... Мы с дочкой стол приготовили. Очень хлопотали, так что отказать вам никак нельзя...

«Чего она меня впутывает!» — вскипела Мерлена, закрыла сборник стихов, прочитала имя поэта: Хариваншрай.

— Здравствуйте! — сказала Алина Вадимовна, заходя в комнату.

Это была высокая кареглазая женщина. Не молодая, но стройная, и на лице все, как надо. Без двойного подбородка, косметики чуть-чуть. Вот тебе и продавщица.

— Здравствуйте! — ответила, помедлив, Мерлена. И только теперь сообразила, что придется выказать этой женщине все свое уродство: скакать на костылях к столу.

— Это наша Мерлена,—просияла Ксюша, словно Мерлена была из такого дефицита, о котором даже торговые работнички не позволяют себе мечтать.—Иди к столу, доня!

— Извините меня,—сказала Мерлена, обращаясь только к госте.—Я поздно зашла. С вашего позволения я посижу здесь, почитаю.

Мать, конечно, все поняла и захлопотала вокруг Алины Вадимовны.

Женщины выпили по рюмочке и по другой. Ксюша не пожалела, выставила черри-бренди. В разговоре хозяйка не мелочилась, не высказывала просьб, а все говорила о возвышенном. О нейтринно, например! О том, что вот живут они, люди, на своей Земле, под страхом атомной бомбы живут, как крысы. Убежали бы с корабля, потому что он в любое мгновение может потонуть, но бежать некуда, планеты Солнечной системы непригодны для жизни человека.

— Хоть завой! — говорила Ксюша, а сама улыбалась, светила серыми глази-

цами.—Но вот нейтринно. Частица, перед которой обыкновенная комнатная пылинка, как Солнце перед Землей. Только мал золотник, да дорог. Живет вечно и вечно летит. Через само Солнце пролететь может. И ничего! Целехонько! Не то, что человек, ветер дунет — и пошло: насморк, жесткое дыхание, антибиотики, горчичники, травы, все вперемешку.

— Мама мою простуду по-своему лечила,—сказала Алина Вадимовна.

— Ой, поделитесь секретом! — всплеснула руками Ксюша, и сразу вся — слух: ушко выставила, розовое, красивое.

Мерлену даже уши материнские сердили: не в меру совершенны, не той достались!

— Никакого секрета! — сказала Алина Вадимовна, прихлебывая чай из японской фарфоровой чашечки, единственной в доме и, конечно, выставленной на стол ради высокой гостьи из «мебельного». — Моя мама сушила капустные зеленые листья, толкла и давала нам с медом. Хрипота сразу проходила.

— Доня, запиши! — распорядилась Ксюша. — Такое простое и такое замечательное средство. Уж не знаю, как вас и благодарить...

— Ну за что же меня благодарить? — охладила Ксюшину пыл Алина Вадимовна. — Спасибо вам за такое изысканное угощение. Я ведь, право, на минуту рассчитывала зайти.

— У нас так нельзя! — просияла Ксюша. — Правда, дочка?

— Правда, — кивнула головой Мерлена и снова открыла книжечку, в которой так больше ничего и не вычитала, все за матерью следила.

— Вот обещанное, — Ксюша развернула синюю оберточную бумагу. Объемистый сверток лежал на журнальном столике, между стенкой и телевизором. — Двадцать лет спустя, «Королева Марго» и два тома Мориса Дрюона. У него здесь «Железный король», «Яд и корона», «Французская волчица». Как видите, все тома идут по высшему классу — бордо. Вы бордо собираете?

— Разумеется.

— Вот только эта книга подкачала. «Сорок пять». Серая.

— Ничего, пойдет на обмен, — сказала Алина Вадимовна. — Благодарю вас.

— Ах, Алина Вадимовна! Если бы я только могла подарить вам это. Увы!

— Не скромничайте! Достать Дюма и Дрюона, да еще бордо! Это все равно что волшебником быть. Вашу просьбу я тоже могу выполнить. Стенки, о которых вы говорили, поступили на базу, завтра одну-две привезут нам. Взять нужно сразу.

— Алина Вадимовна, вы моя спасительница!

«У Достоевского такие вот, как мамаша, ручки бросаются целовать», — подумала о матери Мерлена, зная, впрочем, Достоевского по кино да понаслышке, хотя собрание сочинений у них дома было. Бралась Мерлена «Братьев Карамазовых» читать, но бросила. Противно ей было от всех этих дрызг, вывертов... Своего хватало горя.

Гостья ушла наконец.

— Ты не очень утомилась? — спросила Ксюша у дочери.

Мерлена вытянулась в стрелку, дрожа от нетерпения, когда же спустят тетиву... Но Ксюша — это Ксюша. Она не укорила дочь ни словом, ни взглядом. И Мерлена, отравившись ядом своей стрелы, теперь набухла злобой, ненавистью себя, мать, весь белый свет.

— Какой все-таки удивительный фарфор у японцев, — Ксюша разглядывала чашечку на просвет. — Маленькая, а радость.

— Барахольщица, — тихо сказала Мерлена. — На какой барахольке ты купила эту радость?

Запал сработал. Мерлена взорвалась, как бомба.

— Ты как паук! Всех опутала, — кричала она. — Книжечки Алиночке, Алиночка — стеночку, стеночку — Марьяне Самуиловне. Марьяна Самуиловна — путевочку. А книжечку твоему великому тоже ведь подношение нужно! Кто же за «так» дефицитом разбрасываться станет. Ему — зубки золотые, вне очереди, по госцене. А зубной врач тоже не дурень. Но чем же ему-то угодить? Именем! Мамочка моя даже имени своего не пощадила, пустила и его в оборот. Ксюша — владетель дачи. А дача стоит тысяч пятьдесят или все сто.

Дочь была не в ладах с логикой. Совсем недавно она требовала от матери путевку во что бы то ни стало. Теперь же ей не нравился способ добычи.

Ксюша слушала и улыбалась. Забыла улыбку на лице. И Мерлена совсем уже взбесилась.

— Все для дочки. Все для дочки! И это, и это! Люстра — для Мерлены, книжки — для Мерлены, модные побрякушки — для Мерлены. Мама оставит дочке золотое гнездышко, чтоб хоть какой-то мерзавец, прельстившись на тряпки, на мебель, на книжки, на эту фарфоровую, купленную на барахольке чашечку, взял бы ее, калеку, замуж!

Мерлена остановилась перед матерью, костыли подняли ей плечи. Голову она откинула, чтоб не задохнуться от расправившего ее гнева. Лицо белое, тонкое, как самый лучший фарфор. Глаза небольшие, но светящиеся и цвета изумительного. Цвета старых фиолетовых ваз. Волосы пепельные, тяжелые. Ксюша смотрела на Мерлену, и непонятно было, слушает ли она.

— Ты слушай! Слушай! — Мерлена долбанула костылем в пол. — Это все твоя жалость надделала! Ты, бедная, как канарейка, но ты по крошечке в дом таскаешь. Из крошечки, глядишь, кусок вышел... Не то, не то! И главное тебе хочу сказать. Ты мучаешься. Все время! Потому что мы дохлые, и отец и я. Но мучайся! Мучайся! Я рада, что ты всегда мучаешься. Пожалела одного дохлятика, папашеньку. Теперь двух жалей. Жалко, что одну меня родила. Тебе бы дюжину таких, чтоб ты завывала, чтобы прокляла жалость свою.

Дочь опустила в кресло, бросила костыли.

— Вот, — сказала она, отирая потное лицо, — вот! Мучайся теперь. Вози меня по санаториям. Родила, так уж изволь быть в ответе. Сама во всем виновата. Это падали последние осколки взорвавшейся бомбы.

Ксюша подождала, не скажет ли дочь еще что-либо. Дочь молчала, и Ксюша принялась уносить со стола посуду.

Мерлене захотелось потянуться, и она потянулась, чувствуя все свои боли и даже наслаждаясь болями, в неугасшем злорадстве, но тотчас стало ей пусто, и представила она себя деревом с дуплом, когда дупла больше, чем дерева. С этой пустотой в сердце и заснула вдруг.

Проснулась, конечно, в постели, под пуховым одеяльцем, Ксюша дочку перенесла, сна не потревожив.

Просыпаться Мерлене не хотелось. Чтоб Ксюша не заметила ее пробуждения, только чуть разлепила ресницы и увидела: Ксюша тут, на страже дочерних желаний. И не без дела, упасы бог. Вяжет. Очередной новомодный свитер. Тысяча первый, небось.

Это была страсть Ксюшина — свитеры вязать. Работа всегда с ней. В метро, в автобусе. Мерлена сама слышала: мать даже в обеденный перерыв вяжет, а то, что в очередях — это своими глазами видела.

— Привычка, — отвечает Ксюша на вопрос о ее пристрастии к вязанию. — Способ отвлечься от забот. Терапия.

Мерлена знала: мать лжет. Никакая это не терапия, деньжонки свитерами

Ксюша зарабатывает. На своих болячках. Вот только кто для нее будет вязать свитеры, когда свалится, наконец?

«Если на меня надеется, то напрасно».

Этот приговор Мерлена вынесла только что. Она не желала примирения.

3

В поезде Ксюша опять успевала во всем: вязала, обслуживала Мерлену, разговаривала за двоих. Мерлена принимала материнские услуги молча, но без срыгов. Нормально разговаривать она никак не желала, но, шадя мать перед посторонними людьми, делала вид, что увлечена чтением. И еще писала письма.

Она отправлялась в санаторий на всю последнюю четвертую четверть и на первую летнюю очередь, это при условии, что ее не станут оперировать. Но, вероятнее всего, операция потребуется... И Мерлену вдруг обуяла страсть к писанию писем.

Ксюша не пыталась подглядывать, кому и что пишет дочь, но она и теперь нашла повод полюбоваться Мерленой. Ксюша находила в почерке Мерлены черты отцовской круглой скорописи и своих отточенных хвостиков, и все же это был совершенно самостоятельный почерк, вполне уже определившийся. Понятный каждому, открытый, упрямый и застенчивый.

У Ксюши навертывались слезы от странного и тревожного чувства. Она, Ксюша, все-таки вырастила дочь, выжила этот непригодный для жизни росток. Осталось последнее усилие. Самое тяжелое, может быть, потому что Мерлена вошла в трудный возраст. Дома девочка стыдилась костылей даже, кажется, перед Ксюшей, а может, и перед собой. А в поезде — нет. Даже как будто щеголяла костылями. Ксюша догадывалась, в чем дело. Мужчины, ехавшие в вагоне, глядели на женщину, которая, даже стоя у окна, продолжала вязать, не на спицы глядели. Иные пытались заговаривать с Ксюшей, и Мерлена всякий раз была тут как тут. «Мамочка, — говорила она громко. — Принеси мне водички лекарство записать...» Или еще что-нибудь, но обязательно поминая свое родство и свою болезнь. Пусть знают, что ты старуха, что у тебя дочь невеста... Да только невеста ли? Ты ведь калек рождаешь.

Отпуска на работе Ксюше не дали, но у нее было трое суток заработанных. До курорта поезд шел меньше суток. Ксюша узнала расписание, и, кажется, все тут складывалось на редкость удачно. Поезд приходил в восемь утра, обратно шел в пятнадцать.

— Это же почти целый рабочий день! — успокаивала себя Ксюша.

Хлопот предстояло немало, нужно успеть поместить дочь в санаторий; когда у тебя на руках путевка, это дело не хитрое, но Ксюша надеялась познакомиться и поговорить со всеми врачами, сестрами и нянечками, которые будут полезны дочери. Предстояло также достать обратный билет, в предсезонье это, видимо, дело отнюдь не безумное. Ну и кое-что купить...

Поезд, разумеется, опоздал, но только так, приличия ради, минут на пятнадцать всего. Вокзальчик был невелик. Площадь перед ним казалась чересчур просторной. На площади стояло множество автобусов, прибывших специально к поезду, чтобы развезти пассажиров по санаториям и пансионатам.

В автобусе Мерлена сказала:

— Смотри, мама. Если ты и здесь будешь перед всеми лебезить, я слово даю — ни одного письма тебе не отправлю.

Ксюша покорно кивала головой, но не удержалась. Почиркала что-то на ушко сестре, оформлявшей документы, а дочери тут же пояснила:

— Спрашиваю, кто главный врач.

Мерлена замкнулась.

На все замки сердечко свое от матери заперла.

Да только плохо ли очутиться в палате на самом берегу моря? Уезжали в пальто, в свитерах. А здесь от цветов перед глазами карусель. В траве цветы, на деревьях цветы, и по морю — зеленые луговины с ослепляющими звездочками.

Кровати стояли на улице. Их выкатили из палаты, потому что лечили в этом краю морем, солнцем и небом.

Серебристые чайки кружились так близко, что был виден нежный белый пух под брюшком, в который чайки прятали красные лапки. В море мелькали темные спины больших рыб, и Мерлена так и вспыхнула радостью, догадываясь, что они, эти существа.

— Дельфины, — сказала одна девочка без удивления.

«Видимо, они здесь частые гости», — подумала Мерлена.

И тут появилась Ксюша.

— Ну, вот, — сказала она, заглядывая в лицо дочери, — пойду. Надо ведь билет еще купить. Тебе здесь будет хорошо.

Мерлена молчала.

Лицо у Ксюши дрогнуло вдруг.

— Напрасно ты со мной так. — И тотчас улыбка вернулась на лицо. — Тебя здесь вылечат. Если что будет нужно, позвони. Здесь есть телефон.

Мерлена умирала от обиды. Она знала, какая она дрянь, так вот провожает маму: слово, видите ли, свое держит.

«Мама! — хотелось ей закричать. — Ну прости же ты ради бога меня! Дура я! Разве можно такую маму так мучить! Да ведь это надо совести совсем не иметь, чтоб такую маму так мучить!»

— Вот, на всякий случай! — Ксюша сунула под подушку деньги. — Бегу.

Мерлена, как пень бесчувственный, как колода нетесаная, как бык на новые ворота, смотрела на удаляющуюся маму. Смотрела, и все.

«Хоть бы обернулась!» — подумала Мерлена, готовая взмахнуть на прощание рукой.

И мама обернулась и помахала ей, а она не посмела ответить.

Мама ушла. И в то же мгновение Мерлене стало понятно, что она, дурная дочь, не смеет смотреть на море, на чаек, на дельфинов. Да не смеет же, потому что для матери у нее так и не сыскалось доброго слова!

Девочки начали окликать ее. Они хотели завести с новенькой знакомство, и Мерлена, чтоб никому не отвечать, притворилась спящей. И, кажется, заснула.

А потом ее будто кто толкнул. Она поднялась. Прошла в палату, оделась. Взяла деньги. Пошла по территории, увидела на хоздворе маленький автобус, на котором сюда приехала, и шофера, молодого совсем парня. Решительно заработала костылями.

...Вокзальное радио объявило:

— До отхода поезда осталось пять минут.

Мерлена беспомощно оглядывала зеленую маету всех семнадцати вагонов. Где же тут сыскать Ксюшу?

И вдруг осенило.

— Ты сможешь мне? — спросила она шофера.

— Помогу, — сказал шофер.

— Пошли к девятому. Девятый ведь бронируют...

Она надеялась, что мать купила билет в девятый.

4

Ксюша радовалась: дочь устроена прекрасно, место в купированном вагоне, розового масла купила и цветов — своих порадовать, на работе. Попутчики тоже попались приличные: медсестра из водолечебницы, дама очень еще молодая, и совсем желторотый молодец, возвращавшийся с курорта на свою солидную работу кандидата и старшего научного сотрудника в очень солидный институт. Парень у женского пола был в загоне, потому, видно, и брякнул сразу главным кзырем — ученой степенью. И не преуспел! Ксюша вязала, а медсестра так прямо и сказала:

— Не лишни!

Кандидат сник. Ему нравилась, и очень, Ксюша, но подступиться к красавице он не осмелился, завел игривый разговор с медсестрой, она была попроще, и оплеуху отхватил.

Посидел, достал папиросу, вышел.

— Страхило огуречное, а туда же, в любезности! — громко сказала вослед ему медсестра.

Ученый кандидат насчет своих данных не заблуждался, а потому был упрям. Он направился в ресторан, благо через вагон всего, и скоро явился в обнимку с коробкой конфет, с шампанским.

— Прошу! — пригласил он попутчицу. — В одиночку пьют только пьяницы... Да отложите вы свое вязанье, умоляю!

Ксюша вняла мольбе одинокого человека и, махнув рукой, решила выпить: ведь и было за что.

Медсестра тоже дала себя уговорить, и пир начался. Ксюша смаковала брют, но помалкивала, а медсестра, оставив, пустилась в разговоры. Хвалила свою работу. У них не водолечебница, а чудо, бассейн, сауны, всякие массажи, процедуры.

— Я, как всех клиентов пропущу, обязательно сама жемчужную ванну принимаю, — хвалилась медсестра. — Лежишь, а пузырьки щекоют. Приятно. И ни о чем не думаешь. Ни о чем!

— Приеду, подам заявление об увольнении, и к вам, в вашу ванну, — осмелел кандидат.

— Больно нужен нам такой! — осадила первый пробный натиск медсестра.

— Ах, нехорош! — вскричал кандидат. — Понятно!

— Что вам понятно? — удивилась медсестра.

— Что пора удалиться в направлении буфета. Одно мгновение!

— А что у них в буфете есть? — спросила Ксюша. — Хорошие крымские вина есть? Девчонкам в отдел обещала привезти.

— Кокур видел, и херес, по-моему, есть.

— Купите хересу! — приказала медсестра.

— Будет сделано.

— Я тоже в буфет, — поднялась Ксюша.

— Да я куплю! На всех куплю! — загулял добрый молодец.

— Нет, тут уж я сама обойдусь, — решительно сказала Ксюша. И пошла первой.

Они ехали в восьмом вагоне. Проходя коридором девятого, попутчик дал щелчок окну.

— Вот и тут написано — «Люблю!» Любовь, матушка моя, в воздухе живет, как грипп. Ее туда-сюда носит, а мы страдаем.

Вагон подкидывало на рельсах, и Ксюша остановилась, пережидая тряску, оглянувшись, но не разглядела надписи.

Кавалер выполнил «заказ» и отправился в обратный путь, а Ксюша села за столик. Она не успела поесть в городе и вдруг поняла, что голодна. В ресторане кормили совсем скверно, но Ксюша съела и так называемую солянку и обожаемое поварами вагона-ресторана рагу из отборных костей.

Еда торопливо. Почему-то не выходила из головы любовная надпись, которую ей показал кандидат.

Кокур она покупала, уже сгорая от нетерпения.

По девятому вагону шла медленно, останавливаясь у каждого окошка.

— Ах, вот оно!

«Люблю».

Написано было зеркальным способом, чтоб могли прочитать в вагоне.

Ниже еще что-то было нацарапано, но отвечивало. В сердце застучал тоненький молоточек.

Ксюша перешла на другую сторону окна, пригнулась.

«Мама, я тебя люблю». Буквы все круглые, с острыми хвостиками...

Прижимая к груди кокур, Ксюша уперлась лбом в окошко, и слезы катились по ее лицу, и она, вздрагивая плечами, еще и смеялась. Ведь подумают: пьяная баба. Но Ксюше не хотелось прятаться от людей, и прятать от них она ничего не хотела.

— Господи, да ведь я — копия Мерлены, — сказала себе Ксюша. — Копия! Стою и реву у всех на виду. Осудят ведь. А мне и хочется, чтоб осудили.

Она медленно повела пальцем по буквам, повторяя их торопливую вязь. И несколько, несколько не сомневалась, что это написано рукою Мерлены.

В купе громко и страстно философствовал попутчик.

— А это смотря какая правда! — кричал он на бедную медсестру. — За иную правду тебя проклянут, и сам ты себя проклянешь. Иная-то встанет поперек самой жизни, убьет в тебе последнего солнечного зайчика. Верно?

— Верно, — радостно согласилась Ксюша, не зная, о чем была речь.

— То-то! — воскликнул попутчик. — Не ведающего ошибок лекаря зовут мистер Время. Все дело в нем, сударыни, во времени. Оно любую запруду проточит и размоет. Завонявшие пруды твоего недолучшего прошлого течением унесет. Тогда только и ты оживешь от правды своей нечестивой.

Ксюша слушала, а руки у нее уже были заняты вязанием. Петля к петле, ряд к ряду.

Спицы сверкали, и в груди у нее жила, светясь, старая детская Африка. Постукивали тамтамы, и бегал туда-сюда слоненок с задранной хоботом, бегал и трубил:

— Мама, я тебя люблю!

— Ксюша, выпей с нами! — Медсестра сама налила ей в стакан.

А Ксюша вдруг подумала о том, что имена у них с дочерью шибко неодинаковые, Ксюша и Мерлена. Ксюша — это, конечно, Ксения, но ведь всю жизнь, всю жизнь она была для всех Ксюшей. А Мерлена-то и теперь уже Мерлена.

— Выпейте! За нас! — поднял свой стакан кандидат, обнимая медсестру свободной рукой.

Ксюша улыбнулась и покачала головой, не соглашаясь пить. Не до вина ей было.

«Мама, я тебя люблю!» — трубил и трубил слоненок в ее груди.

НЕМУР МАЛЬЧИК

Пьер НЕМУР

РОМАН

Перевод
с французского
Надежды НОЛЛЕ

ГЛАВА XVIII

Теперь все просто. Надо только сориентироваться, думает Мари-Клод, добраться до первой же деревни и там спросить, где находится ближайшая жандармерия.

Она сосредоточенно ведет фургон. Она не приехала к таким машинам, не без труда справляется с крутым поворотом и выезжает на узенькую, проходящую по лесу дорожку.

На расстоянии пятидесяти метров появляется встречная машина. Левая мигалка показывает, что и она собирается повернуть. Но куда еще она может свернуть, если не на дорогу, ведущую к дому, откуда только что выбрались Мари-Клод и Фабиен.

Мари-Клод осеняет: эта двигающаяся им навстречу машина принадлежит сообщникам оглушенного ею бандита. Они уезжали, а теперь возвращаются!

Все это Мари-Клод соображает в какие-то доли секунды, но не останавливает «рено», и тот несется прямо на машину, где сидят бандиты. В последний момент Мари-Клод видит, что встречный автомобиль остановился посреди узенькой дорожки. Она избегает столкновения, инстинктивно вывернув руль вправо. Фургон съезжает в траву, его заносит на рыхлой почве. Мари-Клод жмет на акселератор, чтобы выправить машину. Фургон объезжает автомобиль бандитов, выскакивает на асфальт, становится на него всеми четырьмя колесами, словно лошадь, едва удержавшая равновесие, и его заносит в другую сторону.

Стиснув зубы, Мари-Клод вцепляется в руль, стараясь выровнять вихляющую машину и выехать на середину дороги. Она не спускает ноги с акселератора. Мотор протестующе ревет, но покоряется.

— Их трое в машине. Я видел! — кричит Фабиен. Нет нужды объяснять ему ситуацию. Он все понял.

— Давай, Мари-Клод, — подбадривает Фабиен, сжав кулаки.

Фургон набирает скорость. Дорога снова делает поворот. В зеркальце заднего вида Мари-Клод видит разворачивающуюся машину.

Она не имеет ни малейшего представления о том, где находится. У дороги, которую они только что покинули, она машинально прочла надпись «Ле Дюш». Надпись сделана на узком прямоугольнике из дерева. Так обозначаются фермы или частные владения.

Теперь, когда она переключила на четвертую скорость и по-прежнему жмет на акселератор, у нее создается тягостное впечатление, будто машина не двигается, словно мотор «рено» сдерживает узду.

Рядом с ней Фабиен подпрыгивает на сиденье, будто танцует ритуальный танец индейца, завладевшего скальпом. У другого ребенка преобладал бы страх. Но не у этого, и его покровительница начинает воспринимать мальчугана как явление необычное.

— Не слишком-то радуйся. Они будут нас преследовать.

За одним поворотом следует другой, и Мари-Клод с трудом преодолевает его, вцепившись в руль. По обеим сторонам дороги растет высокая трава, в которой виднеются нежные цветочки — про такие поется в песенках. Взгляд Мари-Клод фиксирует все это автоматическим.

Дорога выпрямляется, выбираясь из леса на поле, засеянное пшеницей, молодые колосья которой колышутся на солнце от легкого ветерка. Надпись на указательном щите гласит: «Мордель: 2,4» — первая топографическая информация с того момента, как они совершили побег.

Мордель, несомненно, та деревня, которую Мари-Клод видит перед собой, чьи дома с коричневыми

черепичными крышами расположились вокруг квадратной колокольни из серого камня, покрытой шифером. Мари-Клод очень плохо знает Иль-де-Франс, и ей было бы трудно сказать, где находится эта местность: на север или на юг, на запад или на восток от Парижа.

— А что они нам сделают? — рассуждает Фабиен. — Не убьют же?

— Неизвестно. Теперь мы знаем, куда они нас привезли. Мордель легко отыскать на карте, — объясняет Мари-Клод. — Так что, понимаешь, мы станем очень опасны для них... Смотри... вот и они.

Фабиен тоже смотрит в зеркальце. Действительно, машина бандитов, потеряв несколько секунд при развороте, в свою очередь, выехала из леса, и теперь преследование начинается на открытой местности.

Выход один: остановиться в деревне, завидев людей, прибегнуть к их помощи. Бандиты не осмелятся устроить побоище.

Расстояние между машинами уменьшается. Мари-Клод выезжает в Мордель, не сбавляя скорости. К несчастью, деревня пуста. Владельцы вилл — в Париже, другие жители в поле или бог знает где, но, во всяком случае, не на улице. В панике Мари-Клод гонит фургон дальше вперед, оставив слева от себя площадь с церковью, где одинокий пес от нечего делать поднимает лапу у каждого платана.

Снова сады, огороды, потом поля и примерно через километр после левого поворота опять лес.

— Гони, Мари-Клод. Они приближаются, — сообщает Фабиен, не отрывая взгляда от зеркальца.

— Быстрее не могу, — в отчаянии произносит Мари-Клод.

Она тоже видит, что расстояние между ними и их преследователями сокращается.

Водитель она средний, опыта для участия в подобном родео у нее нет. К тому же фургон для такого состязания не приспособлен. Единственный козырь, которым она располагает, — это узкая дорога, где бандитам придется трудновато, если они захотят обогнать «рено».

Итак, Мари-Клод занимает середину дороги. Если они пойдут на обгон, им придется съехать в кювет: по обе стороны дороги проходят дренажные канавы.

На большой скорости они приближаются к выгнутому дугой мосту. Мари-Клод въезжает на него, не замедляя хода. Фабиен старается удержаться на сиденье. Ему кажется, что фургон становится на дыбы, отскакивая от узенького тротуара, идущего вдоль моста. «Рено» весь содрогается, но сохраняет устойчивость и преодолевает опасное препятствие. Пятью метрами ниже по автострате мчатся в обоих направлениях грузовики и легковые автомобили.

И сразу же фургон поглощает лес. Снова поворот, и перед выражом Фабиен вскрикивает:

— Они тоже переезжают мост! Они догоняют нас, Мари-Клод!

Она это знает, бедняжка, но пропускает слишком неожиданно появившееся разветвление какой-то лесной дороги. Надпись гласит: «Фонтенбло, 12 км».

Это оповещение звучит похоронным звоном в ее сознании. Она ни за что не продержится столько: бандиты следуют за ней по пятам. Мари-Клод кажется себе овечкой, за которой в лесу гонятся волки.

Дорога вновь становится узкой, неровной и извилистой. Каждый поворот — неизвестность. Вокруг высокие деревья, валуны, заросли папоротника и на фоне этого чарующего пейзажа спотыкающийся, вычерчивающий зигзаги фургон. Цепляясь за приборный щиток, чтобы удержаться, Фабиен подбадривает своего шофера, как некогда кучер дилижанса своих лошадей:

— Давай, Мари-Клод! Им нас не поймать.

Действительно, пока бандитам не удастся вплотную приблизиться к ним, но как только дорога

превращается в длинную прямую линию, положение снова осложняется. В довершение несчастья она расширяется. Теперь конец погони — дело нескольких секунд.

— Не давай им проехать! — вопит Фабиен. В зеркальце машина преследователей быстро увеличивается. Их тактика ясна: они хотят обойти фургон и заставить его остановиться. В тот момент, когда они начинают маневр, Мари-Клод не колеблясь берет влево. Несмотря на шум мотора, слышно, как визжат шины у автомобиля преследователей. Повторяется тот же маневр, но вправо. Фабиен вновь подскакивает от радости. Мари-Клод дышит легче. Если она продержится еще две-три минуты, они доберутся до предместий Фонтенбло.

В этот момент задняя дверца фургона звенит как гонг.

— Они стреляют, — вскрикивает Мари-Клод. Гонг звенит во второй раз, и с этой минуты все происходит очень быстро. На расстоянии семисот — восьмисот метров Мари-Клод видит окончание прямой линии и леса. Там появляется грузовик, кажущийся издали совсем маленьким. Бандиты вновь предпринимают попытку объехать фургон слева. Мари-Клод выворачивает руль и слышит скрежет железа.

Она старается выправить машину, но фургон теряет управление. Мари-Клод отчаянно вцепилась в руль. В течение нескольких секунд фургон напоминает неуправляемый снаряд, пушенный мимо цели. Встречный грузовик делается все больше.

Его водитель, видя «пьяный фургон», осторожно тормозит. Правым передним колесом «рено» съезжает в кювет, теряет устойчивость, опасно приближаясь к канаве. Фабиен кричит, испугавшись на этот раз по-настоящему, бросается к Мари-Клод, обхватывает руками, парализуя ее движения. Но это ничего не меняет, поскольку руль все равно не слушается.

Одним колесом фургон сбивает дорожный столбик, подпрыгивает, как скаковая лошадь, и тяжело падает на правый бок в канаву, подняв облако пыли и вырванной травы.

Водителю грузовика удается остановиться именно в эту секунду. Тыльной стороной ладони он машинально проводит по вспотевшему лбу.

ГЛАВА XIX

— Черт побери! Мальш и эта девка! — ругается Франк Арсюл, оказавшись перед фургоном.

Но он не успевает ничего сделать. «Рено», чуть не задев машину бандитов, проезжает мимо на полной скорости и исчезает в направлении к Морделю.

— Им удалось сбежать, — рычит Мюллер. — Надо их поймать.

Франк Арсюл не из тех, кто долго удивляется. Он разворачивает машину.

Выехав из леса, они видят фургон, чьи сигнальные огни зажигаются, когда Мари-Клод жмет на тормоз.

— Порядок, — говорит Мюллер. — Она ненамного ушла вперед. Надо догнать их до Морделя. Иначе она поднимет там шум.

— Ну и что? — Мюриэл опять подает голос. — Деньги мы получили, это главное. Так даже проще — не надо везти их на другой конец Парижа. Если хотите мой совет, ребята, дело сделано, надо быстро смятьваться.

В ответ на это предложение следует молчание. Франк Арсюл жмет на педаль, увеличивая скорость, чтобы догнать беглецов. Но автомобиль не первой молодости, он и так делает все, что может.

Деревня Мордель быстро приближается. Арсюлу, который знает эту местность, известно, что жандармерия здесь нет, и проклятой легавой в юбке, испортившей им все дело, помощи тут не найти. Он возвращается к предложению, высказанному Мюриэлом.

— Ты должна признаться, что сказала явную глупость, — говорит он с видом человека, которому известно куда больше, чем остальным.

Мюллер вынужден согласиться с Арсюлом и начинает сам объяснять ситуацию этой тупице Мюриэл.

— Ты разве не понимаешь, что теперь она знает, куда мы их привезли? Она приведет сюда легавых, и мы пропали. Не говоря о том, что она, наверное, видела рожу Бьянкири. И парень тоже. После всех наших стараний, чтобы нас опознали...

В очередной раз логика Мюриэл ставит его в тупик.

— Ну и что? Что вы сделаете, если их поймают? Пришьете? Вы соображаете, на что собираетесь идти ради двух миллионов?

В этот момент фургон, не остановившись в Морделе, выезжает на маленькую лесную дорожку, ведущую в Фонтенбло. На этом отрезке пути Арсюл может легко догнать беглецов, но замечание Мюриэла заставляет его задуматься. Его гложет червь сомнения.

Рисунок Вячеслава ТАРАКАНОВА

Однако с Мюллером дело обстоит иначе. — Не слушай, что она болтает, — советует он своему сообщнику. — Столкни их в канаву, подумают, что произошел несчастный случай.

Это, разумеется, решение проблемы. Стиснув зубы, не отрывая взгляда от дороги, Арсюл переезжает через небольшой мост, отстав от «рено» приблизительно на пятьсот метров. Он не догонит фургон, пока не закончится ряд коварных поворотов в лесу, но потом все будет просто.

— Не волнуйся, — говорит Мюллер. — Цыпочка сама сделает за нас всю работу.

Машина бандитов находится в двухстах метрах от фургона, когда тот идет на преодоление первой серии виражей. И преследователи становятся свидетелями захватывающего зрелища. Тяжелый фургон преодолевает повороты вопреки всем правилам вождения, по-сумасшедшему увеличивает скорость, нестает тормозит. Кажется, он вот-вот врежется в какой-нибудь огромный валун или свалится в овраг.

Однако каждый раз он каким-то чудом в последнюю секунду выпрямляется и атакует следующий вираж. Автомобиль бандитов приближается еще на несколько метров, но им мешает то, что повороты располагаются на спусках, и это лишает их легкую машину преимущества.

При выходе из последнего виража Арсюл пытается обойти «рено» с левой стороны. Но и фургон берет левее и загораживает ему дорогу.

— Вот стерва! — бесится Арсюл.

Резко затормозив, он пытается повторить маневр вправо, но фургон тут как тут, большой, неуязвимый.

При третьей попытке машина задевает фургон правым передним крылом. Тогда Мюллер достает свой револьвер 38-го калибра, некогда принадлежавший полицейскому.

— Ты совсем рехнулся. Брось, — умоляет Мюриэл. — Не делай этого. Это чересчур. Смотаемся с бабками. Нам хватит на месяцы, а потом чтобы найти нас...

— Заткнись! — приказывает Мюллер, опуская стекло.

Арсюл полностью согласен с Мюриэл, но его мужская гордость не позволяет трустить. Сжав челюсти, он ведет машину на расстоянии десяти метров от фургона, держа чуть влево, чтобы Мюллеру удобней было целиться.

Первая пуля попадает в нижнюю часть задней металлической дверцы фургона, прямо над табличкой с номерным знаком. Вторая — почти в то же место, но чуть левее.

На заднем сиденье Мюриэл судорожно цепляется за докторский чемоданчик, как за спасательный круг. Она на грани истерики.

— Ты и прицелишься толком не можешь, ничтожество! — вопит она. — Ты промазал бы и по слону, оказавшись с ним даже в коридоре!

Действительно, фургон продолжает свой путь. Благодаря тому, что Арсюл держится левой сторо-

ны, ему хорошо видна вся дорога. Вдалеке он замечает встречный грузовик.

— Прекрати! Все пропало! — произносит Арсюл.

Слишком поздно. Мюллер делится вновь, нажимает на спуск. Грохот выстрела и оглушительный хлопок, с которым разрывается простреленная шина, сливаются в один звук. Как будто великан толкнул фургон кулаком: он вздрагивает, клонится влево, с грехом пополам выпрямляется, катится вправо, окончательно теряет устойчивость, съезжает в кювет и, как раненное на смерть огромное животное, ложится на правый бок.

Цель достигнута, но встречный грузовик останавливается рядом с потерпевшим аварию фургоном. Докончить дело на глазах у водителя грузовика было бы чистым безумием.

Арсюл дает задний ход, чтобы взять разгон, жмет на педаль и на полной скорости пронесется между грузовиком и лежащим на боку фургоном.

ГЛАВА XX

— Фабиен! Ты не пострадал? Фабиен! Ты не ранен?

Мари-Клод Жанвье с помощью водителя грузовика не без труда выбирается из фургона через левую дверцу, открывающуюся прямо к небу.

У нее кружится голова, и она опускается на траву.

— Мальчик... Прошу вас, позаботьтесь о мальчике.

Шофер послушно карабкается по переднему колесу «рено», чтобы добраться до кабины. Когда он отправляется сегодня с грузом в Бос, он и думать не думал, что с ним приключится такое. Он заметил фургон, который кидало из стороны в сторону, а за ним — легкой автомобиль, тщетно пытавшийся его обогнать.

Шофер грузовика — настоящий профессионал, из тех мудрых и сознательных отцов семейства, которые, видя, что водитель встречной машины явно решил покончить с собой, осторожно отъезжают в сторону. И в это утро он не изменял своим правилам. Он снизил скорость и прижался, насколько возможно, к правой стороне дороги. Потом он увидел, как фургон качнулся и свалился в канаву.

Водитель грузовика даже не успел сообразить, в чем дело, как мимо него пронесся серый автомобиль, насколько он мог запомнить цвет — если только не бежевый, — и скрылся в направлении Фонтенбло так быстро, что он и не пытался запомнить номер.

— Ну и кретин! — лишь прошептал он.

Но, оставаясь профессионалом, он высочил из кабины и устремился к потерпевшему аварию фургону.

Он подошел как раз в тот момент, когда из кабины показалась девушка в синем костюме, с непокрытой головой. Он помог ей выбраться. До того, как потерять сознание, она успела крикнуть: — Мальчик, позаботьтесь о мальчике!

Шофер сразу же замечает мальчика, скорчившего-

ся у правой дверцы, той, которая прижата к земле. Это мальчик лет десяти в бархатных брючках и курточке. У него светлые, коротко остриженные, выющиеся волосы. Из раны на голове сочится кровь.

Шофер пробирается вдоль сиденья к мальчику, обхватывает его за туловище и тянет на себя, цепляясь за руль свободной рукой. Мальш испускает стон, он не шевелится. Шофер дотаскивает его до руля и, упираясь в подножку фургона, продолжает тащить дальше. Фабиен открывает глаза, стонет, но инстинктивными движениями помогает шоферу. Он снимает мальчика и сажает на траву.

— Мари-Клод! — вскрикивает Фабиен. — Мари-Клод, ты ранена?

— Она отключилась, твоя Мари-Клод, — объясняет шофер. — Но и тебе, мальш, досталось. Он осматривает рану у Фабиена на голове. Она еще кровоточит, и волосы слиплись от крови.

— Подожди, у меня в грузовике есть все, что надо. Через минуту шофер возвращается с флягой, наполненной водой, и с аптечкой. В это время Мари-Клод приходит в себя и, увидев склоненное над ней окровавленное лицо мальчугана, испускает крик:

— Боже мой, Фабиен!

— Не волнуйтесь так, — говорит шофер. — Лучше помогите промыть рану. Я думаю, ничего серьезного.

Дрожжащими руками Мари-Клод смоченной в воде ватой вытирает Фабиену лицо, промывает большую ссадину на лбу.

— Надо будет сделать рентген, — советует шо-

фер, — но, я думаю, ему наложат один-два шва, и он отделается хорошенькой шишкой. Скажите... а что такое с вами стряслось?

Мари-Клод Жанвье проводит рукой по лбу, словно стирая в памяти последние кошмарные видения. Она впервые поднимает взгляд на стоящего перед ней мужчину лет сорока в темно-коричневом комбинезоне; он смотрит на нее с явной симпатией. Мари-Клод оглядывает себя. Форменный жакет — она так тщательно следит за своей формой — порван на плече. У юбки получился сбоку разрез, сквозь который видны спущенные петли на колготках. Мари-Клод чувствует, что чего-то ей не хватает. Нет сумки. Она карабкается в фургон, находит сумку на полу кабины, достает свое удостоверение и показывает его шоферу грузовика.

— Я служащая полиции Жанвье, — заявляет она с некоторой торжественностью. — А это Фабиен Лефевр.

Шофер вытирает руку о комбинезон и машинально представляется:

— Очень приятно. А я Вандам. Альбер Вандам. Внезапно до него доходит:

— Черт побери! Мальш Лефевр? О котором целый день говорят по радио и телевидению? Сын хирурга... Тот, которого похитили? А вы, значит, Мари-Клод... Надо же, подумать только... И, значит, они вас освободили?..

— Освободили? — возмущается Фабиен. — Ничего ты не понимаешь. Мы удрали, вот. Правда, Мари-Клод?

— Да, — подтверждает молодая женщина. — Та машина сзади гналась за нами. Если осмотрите фургон, увидите следы пуль. Они в нас стреляли и, я думаю, попали в шину. Поэтому фургон и перевернулся.

— Это они, значит, удрали на полной скорости? Надо же, а я даже не запомнил номер... — сокрушается шофер.

— Не это главное. Сейчас надо позаботиться о Фабиене, — заявляет Мари-Клод. — Вы можете подвести нас до ближайшей деревни?

— О чем разговор! — с готовностью отвечает Альбер Вандам. — Я отвезу вас в Фонтенбло, да. Легавые... о, простите!.. позаботятся о вас. Тут дело нескольких минут. Пойдемте.

Все втроем они усаживаются в кабину, и грузовик разворачивается. Фабиен сидит между шофером и Мари-Клод.

— Мари-Клод... У меня болит голова.

При мысли о том, что у Фабиена может быть сотрясение мозга, ее охватывает паника, но она старается успокоить мальчика.

— Ничего, это из-за раны. Ты ударился о дверцу. Тебе сделали рентген и перевязали. И все будет в порядке, мой милый.

Он прижался к ней. Она обнимает его за плечи.

— Как ты меня назвала? — спрашивает он.

Мари-Клод обнимает его крепче, целует в волосы.

— Мой милый, — повторяет она.

В полном восторге Фабиен улыбается:

— Кажется, еще никто не называл меня «мой милый».

Когда Альбер Вандам останавливает грузовик и высаживает своих пассажиров, в жандармском отделении Обелиск поднимается переполох. Жандарм, которому Мари-Клод называет свое имя, становится перед ней по стойке «смирно», отдает честь и бежит за сержантом. Звонят начальству. Фабиену наскоро делают перевязку.

— Значит, они вас отпустили? — спрашивает сержант.

— Шиш! — кричит Фабиен. — Теперь все они станут говорить, что нас отпустили. Нет, это неправда! Мы сбежали. Это Мари-Клод все сделала, и она убила бандита.

— Вы убили бандита? — в изумлении переспрашивает сержант.

— Нет... гм... то есть... Послушайте, лучше бы туда съездить...

Такого же мнения придерживается появившийся тем временем капитан Дезорм, начальник местной жандармерии.

— Мадемуазель Жанвье, — произносит он светским тоном, — счастливы вас видеть, а также похищенного молодого человека. Но... он ранен...

— Нет, я не ранен, — поправляет его мальчуган. — Простая царапина. И они нас не отпускали. Мы сами сбежали. Благодаря Мари-Клод. Она убила бандита.

— В самом деле? — в свою очередь, удивляется офицер. — Вы должны рассказать мне об этом.

— Конечно, капитан, но я предпочла бы рассказать вам все на месте. Нас прятали недалеко от деревни, которая называется Мордель.

— Знаю. Сейчас едем. Пусть начальник отделения в Ла-Шапель-Ла-Рен присоединится ко мне в Морделе, а следственная группа следует за мной. Надо обеспечить подкрепление. Эта история надевает шуму. Что касается мальчика, отвезите его в больницу, там о нем позаботятся как следует.

— Ни за что! — топает ногой Фабиен. — И еду с вами. Я не брошу Мари-Клод.

— Я думаю, мы можем взять его с собой, капитан, — уверяет молодая женщина пребывающего в нерешительности Дезорма.

Несколько минут спустя они едут по направлению к Морделю в служебной машине офицера, за рулем которой сидит жандарм. Мари-Клод в общих чертах рассказывает о победе.

— Ты был видел... — вмешивается Фабиен. После того, как взрослые вынудили его вступить в их мир насилия, он ко всем к ним без исключения обращается на «ты». — Мари-Клод взяла табурет, и трах! Она убила его с первого удара.

— Фабиен, замолчи! — приказывает молодая женщина. — Я очень надеюсь, что не убила его.

Ей не дает покоя ужасная мысль: она убила человека, лишила его жизни! Ей кажется, что угрызения совести будут мучить ее всегда. Капитан, прекрасно понимая ее состояние, старается успокоить Мари-Клод.

— Не переживайте так, — утешает он ее. — Прежде всего мне кажется маловероятным, чтобы этот тип умер от одного удара табуретом. Но, с другой стороны, даже если и так, вам не в чем себя упрекнуть. Вы находились при исполнении служебных обязанностей и руководствовались самыми высокими мотивами. Человек, который способен ради денег похитить ребенка, ничего иного и не заслуживает.

Они проезжают мимо лежащего на боку фургона, и капитан по радиотелефону дает необходимые указания, чтобы приехали осмотреть машину. Затем следует серия виражей, мост через автостраду, и Мордель, все такая же пустынная. У выезда из деревни едущая им навстречу жандармская «эстафета» сигнализирует фарами. Капитан Дезорм дает ей знак развернуться и следовать за ним.

— Осторожно, мы подъезжаем, — предупреждает Мари-Клод, когда машина вновь въезжает в лес.

— Первый налево... сюда, — добавляет Фабиен, не желая оставаться в стороне от плана.

— Езжайте потихоньку. Никогда не знаешь... — говорит капитан водителю.

Машина сворачивает на асфальтовую дорогу, преодолевает белый шлагбаум, останавливается у раскрытых настежь ворот гаража. За ней тормозит «эстафета». Из нее выскакивает начальник отделения в Ла-Шапель-Ла-Рен и приветствует своего шефа.

— Здравствуйте, Бросар, — протягивает ему руку капитан. — Пошлите своих людей на разведку, но пусть будут поосторожней. Вы знаете этот дом?

— Да, мой капитан, — отвечает жандарм. — Это имение Патюрель. Вилла торговцев из Парижа. Но они переселились на Лазурный берег, и теперь дом продается.

Такую информацию, точную и исчерпывающую, может дать лишь жандарм, который знает вверенный ему сектор как свои пять пальцев. Капитан одобрительно кивает.

— Хорошо. Вы останетесь со мной. Мадемуазель... Простите, полицейский Жанвье покажет нам место своего заточения.

— Это здесь! — кричит Фабиен, устремляясь к двери, ведущей на лестницу. — Идите за мной!

— Эй! — окликает его капитан. — Подожди нас. Впереди должны идти жандармы. Этому тебя не научили? Послушайте, — обращается он к Мари-Клод, — он ничего не боится, этот мальчонка.

Мари-Клод озабоченно морщит лоб.

— Он и так был чересчур развит для своего возраста, а эта история, боюсь, сделает из него взрослого человека, — говорит она.

Вынув на всякий случай револьвер, начальник отделения осторожными шагами поднимается по лестнице. Он без приключений добирается до второго этажа и знаком зовет капитана.

— Тело... окровавленное... — лаконично докладывает он.

Дрожа от ужаса, Мари-Клод, в свою очередь, поднимается по ступенькам следом за Фабиеном, который пританцовывает от нетерпения. Еще нет одиннадцати утра. Прошло ровно пятьдесят минут с того момента, как она оглушила бандита, а он все лежит на том же месте.

Когда она подходит к порогу комнаты, Бросар стоит, склонившись над Бьянкари. После удара тот упал ничком, но перевернулся и теперь лежит на спине. На дешевом коврике возле его головы подсохшее кровавое пятно. Сквозь прорези серого капюшона видны закрытые глаза.

— Он... он умер? — спрашивает Мари-Клод, чуть не падая в обморок.

Быстро осмотрев бандита, жандарм выпрямляется.

— Нет, — говорит он. — Сердце бьется. Дыхание тяжелое, но правильное. Здорово его оглушили. Я не удивлюсь, если у него проломлен череп.

Из груди Мари-Клод вырывается вздох облегчения. Только Фабиен не скрывает разочарования.

— Вот тебе и на, — презрительно говорит он. — Ты промахнулась.

Дальше все происходит в соответствии с полицейскими правилами. В комнате, где стоит незастеленная кровать и валяется разбитая при падении Бьянкари посуда, они ждут фотографа и криминалистов для снятия отпечатков пальцев.

После того как сделаны снимки, приехавший на «Скорой помощи» из больницы в Фонтенбло врач осторожно снимает с раненого бандита капюшон. Появляется бледное, заросшее щетиной, малосимпатичное лицо Бьянкари. Его тоже фотографируют, снимают отпечатки пальцев. Фабиен с интересом наблюдает за всеми этими операциями, но спустя полчаса начинает скучать и спрашивает:

— Скажи, Мари-Клод, когда мы уйдем отсюда? Ты уже сделала за них всю работу, мы им больше не нужны.

Во дворе и на аллее автомобилей прибавилось: подъехали машины жандармерии, «Скорая помощь», идут активные радиопереговоры.

— Надо дожидаться комиссара, которому поручено расследование, — объясняет Мари-Клод. — Он выехал из Парижа больше получаса назад. Скоро приедет.

В самом деле, узнав о возвращении обоих заложников, комиссар Кро и его помощник Видалон тотчас кинулись к полицейской машине. С воем сирены в сопровождении двух мотоциклистов они помчались к южной автострате.

Тяжело у него на душе, у знаменитого комиссара. Он не смог помешать уплате выкупа, сумма которого, как признался доктор Лефевр, составила два миллиона. Но у него была надежда поймать похитителей, разработавшая свою линию об осведомителе, принадлежащем к кругу знакомых мадам Лефевр. И что же? Эта бабенка-полицейский умудряется освободить себя и мальчишку. Сама, без всякой помощи. Немыслимо! Хорошо же выглядит в этой истории управление по борьбе с бандитизмом. Паскаль Кро близок к тому, чтобы обвинить Мари-Клод Жанвье в самоуправстве. Особенно когда ему сообщают по радиотелефону из жандармерии все подробности и он, как и другие, некоторое время пребывает в уверенности, что молодая женщина убила одного из бандитов.

В довершение всего, к кому она явилась доложить обо всем об этом? К жандармам, которые, разумеется, как обычно, будут теперь выпендриваться. Будто она не могла обратиться в местный уголовный розыск. Так нет, именно к жандармам! У этих полицейских в юбке нет даже чувства профессиональной солидарности.

Тридцать пять минут от Ке-дез-Орфевр до Фонтенбло... По дороге к эскورتу комиссара присоединяются два жандарма на мотоциклах, чтобы сопроводить его до Морделя и в «Ле Дюш». То, что он видит, приехав на место, окончательно выводит его из себя. Повсюду жандармы. Окрестный лес буквально кишит ими. Шесть машин жандармерии, не считая «Скорой помощи». Значит, раненого еще не увезли.

Всей этой кажущейся суматохой руководит офицер с тремя галунами. Полицейский представляется ему.

— Рад видеть вас, господин комиссар, — сердечно приветствует его капитан Дезорм. — Это дело как с неба на нас свалилось, но мы постарались как могли...

— Не сомневаюсь, — кисло отзывается Кро.

— Разумеется, все собранные нами данные в вашем распоряжении. Хотите сразу же встретиться с заложниками или осмотрите вначале помещение и раненого?

— Мы разделимся, — решает Кро. — Видалон, пойдй взгляни на раненого, а я займусь мальшом и этой... Жанвье.

ГЛАВА XXI

Комиссар Кро застаёт своих «клиентов» в «эстафете» за игрой в слова. Жандарм, дежурный у радиотелефона, с некоторым удивлением наблюдает за ними. Комиссар находит, что Мари-Клод красива до неприличия. Правда, ее синяя форма утратила свой безукоризненный вид во время аварии, но Мари-Клод с грехом пополам удалось привести ее в порядок в отделении жандармерии. Мальчик — у него перевязана голова — внушает ему инстинктивное недоверие, которое он испытывает к детям богачей, взвращенным на остальных людей свысока.

— Комиссар Кро, — представляется полицейский. — Я руковожу расследованием вашего похищения. Мадемуазель...

— Полицейский Мари-Клод Жанвье, — поправляет она, но улыбка смягчает некоторую агрессивность ее тона. — Рада познакомиться с вами, господин комиссар.

Несмотря на все свое недовольство оттого, что у него из-под носа увели крупное дело, Кро не может устоять:

— Хочу поблагодарить вас от имени всей полиции за проявленную храбрость и инициативу...

— Ты дашь ей орден, а? — прерывает его Фабиен. — Мари-Клод — молодец! Она переплюнула всех этих девиц, которых показывают в фильмах по телевизору.

— Не волнуйся, Фабиен, она получит награду, — заверяет комиссар. — А ты как, не очень испугался?

— Нет, а чего бояться? — отвечает он с некоторым вызовом. Но честно добавляет: — Думаю, что без Мари-Клод я бы все-таки немножко испугался.

— Фабиен вел себя необыкновенно мужественно, — говорит Мари-Клод. — Особенно когда мы решили бежать. После того, как мне стало ясно, что бандитов всего четверо и что трое из них отправились за выкупом, оставив с нами одного, мы решили попытаться счастливо... Правда, бандиты вернулись, когда мы уезжали. Тут дело чуть не обернулось плохо. Если бы не водитель грузовика, который подъехал как раз вовремя и отвез нас потом в жандармерию...

— Вы им сделали отличный подарок, жандармам, — замечает Кро с улыбкой, в его тоне звучит легкая горечь. — Но в итоге... Все хорошо, что хорошо кончается. Однако на процессе возникнет интересный вопрос: что бы они сделали, если бы не появился шофер грузовика? Возможно, они бы вас ликвидировали, чтобы вы не могли их опознать.

— Именно так я и думала, — признается Мари-Клод, вздрагивая от одной мысли об этом.

Но тут к комиссару присоединяется Видалон.

— Я знаю этого типа, — сообщает он. — Некий Бьянкари. Впрочем, жандармы нашли в доме и его документы. Это мелкий мошенник, специализирующийся в краже автомобилей. Одно непонятно, как он попал в эту компанию.

— Они, наверное, взяли его, чтобы украсть машину дипломата, — предполагает комиссар. — Скоро он сможет говорить?

— Как только придет в себя, будет в нашем распоряжении. Я поеду с ним в больницу в Фонтенбло.

— О'кей, — соглашается комиссар, потирая руки. — С этого момента расследование опять ведем мы. Мадемуазель и ее приятели жандармы слегка обошли нас, но мы доведем дело до конца с честью, поверь мне.

Мари-Клод Жанвье поднимает палец, словно прилежная ученица.

— Расследование, несомненно, очень важно, — говорит она, — но не важнее ли поскорей успокоить родителей Фабиена и отвезти его домой?

— Не беспокойтесь, коллега, — успокаивает ее комиссар. — Родителям уже сообщено о благополучном завершении этой истории, и я сейчас отвезу вас в Париж. Видалон, ты останешься здесь, чтобы обеспечить связь с жандармами. Брекар и остальные уже едут сюда и присоединятся к тебе. Они должны появиться с минуты на минуту. Пусть Бьянкари перевезут в Париж, как только проведешь первый допрос.

Еще добрых четверть часа уходит на то, чтобы попрощаться с капитаном жандармерии и сделать все необходимое для передачи следствия.

В машине комиссара, направляющейся в город, воцаряется гнетущая тишина. Сидящей на заднем сиденье вместе с Фабиеном Мари-Клод ясна причина этого молчания: мальчик дуетя в своем углу.

Желая завязать беседу, Кро обращается именно к нему.

— Ты знаешь, Фабиен, — говорит он, — у папы и мамы будет много народу. Все журналисты уже в курсе дела. Они ждут тебя дома. Ты устроишь настоящую пресс-конференцию.

— Чихать мне на это, — мрачно отвечает мальчик. — Я не хочу домой.

Полицейский чуть не подсакивает на сиденье. — Ты не хочешь возвращаться домой? А чего же ты хочешь?

— Я хочу остаться с Мари-Клод.

Кро в изумлении поворачивается к молодой женщине.

— Ну, снимаю шляпу, — шутит он. — Должен ли я привлечь вас за совращение малолетних?

— Все это не так просто и не так смешно, комиссар, — говорит Мари-Клод. И обращается к Фабиену: — Послушай, милый, я знаю, о чем ты думаешь, чего ты боишься, но ты ведь мужчина. За последние двадцать четыре часа ты доказал это. Значит, ты будешь вести себя как мужчина. Надо вернуться домой и в школу и учиться лучше всех.

— Почему? — спрашивает он сварливым тоном.

— Ну, прежде всего потому, что такова жизнь, твоя жизнь. Затем потому, что твои родители после этого происшествия уже никогда не будут прежними. Они едва не потеряли тебя и теперь поняли, что ты значишь для них.

— Ага... два миллиона.

— Не будь злым. Они так переволновались, теперь они будут внимательны к тебе. Твой папа будет

проводить дома больше времени, а мама — реже уходить. Вот увидишь. Другая будет жизнь.

— Ну, и что еще?

— Еще? Что ты хочешь сказать?

— Ну, ты сказала «прежде всего» и «затем».

Разве не будет «наконец»?

Мари-Клод чувствует, что краснеет, ей неудобно отвечать перед комиссаром.

— В самом деле, есть и третья причина, — говорит она. — Ты сделаешь это, чтобы доставить мне удовольствие. Ведь мы еще увидимся, мой милый. Если твои родители позволят, мы будем с тобой гулять по средам или воскресеньям. Я хочу гордиться тобой. Вот третья причина.

Фабиен сует ладонь в руку Мари-Клод, кладет голову ей на плечо.

— Если хочешь, — соглашается он покорный.

Комиссар Кро охотно бы выразил вслух восхищение ее педагогическим талантом, но чувствует, что это неуместно. Про себя комиссар решает как можно быстрее побеседовать с Мари-Клод про то, что ей удалось узнать об атмосфере, царящей в семье Лефевр.

Громко сигнала, два мотоциклиста прокладывают дорогу автомобилю комиссара Кро на улицу Берже. Этот оживленный, но мирный квартал давно не был свидетелем подобного спектакля. Приехали автобусы телевидения, каждая программа прислала свой. Каждая из радиопрограмм тоже прислала машины, которые вели прямую трансляцию с места действия. Все мало-мальски значительные агентства печати и ежедневные газеты направили сюда репортеров. В обоих концах улицы внушительные силы полиции проверяют у журналистов документы. Они повсюду, вплоть до лестниц дома № 45 и балконов домов напротив.

Доктор Лефевр вернулся домой в десять часов и здесь узнал новость одновременно с женой, напустившей на себя вид такого строгого достоинства, что друзьям мадам Лефевр трудно было бы ее узнать.

Новость сообщил по телефону комиссар Кро, как только сам узнал о ней и перед тем, как отправиться в Фонтенбло.

Появление главных участников событий вызывает необычайное оживление в собравшейся на улице Берже толпе. От лифта приходится откatzаться, а двое стражей порядка вынуждены как следует поработать плечами, чтобы дать возможность Фабиену и Мари-Клод добраться до четвертого этажа. На лестничной площадке третьего мальчик останавливается. Через несколько мгновений он встретится с родителями в свете прожекторов, перед телекамерами, под огнем блицев десятков фоторепортеров, перед включенными диктофонами.

— Мари-Клод, — говорит Фабиен, глядя ей прямо в глаза, — ты клянешься, что не бросишь меня?

У нее наворачиваются слезы, когда она отвечает.

— Клянусь тебе, мой милый.

Она хорошо знает, что бы он сделал в противном случае. Он рассказал бы всем о своей жизни, жизни разочарованного ребенка, от имени детей, чье детство принесено в жертву на алтарь общества потребления.

Комиссар Кро лишь догадывается о серьезности краткого диалога и ускоряет движение. Еще один этаж. Дверь квартиры Лефевров раскрывается настежь. Вслед за комиссаром, Фабиеном и Мари-Клод врывается толпа журналистов. Их усилие окупаются сполна. Доктор Лефевр заключает сына в объятия, тогда как Арлетта считает нужным упасть в обморок. Ненадолго. Португалька Флора рыдает от радости. И даже самые прожженные журналисты чувствуют себя взволнованными.

Когда, наконец, в 13 часов толпа, напичканная всеми деталями похищения, побега, погони, исчезает, Лефевры пыгаются удержаться Мари-Клод на обед. Но она чувствует себя невероятно усталой, грязной, оборванной и мечтает лишь о том, чтобы очутиться в одиночестве в своей квартирке. Паскаль Кро оставил специально для нее машину.

Фабиен провожает Мари-Клод до лифта.

— Это точно, а? Ты ведь поклялась...

Она повторяет клятву тем более охотно, что дает ее от всего сердца.

— Клянусь, Фабиен. Что бы ни случилось, теперь я все равно никогда не смогу тебя бросить.

ГЛАВА XXII

В среду Фабиен проводит всю вторую половину дня вместе с отцом в больнице, где подвергается всевозможным обследованиям, которые подтвердили диагноз жандарма из Фонтенбло: его злоключенная стоили ему ссадины и здоровой шишки. Впервые за долгое время ребенок провел этот вечер с родителями, а мать сама уложила его в постель. Чрезмерной радости он при этом не проявил, и ни доктор, ни его жена не смогли преодолеть некоторой натянутости, возникшей между ними, как если бы к

ним на каникулы приехал посторонний маленький школьник.

В обеденный час в больнице Фонтенбло приведенный в чувство, перевязанный, подлатанный Бьянкари, несмотря на серьезную травму черепа, давал подробные показания старшему офицеру полиции Видалону. Он назвал имена своих сообщников Франка Арсюла, Мюриэл Анго, Робера Мюллера, утверждая в свою защиту, что дело было безобидным и что никакая опасность юному Лефевру не грозила. Он с горечью распространялся об усердии Мари-Клод Жанвье, которая, по его мнению, влезла не в свое дело, и о своих сообщниках, которые, не доверяя друг другу, оставили его одного в «Ле Дюш» с опасным полицейским и этим маленьким дьяволенком.

Остальные трое были арестованы в тот же вечер: Мюллер и Анго — в аэропорту Орли, откуда они собирались лететь в Пальма-де-Майорка, Арсюл — у бельгийской границы на автострате Париж — Брюссель. С самого утра все пограничные пункты на территории страны были под наблюдением.

Допрос Арсюла, который комиссар Кро вел, как и обещал, со всей строгостью всю ночь, подтвердил теорию полицейского. Красавчик Франк, плейбой по призванию и жиголо при случае, участвовал в нескольких вечеринках у мадам Некар, супруги неприкосновенного промышленника. В этом развращенном, но надежно защищенном обществе он занимался мелким шантажом, был наводчиком в двух или трех удавшихся ограблениях. Потом решил организовать дело самостоятельно, воспользовавшись сведениями, которые собрал о жене доктора Лефевра.

План, предусматривавший получение выкупа сравнительно скромных размеров, был бы осуществлен, как и предполагалось, за двадцать четыре часа, если бы не неожиданное вмешательство Мари-Клод Жанвье. Ребенок собирался привезти до полудня к месту, расположенному недалеко от полицейского комиссариата Кретей.

Побег пленников испортил все дело, поскольку само место их заточения, которое могла разыскать потом Мари-Клод Жанвье, выдавало Арсюла: он был племянником Патюрелей, владельцев «Ле Дюш», и маклер, занимавшийся продажей имущества, знал, что у Арсюла есть ключи от дома и от гаража.

В пятницу в присутствии многочисленных представителей прессы и администрации министр внутренних дел, довольный возможностью подновить блеск мундира своей полиции, лично вручил Мари-Клод кавалерский орден «За заслуги», которым ее наградила президент республики.

В воскресенье полиция потихоньку вернула доктору Лефевру его два миллиона, на всякий случай поставив в известность налоговое управление, чтобы оно изучило последние представленные хирургом сведения.

Понедельник, 1 мая, — еще один выходной. А во вторник ровно в восемь часов утра Мари-Клод стоит на своем посту у школы Сен-Блез.

Движение на улице Монсо более интенсивное, чем обычно, поскольку многочисленные автомобилисты специально проезжают здесь, чтобы взглянуть на Мари-Клод и помахать ей рукой. Она гораздо красивей, чем на фотографиях, и в новенькой форме. На груди ее голубая орденская лента. Когда она, улыбаясь, выходит на дорогу, чтобы, подняв правую руку в белой перчатке, остановить машины, ей подчиняется вся улица.

Дети радостно здороваются с ней, родителижимают руку, но взгляд Мари-Клод обращен к противоположному тротуару, в сторону парка Монсо.

В 8 часов 25 минут на авеню Рюисдаль появляется Фабиен Лефевр. Он шагает так быстро, что Флора вынуждена бежать за ним. Тогда Мари-Клод останавливает движение — впрочем, все только этого и ждут — и идет мальчику навстречу.

А он, Фабиен, совсем не прочь — в этом возрасте все любят быть в центре внимания — поцеловать ее под аплодисменты толпы. Провожая его до дверей школы, Мари-Клод с тревогой спрашивает:

— Ну что, как дома? Все, как я тебе говорила?

— Пфф... — фыркает он, пожимая плечами. — На уик-энд мы ездили к бабушке с дедушкой. Вчера вечером папа с мамой ругались. Негромко, но мне в моей комнате было слышно. Сегодня утром папа очень рано уехал в больницу, а мама еще не вставала. Все так же, как раньше.

Следующие слова он произносит, как настойчивую просьбу:

— Скажи, Мари-Клод, правда, на каникулы ты повезешь меня к себе домой в Перигор?

Во дворе школы звенит звонок.

— Конечно, — говорит она, и сердце ее сжимается. — Я ведь поклялась.

Она смотрит, как исчезает в дверях маленькая фигурка — малыш, у которого не осталось иллюзий.

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

СКОЛЬКО ЛЕТ ХЛЕБУ?

Хлеб много старше египетских пирамид. В одном из музеев Цюриха, к примеру, экспонируется хлеб, возраст которого, по оценке археологов, превышает шесть тысяч лет. В городском музее Нью-Йорка хранится более «свежий» каравай, выпеченный 3400 лет тому назад. В античной Греции пекари пользовались особым почетом, а в Древнем Риме раб, владевший тайнством выпечки хлеба, стоил в десять раз дороже опытного гладиатора.

«ШВАЙЦЕР ИЛЛЮСТРИТЕ»,
ШВЕЙЦАРИЯ

«Летающий бидон»

Этот маленький летательный аппарат называется «Уосп», что означает «оса», и походит на бидон. Он легко пилотируется, взлетает и приземляется вертикально, может летать на высоте до 300 метров и развивать скорость до 100 километров в час. Одной и той же ручкой регулируются высота и скорость. Маленький аппарат имеет то преимущество, что способен достигать пунктов, недоступных для вертолетов. Его недостатки: ограниченное время полета (всего полчаса) и сильный шум, который он создает. Мотор приводится в движение турбиной, расположенной в ногах пилота. Первые испытания аппарата проведены в штате Джорджия. Летающая «игрушка», по мнению специалистов, может иметь различное практическое применение.

ПАРАЛЕЛИ», БОЛГАРИЯ

Новости в кошачьем семействе

Сколько существует различных пород кошек? На международной ярмарке в Париже их было представлено 700+1: семьсот уже известных и одна новая, каких еще не существовало. На снимке вы видите симпатичного представителя кошачьей породы «Скоттиш Фолд», выведенной в Шотландии. Приметы ее таковы: необычные торчащие вперед маленькие ушки, желто-коричневая полосатая шкурка и, как утверждают, удивительная даже для кошек привязчивость к человеку.

«ШТЕРН», ФРГ

Дуб Робин Гуда

Знаменитый на всю Англию, неоднократно упоминавшийся в романах Вальтера Скотта могучий 500-летний дуб, который, по преданию, служил убежищем Робин Гуду, выстоял против пожара. Огонь быстро распространился по территории Национального парка в Ноттингеме. Подоспевшие пожарники, окружив дерево плотным кольцом, восемь часов сдерживали огненную лавину. Благодаря их усилиям древняя реликвия графства не пострадала и по-прежнему будет служить объектом паломничества.

«ТАЙМС»,
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

ДЕЛЬФИНЫ- ФОТОГРАФЫ

Американские исследователи пытаются воплотить в жизнь идею приобщения дельфинов к подводному фотографированию. Специальные кинокамеры с дистанционным управлением закрепляются на спине этих умных морских животных. Дельфины могут производить подводные съемки в местах, недоступных аквалангистам. Дело в том, что, используя свои феноменальные способности к ориентированию, дельфины легко обнаруживают подводные гроты, пещеры, коридоры и могут снимать там. Если пленка закончилась, дельфин подает специальный сигнал, и он возвращается на базу за новой кассетой.

«РИДЕРС ДАЙДЖЕСТ»,
США

ВЕК ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ

В последнее время человечество занимается изобретательством с особым усердием. Таково единодушное мнение ораторов, выступивших на открытии II международного Женевского салона изобретателей. По подсчетам экспертов, в 1981 году зарегистрировано 300 тысяч изобретений — на 100 тысяч больше, нежели годом раньше.

Салон-82 представил на суд посетителей около тысячи новинок. Значительная их часть воплощает идеи использования альтернативных источников энергии, уменьшения загрязнения окружающей среды, совершенствования двигателя внутреннего сгорания. Вот некоторые из экспонатов: складное «солнечное» зеркало, в фокусе которого можно кипятить воду, варить и печь что угодно, пользуясь обычной посудой; обыкновенная на первый взгляд черепица, представляющая собой солнечный коллектор; кран, вода из которого льется только тогда, когда под ним находится какой-либо сосуд или сложные ковшиком ладони... И так далее и так далее.

«ЮНГЕ ВЕЛЬТ», ГДР

БАРОНЫ- ЖУЛИКИ

«Светская хроника»: в один и тот же день арестованы две титулованные особы — барон и баронесса. Она — американка Стефания фон Корриес в возрасте 47 лет, задержана в Женеве. Он — француз Хубер Айкер, 48 лет, попался в Париже. Их обвиняют, в частности, в ограблении и похищении перстня с бриллиантом (42 карата), одним из красивейших в мире, у мексиканского промышленного магната Хуго Салиннаса-и-Роча. Бриллиант оценивается в два миллиона долларов. Дело было так: когда супруги Роча находились в гостинице, к ним в номер ворвались двое грабителей в масках. Угрожая применением оружия, они забрали все деньги и драгоценности, среди которых находился и бриллиантовый перстень. Титулованную пару часто встречали в самых фешенебельных отелях и ресторанах Парижа, Нью-Йорка, Французской Ривьеры. Наконец бароны попались. Обвинение, предъявленное им, содержит весьма впечатляющее число пунктов.

«РОМЫНИЯ ЛИБЕРЭ»,
РУМЫНИЯ

Метро для Варшавы

Самое старое в мире метро находится в Лондоне, где первая подземная трасса была проложена еще в 1863 году. На европейском континенте старейшим является метро в Будапеште. Больше всего пассажиров — свыше шести миллионов в день — перевозит московское метро. Всего в настоящее время в мире метро имеется в 71 городе, а в пятнадцати других ведется строительство подземных линий.

Вскоре в этот список войдет и Варшава. Строительство метрополитена начинается в 1983 году. Подземная трасса пройдет через наиболее плотно заселенные районы города от металлургического завода «Варшава» до жилого района «Натолин». В настоящее время геодезисты проводят трассировку всех 23 станций. Реализация обширной программы строительства, стоимость которого оценивается в сто миллиардов злотых, будет производиться при помощи Советского Союза.

Экономисты считают, что все расходы на строительство метрополитена в Варшаве окупятся за семь лет. Объем перевозок этого современного вида подземного транспорта составит 80 тысяч человек в час в обоих направлениях. Более чистый воздух в городе, снижение уровня шума, экономия времени и другие преимущества и удобства — все это принесет метро жителям польской столицы.

«РАЗЕМ», ПОЛЬША

Гиганты из моря

Необыкновенное открытие сделал итальянский аквалангист Стефано Мариоттини. Отдыхая на побережье Ионического моря, близ деревни Раци, расположенной в области Калабрия (Южная Италия), и ныряя с аквалангом, он заметил в сумраке на дне неясные очертания каких-то странных предметов.

...Когда две огромные бронзовые скульптуры, изображающие воинов, были извлечены на берег, приглашенные археологи сразу же поняли, что обнаружены произведения античного искусства Греции. Как известно, римляне вывезли из Греции многие произведения искусства, в их числе были, видимо, и эти, названные археологами условно «Молодой» и «Старый». Специалисты считают, что в работах неизвестного греческого мастера запечатлен облик соратников легендарного Аякса — героя войны между локренцами и кротонцами в 506 году до нашей эры.

«ЖИВОТ», ЧССР

Так выглядели греческие воины в VI веке до нашей эры.

28

25-я ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией гроссмейстера Виктора ЧЕПИЖНОГО

Задания очередного тура шахматной олимпиады мы предваряем разбором позиции из партии 19-летнего гроссмейстера Г. Каспарова, сыгранной им на московском межзональном турнире. Блестящая победа в этом отборочном соревновании вывела молодого шахматиста в претенденты на звание чемпиона мира. Каспаров — Сакс Москва, 1982 г.

Каспаров тонко оценил создавшуюся обоюдострую позицию и нашел четкий путь к победе: 21. С:c4 Л:e4 22. f3! Ф:f4 23. С:f7+! Кр:g7 24. Ф:d3! Ф:e3+ 25. Ф:e3 Л:e3 26. Л:d7 Кр:h6 27. Л:c7, и белые реализовали материальный перевес.

Лейтмотивом комбинации, осуществленной белыми, является тема засады. Действительно, цель ключевого хода 23. f3! не только очевидная «вилка» на неприятельских ферзя и ладью, но и скрытое действие ладьи f1 на ослабленное поле f7. Так, нельзя 23... Кр:f7 (23... Ф:f7) из-за 24. fe—ладья решающим образом вступает в игру.

На 24-м ходу в засаду становится белый ферзь: в случае отступления черной ладьи e4 выигрывает

ет 25. Ф:g6+. Поэтому черные вынуждены были перейти в проигранный эндшпиль.

Наконец, на 26-м ходу в засаду за своим слоном становится белая ладья (грозит, например, 27. Сd5+), что позволяет белым выиграть пешку, а вместе с ней и партию.

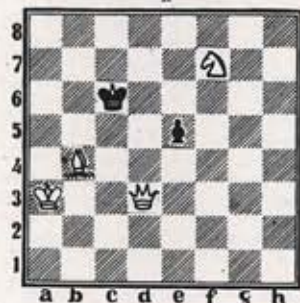
Подытожим: засада — это позиция дальнбойной фигуры за своей или чужой фигурой, после ухода которой проявляется действие дальнбойной фигуры на определенное поле или линию.

Полученные сведения, думается, помогут нашим читателям при выполнении заданий V тура шахматной олимпиады.

Тур пятый

Белые: Крb2, Фе8, Лc1, Лh1, Се3, Кс3, Кg3, пп. e4, f3, g2 (10). Черные: Крg8, Фа8, Лd7, Сс8, Сg7, Кf8, пп. c4, e5, g6, h7 (10). Ход черных. Найдите сильнейшее продолжение (2 балла).

Белые: Кра3, Фd3, Сb4, Кf7 (4). Черные: Крс6, п. e5 (2). Белые начинают и дают мат в 3 хода (2 балла).

Белые: Крд7, Ле6, пп. b4, d3, f2, f3, g5, h4 (8). Черные: Крд5, пп. b5, b6, d4, e7, h5 (6).

Белые начинают и дают мат в 4 хода (3 балла).

Ответы на задания пятого тура присылайте только на открытках (без конвертов) с пометкой «25-я шахматная олимпиада. 5-й тур». В первом задании достаточно указать первый ход, в остальных — все ходы решения. Последний срок присылки ответов — 15 мая (по почтовому штемпелю).

19 ШАШЕЧНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией мастера Виктора КРАМАРЕНКО

ЧЕМПИОНЫ ПРИГЛАШАЮТ

Мы получили необычное письмо:

«Дорогая редакция! Находясь в Ленинграде в связи с открытием мемориальной доски выдающемуся советскому шашкисту Василию Сокову, героически погибшему в 1944 году, мы узнали о начале 1-й олимпиады по шашкам в «Смене». Мы все свободное время посвящаем любимой игре. Когда-то начинали так же: с конкурсных решений шашечных композиций.

Шашки научили нас ставить и формулировать проблемы, логиче-

ски мыслить и проводить строгий анализ. А сколько сильных эмоций пришлось испытать за шашечной доской!

Помните у Адама Мицкевича «Чей ум живей, чей дух способнее к парню, Тем шашки лучшее доставят развлечение».

Не только «развлечение» и активный отдых доставили нам шашки. Каждый из нас добился определенных успехов. И всегда нам вспоминаются командные соревнования. Будь то команда коллектива физкультуры, клуба, республики или сборной страны. Коллективизм, товарищество, чувство локтя, взаимовыручка, высочайшая ответственность и девиз «Все для победы!». Словами этого не передать! Вам необходимо испытать все это самим.

Предлагаем с третьего тура участвовать в олимпиаде «Смены» еще и коллективы физкультуры, секции, кружки, бригады, звенья, отделения. Они должны избрать капитана. Решения принимать коллективно.

Команды-победительницы смогут встретиться с нами за шашечной доской. Мы с удовольствием откликнемся на приглашение этих коллективов физкультуры и побываем у них в гостях.

Елена Альтшуль, двукратная чемпионка мира; Елена Михайловская, Людмила Сохненко, Ольга Левина, экс-чемпионки мира; Анатолий Гантварг, Вячеслав Щеголев, экс-чемпионы мира; Ростислав Лещинский, чемпион Европы; Вадим Вирный, чемпион мира среди юниоров; Александр Балякин, чемпион СССР.

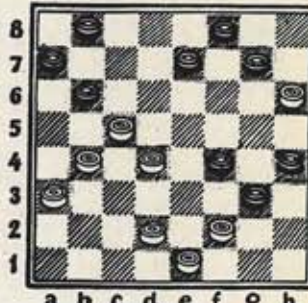
Редакция принимает предложение ведущих шашкистов. Начиная с 3-го тура в первой шашечной олимпиаде «Смены» могут принять участие также сборные команды. Капитанам обязательно указать в заявке количество членов команды, должность или место учебы, адрес. Задания те же, что и для всех участников. Членам сборных команд разряды, понятие не присваиваются. Команды-победительницы награждаются грамотами Федерации шашек СССР, библиотечками шашечной литературы и дипломами редакции. Вымпелы вручат чемпионы при

личной встрече, прочтут лекцию и проведут сеанс одновременной игры.

Тур третий

Для лучшей подготовки в конкурсные задания включаем концовки, которые зачастую встречаются в практической игре.

1. В. Степанов г. Абаза, Красноярский край Публикуется впервые

Белые: a3, b4, c5, d2, d4, e1, f2, h6 (8);

Черные: a7, b6, b8, e7, f4, f8, g3, g7, h4 (9).

Белые начинают и выигрывают с помощью комбинации (3 балла).

2. В. Степанов г. Абаза, Красноярский край Публикуется впервые

Белые: c1, c5, e3, f2, g3, h2 (6);

Черные: a5, a7, b6, c3, d4, e7, g5 (7).

Белые начинают и выигрывают с помощью комбинации (3 балла).

Ответы на задания третьего тура с пометкой «1-я шашечная олимпиада. 3-й тур». Последний срок присылки ответов — 15 мая (по почтовому штемпелю).

КРОССВОРД

Составил В. ГЛУШКОВ, Днепропетровск

По горизонтали:

- Подвижные сиденье в гоночных лодках.
- Игра в теннис, когда в каждой паре выступают мужчина и женщина.
- Духовой музыкальный инструмент.
- Тонкая шерстяная или бумажная ткань.
- Роман А. Н. Толстого.
- Часть дерева.
- Жук, вредитель корневых растений.
- Стержень для письма.
- Немецкий поэт и ученый.
- Английская мера длины.
- Инженер, разрабатывающий новую технику.
- Герой романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок».
- Луговой злак.
- Декабрист, участник войны 1812 года.
- На Руси: помещение для торговли зерном.
- Поезд.
- Осветительный прибор.
- Комнатное декоративное растение.
- Финно-угорское племя, жившее в междуречье Волги и Оки.
- Металл.
- Великан, богатырь.
- Тип моста.
- Придорожная канава.
- Веретенообразная морская рыба.
- Столица Ливии.
- Служебное слово в некоторых европейских языках.
- Музыкальный лад.
- Хищная морская птица.

По вертикали:

- Музыкальное произведение.
- Пустыня в Африке, одно из самых жарких мест на земле.
- Складчатые занавеси из тяжелой ткани.
- Цветные нитки для вышивания.
- Название в русских летописях латвийского города Цесис.
- Порода охотничьих собак.
- Американский изобретатель, построивший первый колесный пароход.
- Художественное произведение, изображающее ночные виды.
- Декоративный слой глины на керамическом изделии.
- Порт на Каспийском море.
- Способ гравирования.
- Драгоценный камень.
- Выражение, фраза, наводящая на догадку.
- Съедобный гриб.
- Генерал кавалерийского корпуса, защищавшего Москву в 1941 году.
- Техническая культура.
- Довод, аргумент.
- Русский живописец, член общества «Мир искусства».
- Предмет мебели.
- Русский писатель, автор повести «Степь».
- Жалящее насекомое.
- Бальный танец.
- Отдых, сочетающий путешествие и спорт.
- Подставка для нот.
- Способ музыкального исполнения.
- Минерал, руда гафния.
- Морской зверь.
- Летучая жидкость, обезболивающее средство.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПУБЛИКОВАННЫЙ В № 4

По горизонтали:

- Сварщик.
- Хризоберилл.
- Ленок.
- Пресс.
- Чилим.
- Умба.
- Стрелет.
- «Агасфер».
- Чаморро.
- Нотабене.
- Поморник.
- Кусачки.
- Бистрица.
- Сомадева.
- Новость.
- Залонка.
- Рогнеда.
- Иссоп.
- Элиан.
- Пихта.
- Бистр.
- «Протодьякон».
- Испанка.

По вертикали:

- Деряба.
- Гвоздика.
- Микромер.
- Электродинамика.
- Ортит.
- Влера.
- Растениеводство.
- Толерантность.
- Юриспруденция.
- «Черевички».
- Агамемнон.
- Фофан.
- Чекан.
- Опись.
- Офортист.
- Тальянка.
- Астра.
- Радон.
- «Идеалы».

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 19.01.83. Подписано к печати 01.02.83. А 02622. Формат 70x108/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 595. Заказ № 124. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Физкульт-УРА!

Тренеры из Подмосквья, Ленинграда, Славска, Белорецка обучают горнолыжной технике семилетних первоклашек на уроках физкультуры в общеобразовательных школах, а через год лучших отбирают в спортшколы. Некоторые тренеры из Закарпатья, Кировска, других мест идут даже не в школы, а в детские сады. Обучают азам горнолыжного спорта 4—6-летних ребятшек. Тренеры Аграновские из Петропавловска-Камчатского ставят на коротенькие слаломные лыжи детей с двух лет. Первые крепления у них — галоши, привинченные к лыжам, а обувь — валенки (отсюда и шуточное название, закрепившееся за этими детьми, — «галошники»). Беру на себя смелость высказать мысль: не столь важно, когда начать, куда важнее, — как начать и как тренировать ребят, чтобы к моменту физиологического расцвета у них не появилось охлаждение к избранному виду спорта.

Если же цель занятий — активный отдых и здоровье, обучать поворотам никогда не поздно.

Георгий Дмитриевич Салманов, кандидат технических наук, решил научиться поворотам на слаломных лыжах, когда ему было 48. Пришел к известному тренеру, а тот ему и говорит: «Вы что, серьезно? В сорок восемь? Я встал на лыжи, когда мне было семь, и то, считаю, поздно. Утопия, мой друг. Займитесь лучше беговыми лыжами — там техника попроще». Но Георгия Дмитриевича авторитет тренера не ошеломил. В конце концов он выучился поворачивать на параллельных лыжах. Теперь ему за 60. Он постоянно ездит в горы и бескорыстно учит поворотам новичков, которым дипломированные тренеры отказывают в обучении.

С чего же начать обучение?

Итак, основная стойка прямого спуска. Лыжи параллельны, расстояние между ними 5—8 см, не более. Правая (или левая) лыжа чуть выдвинута вперед (на 5—6 см). Колени слегка согнуты (точно пружины), руки с палками немного разведены в стороны.

Разучивать стойку полезно и на ежедневной зарядке без лыж. Встать в стойку, попружинить коленями, покачаться вперед-назад, загружая то пальцы, то пятки (при загрузке носков — «передняя» стойка, пятки — «задняя»). Мягко попрыгать на месте, разгибая и сгибая колени и сохраняя стойку. Голеностопные суставы в работе не участвуют — они «мертвы», заблокированы. Приземляться следует на всю ступню, «припечатывая» ступни к земле, полу (и подлетать вверх тоже со всей ступни, не с носка). Ни пятки, ни носки ступней при приземлении не должны расходиться. Следите, чтобы ступни были строго параллельными.

Это же упражнение повторяйте каждый раз наверху горки перед началом спуска (или внизу — перед подъемом). А когда совсем хорошо освоите основную стойку (где-то к концу второго месяца или конца сезона) и привыкнете к скорости, положите поперек склона тоненькие веточки на расстоянии 15—20 м. Заберитесь наверх и, спускаясь в стойке, легонько перепрыгивайте эти веточки тем же способом — за счет коротких, едва заметных толчков одними коленями. Перепрыгивайте через них лишь носками лыж.

Склон (поначалу, конечно) должен быть очень простым, пологим, широко расчищенным, с мягким выкатом. По мере обучения склон выбирайте покруче, посложнее, с изменчивым рельефом.

И еще: при разучивании стойки прямо-

Фото
Анатолия БОЧИННА
и Вадима ГИППЕНРЕЙТЕРА

**Владимир
ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ,**
мастер спорта

ВЕТЕР СКОРОСТИ

**ПЕРВЫЙ РАЗ
НА САМУЮ ВЫСОКУЮ ГОРУ.**

**ПЕРЕД ВЫЗОВОМ
НА СТАРТ.**

ВЛАСТЬ НАД СКОРОСТЬЮ ДАЮТ МАСТЕРСТВО И СМЕЛОСТЬ.

го спуска не выставляйте вперед палки. Если они выходят вперед «сами», покайтесь без них, отработайте стойку.

Разучивать стойку прямого спуска можно на любых лыжах, но дальнейшее обучение возможно только на специальных, коротких. Длина этих лыж на первом этапе обучения для 5—6-летних детей — около 60 см, для 8—15-летних — 100 см, для более взрослых — 100 или 120—140 см.

Можно сделать очень хорошие коротышки и самим — из старых длинных слаломных лыж со сломанными пятками. Негодную заднюю часть лыжи отпилите, а на середину коротышки поставьте крепление — и лыжа готова. Не гнущаяся? Пусть это не смущает: метровые лыжи впишутся в любую рытвину.

Неплохо приобрести сразу автоматические крепления, которые есть в магазинах, и слаломные ботинки, но для начала годятся любая обувь и различные крепления, усиленные резиновым бинтом. Самым маленьким подойдут и прибитые к лыжам старые боты, в которые малыш влезает в валенках (так же, как в крепления «чешские сандалии»).

Коротенькие лыжи обладают еще одним важным свойством: катание на них и разучивание поворотов (даже без автоматических креплений) безопаснее, чем на длинных лыжах, так как при падении ребята легко приподнимают короткие лыжи вверх и, свободно вращаясь на спине, животе или боку, быстро останавливаются. Длинные же лыжи (большие рычаги!) втыкаются в снег — ноги переплетаются...

Как я уже говорил, склон должен быть пологим, широким и обязательно хорошо укатанным (подъемами на лыжах «лесенкой», глассированием на лыжах сверху вниз), иначе повороты на параллельных лыжах не получатся. Расставьте на умятом склоне веточки — одну справа, другую немного ниже слева и т. д. (штук пять-шесть), чтобы, огибая их, пришлось пересекать наискось (чуть не поперек) весь склон то в одну, то в другую сторону. Теперь поднимитесь наверх. Встаньте в стойку прямого спуска, которую освоили, попружиньте коленями, глубоко вдохните, оттолкнитесь палками и... постарайтесь на ходу, энергично и свободно подавая согнутые колени в сторону поворота (словно на коньках), обогнуть все веточки. Обогнуть их — сейчас самая важная задача! Тем, у кого возникнут затруднения при обучении, рекомендую на скользком паркетном полу расстелить коврик и на нем проделывать во время утренней зарядки движения, которые напоминают танец твист: колени вправо-влево, то приседая поглубже, то выпрямляясь. На горе, во время огибания веточек, вы вспомните эти движения и легче освоите повороты.

На самых коротких лыжах даже взрослые (не говоря о детях) способны совершаться год, два, а то и три.

Тренируйте на мини-лыжах упрощенный слалом, отдельные фигуры слалома, «змейку» (короткую и длинную). Научитесь на мини-лыжах правильно работать руками и палками. Научитесь, кроме всего прочего, спускаться по свежавывавшему снегу и на окантованных мини-лыжах по жестким трассам. Участвуйте в состязаниях по слалому на мини-лыжах. Словом (при затруднении с очередными лыжами), переходить на лыжи следующего размера надо лишь тогда (тут уж ничего не сделаешь), когда вы почувствуете, что исчерпали все возможности мини-лыж.

Длина следующих после метровых лыж должна быть 120—130 см, после 60-сантиметровых (детских) — 80—100 см. Почему я заостряю внимание на этом? Да потому, что очень многие спешат — переходят сразу на лыжи чрезмерно длинные (которые нарушают обучение), а потом разочаровываются в «методе».